

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

"НАУКА"
МОСКВА - 1997

СОДЕРЖАНИЕ

М.В. Никитин (С.-Петербург). Предел семиотики.....	3
Р. Ратмайр (Вена). Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков).....	15
Т.К. Абдиев (С.-Петербург). Конструкции с каузативными глаголами в киргизском языке.....	23
М.Г. Гальченко, А.Н. Яценко (Москва). Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсевием-Ефремом (к вопросу о втором Южнославянском влиянии).....	31
А.Л. Семенов (Москва). Особенности лексических заимствований в китайском языке.....	48
Е.И. Шутова (Москва). Сложение значимых моносиллабов как грамматический способ современного китайского языка (на материале класса именных полисиллабов).....	58
М.М. Макаровский (Москва). Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов.....	73

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Л.В. Кнорина. Лингвистические аспекты еврейской традиции комментирования....	97
------------------------------------------------------------------------------	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

В.В. Дементьев (Саратов). Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике.....	109
---------------------------------------------------------------------------------------------	-----

Рецензии

Т.З. Черданцева (Москва). <i>Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова. Словарь образных выражений русского языка</i>	122
В.М. Мокеев (С.-Петербург). <i>J. Petermann, R. Hansen-Kokorus, T. Bill. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch</i>	125
В.М. Алпатов (Москва). <i>J. Edwards. Multilingualism</i>	131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.....	137
---------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, Г.А. Климов (отв. секретарь), Т.М. Николаева, Ю.В. Откупщиков, В.В. Петров, В.М. Солнцев, О.Н. Трубочев (главный редактор), А.М. Щербак

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2
Институт русского языка, редакция журнала "Вопросы языкознания"

Тел. 201-74-42

Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

© 1997 г. М.В. НИКИТИН

ПРЕДЕЛ СЕМИОТИКИ

Современная семиотика (семиология) в значительной своей части оставляет странное впечатление. Если оценивать нынешнее ее наиболее влиятельное направление объективно, освободившись от давления сложившихся в нем и гипнотически внушаемых стереотипов, то обнаруживаешь направление без предмета, науку, живущую с "чужих капиталов". В нынешнем своем виде семиотика этого рода выглядит необязательной и избыточной. Без нее вполне можно обойтись, т.к. она заимствует свой предмет у других наук и ничего не добавляет к их усилиям, кроме того, без необходимости навязывает свою фразеологию. Она пытается свести под шапкой знаковости психологию и психоанализ, психопатологию и теорию сексуальности, теорию восприятия, внушения, удовольствия; феминизм и маскулинизм; теорию личности, общения и личностных интеракций; теорию коммуникации и теорию значения; оккультизм и ясновидение (идеологию, мифологию и религию), лингвистику, литературоведение, теорию искусств (кино, театр, живопись, музыку и пр.) и поэтику, структурализм, релятивизм, формализм, символизм и многое другое на разных уровнях общего и частного.

При этом диапазон сближаемого оказывается настолько широк, а различия внутри его настолько велики, что семиотические обобщения сводятся к бессодержательной категоризации в терминах означаемого – означающего. Участие семиотики этим и ограничивается, а весь содержательный позитивный анализ осуществляется помимо семиотики в рамках концептуально-методологических аппаратов соответствующих наук и дисциплин. Стремясь встать над другими науками, семиотика лишь путается у них под ногами, не добавляя ни новых знаний, ни общей перспективы. Идя этим путем, она вырождается в род квазинаучных занятий, красиво декорированных спекулятивных игр, совершаемых по правилам, но, увы, научно-бессодержательных. История науки полна таких псевдонаучных игр. Они всегда сопровождают ее движение к новым границам и новым обобщениям [Труды 1964–1987; Barthes 1964; Coquet 1973; Derrida 1967; Eco 1980; Elam 1980; Greimas 1970; 1971; Guiraud 1971; Hawkes 1977; Heath 1971; Harvey 1982; Jakobson 1971; Metz 1974; Morris 1971; Riffaterre 1978; Scholes 1981; Sebeok 1969; Serge 1973; Silverman 1983; Wollen 1972, ср. Иванов 1976].

За характерными примерами можно обратиться, например, к "Мифологиям", сборникам очерков Р. Барта [Barthes 1957; Барт 1989]. Барт подвергает беспощадному (и справедливому!) анализу социально-политические мифы, создаваемые средствами массовой информации. Однако семиотическая интерпретация этих мифов ничего не добавляет к анализу: она сомнительна и бессодержательна. Барт анализирует картинку на обложке журнала "Пари-Матч": негр в французской военной форме, подняв глаза, отдает честь французскому национальному флагу. Идея монтажа понятна: создать представление о Франции как державе, которая одинаково дорога всем ее сынам независимо от цвета кожи. Здесь с Бартом можно только согласиться, но сомнительна его семиотическая квалификация средств, создающих это представление. Саму картину он рассматривает как знак первого порядка, в котором означающее – субстанциальная основа изображения (рисунок, цвет, форма как

цельная структура), а означаемое (значение) – концепт: негр-военный преданно смотрит на флаг своей страны – Франции. Но этот знак, говорит Барт, в свою очередь служит означаемым структурно более сложного знака второго порядка, значением которого как раз и является представление о Франции как о державе, которую одинаково любят и готовы защищать все ее сыны любого цвета кожи. Внушить такое представление и является коммуникативной целью монтажа.

Все так и есть, но возникают вопросы. Можно ли считать знаками изображения разного рода (как сделанные с натуры, так и смонтированные специалистом)? А вместе с этим знакова ли природа всяких отображений (умственных и вещественных), схем, моделей, копий, дубликатов, воспроизведений, подделок и т.п.? Не соотносятся ли субстанция изображения и образ как форма и содержание? И не следует ли тогда связь означаемого и означющего тоже толковать как связь формы и содержания? Однако форма и содержание, как известно, не вполне автономны друг от друга. Но и как тогда быть с принципом произвольности знака?

Но самым существенным в этом контексте является вопрос: каков механизм осмысления (сигнификации, а шире – семантизации) картинки на уровне "знака второго порядка"? Есть ли в этом механизме что-либо знаковое, т.е. с е м и о т и ч е н ли он по существу, чтобы его можно было исследовать и описывать собственно семиотическими средствами, или же механизм осмысления не содержит ничего специфически знакового, и значение тут сообщается отправителем и извлекается получателем на основе знания связей и зависимостей мира? Если справедливо последнее, то для семиотики тут мало места и в дело должны вступать всякий раз те области знания, к компетенции которых относятся эти связи и зависимости.

Выводы о значении картинки с негром делаются, очевидно, из знания общественно-политической жизни Франции, из знания прессы, ее средств и целей. Картинка как образ вторична по отношению к изображаемому предмету. Сходное значение наблюдатель мог бы извлечь, увидев ту же сцену "в натуре", "живьем". И разница между натурой и картинкой состояла бы в том, что в первом случае ситуация была бы ненамеренной и потому незнаковой, хотя и значимой, а в случае журнальной картинки – намеренной, значимой, хотя и не знаковой.

У семиотики безусловно есть свой собственный предмет, и этот предмет огромен, многопланов и чрезвычайно важен – знаки и знаковая деятельность разных видов, но она сбивается, во-первых, в понимании знака и, во-вторых, в исследовании собственно знаков (семиотика исследует в знаках то, что в них незнаково). Для определения знака существенно помимо прочего то, что он интенционален и у него есть отправитель. Нет коммуникативной интенции – нет и знака, нет отправителя – тоже нет знака. Знак предполагает отправителя с коммуникативной интенцией, которую знак реализует. Однако одного получателя – интерпретатора недостаточно.

В понимании знака семиотика последовала за Ч. Пирсом [Pierce 1931–1958]. Ей следовало бы держаться пути, намеченного Ф. де Соссюром [Saussure 1915]. Пирс обошелся без отправителя знаков, ему достаточно было получателя. Результатом было необоснованное расширение понятия знак, куда попали, помимо подлинных интенциональных знаков, также неинтенциональные псевдознаки без отправителя – индексальные и иконические. Между тем, всякий, кто считает красный закат знаком ветреной погоды, а отражение неба в воде – его знаковым субститутотом, должен спросить себя: кто и с какой целью посылает ему эти знаки?

Итак, знак интенционален и предполагает отправителя еще в большей мере, чем получателя. В его определение непременно должно входить то, что это – конвенциональный транслятор значений от отправителя к получателю. Он – результат специальной конвенции, в том числе спонтанно возникшей (как в случае естественных языков – первичной знаковой системы, обеспечившей обобщающе-абстрагирующий понятийный уровень человеческого сознания). Эта конвенция связывает условной, в принципе произвольной связью означающее (десигнатор) и означаемое (значение, десигнат) с тем, чтобы посредством означающего отправитель

знака мог по своей воле и желанию актуализировать значения в сознании получателя. Связь двух сторон знака произвольна в принципе, но ничего не мешает ей (там, где это возможно и желательно) быть так или иначе мотивированной (например, для удобства запоминания и понимания знака).

Такое понимание знака включает в их число естественные языки и вторичные знаковые системы, но исключает все ситуации, в том числе значимые, где нет отправителя с коммуникативным намерением, актуализирующего в получателе определенное, по его замыслу, информационное состояние посредством специально согласованных между ними средств – знаков. Тем самым знаковая деятельность выводится из цепей, зависимостей, связей отражаемого сознанием мира (из "фреймов" этого мира) и противопоставляется в параллель ему как его знаковое отражение. Иначе говоря, из знаков исключаются пирсовские индексальные и иконические знаки в той мере, в какой под первыми имеются в виду пропущенные через сознание наблюдателя собственные связи и изобразительные подобию вещей и событий.

Корень проблемы и источник заблуждений того направления семиотики, о котором идет речь, и в том, что понимается под знаком, и в том, как понимается соотношение знака и значения. Ошибочно считать, что значение обязательно предполагает знак, его выражающий, что всякая значимая ситуация знакова. Нет знака без значения, но обратное неверно: вполне возможны незнаковые значимые ситуации, т.е. ситуации, где есть значение, но нет выражающего его знака. Общность корня в этих словах в русском не должно вводить в заблуждение. В других языках дело может обстоять иначе. У значения гораздо более широкий объем, чем у знака.

Само значение – явление духовного плана, это информационная зависимость концептов двух вещей в сознании. Значение возникает всякий раз, когда одно информирует о другом и настраивает сознание на это второе как информационно важное. Значение существует в концептуальных связях определенного вида. Концепты как дискретные содержательные сущности сознания объединены концептуальными связями.

Эти связи – тройкого рода: импликационные, сравнительно-классификационные и семиотические (знаковые). Первые являются мыслительным аналогом реальных связей сущностей объективного мира. В конечном счете это отражение связей между вещами, событиями, между частью и целым, между вещью и признаками. Один концепт предполагает, вызывает мысль о другом, одно понятие имплицитно другое в силу зависимости, взаимодействия, связи отражаемых ими сущностей. Наиболее явным примером импликационных связей является отражение в сознании причинно-следственных связей, но сюда же относятся связи пространственные, временные, холо-партитивные и иные, т.е. всякого рода линейные связки, соположенности, совместности, сопряженности.

Импликация может быть отражением самых разнообразных случаев совместной встречаемости сущностей: одновременных и разновременных, статических и динамических, взаимонаправленных и однонаправленных и т.д. Здесь надо отметить важный момент: связи отражаемых сущностей могут быть однонаправленными и взаимными, но концептуальные связи всегда взаимны, обратимы. К примеру, не только мысль о причине предполагает мысль о следствии, но и наоборот.

Понятию импликации здесь придается смысл более широкий, чем в логике. Импликация – один из двух, наряду с сравнением-классификацией, способов организации сознания, формирования концептуальных структур. Это один из двух типов мыслительных операций реального мышления, ментальный аналог линейных связей в структуре мира. Логическая импликация – конструкт реальных мыслительных операций импликационного типа с тем ограничением, что учитывает вектор онтологических зависимостей.

Достаточно включить информационную настройку сознания, и импликационные связи порождают феномен значения. Один концепт актуализирует другой, информационно важный, и этот второй оказывается значением первого. В языке это

сигнализируется специальной связкой значения "значить": *он устал*, значит, "быстро уснул"; *он быстро уснул*, значит, "устал"; *следы шин* означает, что прошла машина; *красный закат* означает ветреную погоду и т.д. Во всех подобных случаях ситуация значима, но не знакова: ни усталость, ни сон, ни следы шин, ни красный закат не интенциональны в функции оповещения. За ними нет ни коммуникативного намерения, ни отправителя. Наблюдатель не принимает их за знаки, не следует этого делать и семиотику.

Другой важный тип концептуальных связей, структурирующих сознание – связи сравнительно-классификационные. Они являются мыслительным аналогом распределения признаков в сущностях мира. Иначе говоря, объективной основой сравнения – классификация являющаяся общности – различия сущностей отражаемого сознанием мира по обнаруживаемым ими признакам. Общие признаки могут лежать в области интенционалов сравниваемых понятий, т.е. относятся к числу классообразующих, тогда концепты выстраиваются по родо-видовой вертикали (классификационная или гипер-гипонимическая иерархия понятий) или же выстраиваются на одном уровне обобщения как виды одного рода (эквонимическая связь понятий). Но сравнение может пойти по линии побочных признаков, по крайней мере для одного из сравниваемых по содержанию понятий, и тогда мы имеем дело с сравнением в узком смысле слова (сравнением-симиляцией, уподоблением), т.е. таким, которое служит основой метафор.

Для нас, однако, существенно то, что концептуальные связи сравнительно-классификационного типа, основанные на общности признаков, не порождают значения. И это понятно, т.к. в этом случае связь между двумя сущностями устанавливается в сознании и отражает не какую-то реальную связь сущностей, не их зависимости и взаимодействия, а только общность присущих им признаков или уровни обобщения признаков. Красный закат похож, но не означает пожар, в то время как красное зарево не столько похоже на пожар, сколько означает его в силу того, что второму свойственно первое. И если вид красного заката наведет на мысль о пожаре или зарево напомнит закат, а закат – зарево, то ни в одном из этих случаев первое не может быть названо значением второго, и соответственно нельзя соединить их связкой значения "значит".

Что же касается семиотических (знаковых) концептуальных связей, связей между двумя сторонами знака – означающим и означаемым, то они для того и устанавливаются, чтобы нести значения, и в этом их отличие от импликационных концептуальных связей. Означающее и означаемое не связаны отношением импликации. Если оно где-то и отмечается, оно лишь подсобно. При знаковой связи, как и при импликационной, концепты объединены значимым отношением и той же связкой значения "значит". Первый из них актуализирует второй и настраивает сознание на этот второй как информационно важный: второй является значением первого. Отличие же состоит в том, что для знака "значить" есть его функция, назначение, чего не скажешь об импликационных связях: событие что-то значит не потому, что за ним закреплено значение, а потому, что наблюдатель знает импликации из него, и они заслуживают его внимания. Волнение на море и плакат "купаться запрещено" имеют для наблюдателя сходное значение, но в первом случае оно – импликационный результат знания мира, а во втором – семиотический результат знания языка. Представление о том, что дует сильный ветер можно получить, увидев, как за окном несутся облака, или услышав слова: "дует сильный ветер". В первом случае ситуация незнакова, но значима, и значение – результат импликации: несутся облака, значит, дует сильный ветер. Во втором случае ситуация и значима, и знакова, и значение есть принадлежность знака, его вторая сторона: "дует сильный ветер" означает, что дует сильный ветер.

Таким образом, по характеру связи двух концептов, концепта актуализирующего и концепта актуализируемого, значение распадается на два вида – импликационное (незнаковое) и семиотическое (знаковое, конвенциональное, кодифицированное).

Применительно к интересующей нас теме важно то обстоятельство, что сами задействованные знаки несут значение обоих видов – собственно знаковое (семиотическое) и импликационное. То, что они несут первое, само собой понятно: для того и существует знак. Но нетрудно увидеть в актуализированном (употребленном) знаке наличие значения второго вида – импликационного. Поскольку его базой, источником (импликатором) в этом случае служит не просто событие, но событие-знак, то эту разновидность значений-импликаций следует назвать по их источнику семиоимпликационным.

В самом деле, знаковый акт всеми своими компонентами, на всех уровнях своей структуры, сам по себе и во взаимодействии со средой своего осуществления служит источником внезаковых импликаций, т.е. воспринимается не только как знак с его знаковым значением, но анализируется во всей полноте его сторон как целостное явление и тем самым из него извлекается масса разнообразной информации. Эта информация в чем-то дополняет собственно знаковое значение высказываний и текстов, в чем-то осложняет его, а в чем-то противоречит ему, вступает с ним в конфликт и корректирует его. В конечном счете получатель извлекает некий суммарный итог взаимодействия кодифицированного семиотического и некодифицированного семиоимпликационного значения знаковых актов. Первое извлекается из знания языка, второе из знания мира, людей, знаковой деятельности, из знания того, как используется язык, и это различие существенно, несмотря на то, что никакой жесткой границы между знанием языка и знанием мира нет – прежде всего в силу вероятностной природы самих кодифицированных значений [Никитин 1988].

Не только компоненты формы знаковых выражений, но и само кодифицированное семиотическое значение, взаимодействуя с обстоятельствами его реализации, попадают в фокус внимания и служат источником множества импликаций, наращивая суммарное значение знакового акта семиоимпликационными приращениями в силу того, что всякое знаковое событие анализируется не только как событие в знаковой деятельности, но и шире – как событие в мире.

За примерами ходить недалеко, в особенности теперь с утверждением прагматики, определяемой как исследование того, как люди используют язык (ср. такие ее понятия, как "косвенные речевые акты" и "импликатуры речевого общения"). Тембр голоса, его высота, чистота и модуляции, признаки эмоциональной вовлеченности и прочие фонологически нерелевантные особенности фонации, выбор языковых средств разных уровней и их комбинаторика, мера их уместности и нормативности, их взаимодействие с обстоятельствами коммуникации и сопровождающими их мимикой, жестикulyацией и телодвижениями, лежащими за рамками кодификации – все это и множество другого служат источниками намеренных и произвольных импликаций из знаков словесных и иных. Особенность импликаций в том и состоит, что они не кодифицированы. Они представляют собой выводное знание, вероятностные заключения из конкретных ситуаций употребления знаков. Они опираются в конечном счете на весь человеческий опыт, на сложные структуры вероятностного знания, на разветвленные цепи причин и следствий, совмещенностей и соположенностей. Они предполагают знание множества предметных областей с их связями и зависимостями, в которых их выводит импликационный анализ использования языка. Здесь каждый "знак" имеет значение в зависимости от обстоятельств употребления и поэтому знаком не является. Здесь нет словаря и грамматики в собственном смысле, а есть вероятностные связи и зависимости сущностей и явлений (событий) в отражаемом сознанием и творимом им действительном и мнимом мирах. Даже при жесткой (однозначной) и сильновероятностной зависимости одного события от другого первое не может считаться знаком второго, если за ним не стоит отправитель с интенцией на коммуникацию значения.

Обручальное кольцо – знак с кодифицированным актуальным значением (но на пальце, а не в витрине, где у него значение потенциальное, виртуальное,

"словарное"). Если вы увидели кольцо на руке у вашего знакомого, который обещал не жениться, это значит для вас, что он вероятно, все же женился (кодифицированное значение) и, следовательно, нарушил обещание (импликационное значение). Если, однако, вам доподлинно известно, что он, хотя и надел кольцо, остается холостяком, это значит для вас, что вас приглашают перейти из действительного мира, непреложного мира реальностей в мир игровой или обманной (вероятностная импликация). При этом значения надетого кольца остаются за знаком (обручение плюс нарушение обета), но уже не как истинностные, а как мнимые, не как факты истинностного мира, а как факт игры или обмана. Первична, конечно, презумпция истинностного употребления знаков, когда говорящий представляет свои суждения как относящиеся к положению дел в реальном непреложном мире, даже если это почему-либо не так: истинностное утверждение еще не истинное и его еще надо проверить на истину. Игровое общение в этом смысле вторично, и должны быть указания на то, что происходит вступление в игру.

Для наших целей, однако, существенно то, что импликационное значение события свободно движется в поле его линейных связей с другими событиями и каждый раз его содержание определяется обстоятельствами осуществления события, а не той достаточно жесткой условной привязкой одного к другому, которая существует между означаемым и означающим знака. Привязка означаемого к означающему потому и должна быть жесткой, что она в принципе произвольна и условна.

Семиотическая интерпретация вещей и событий как означающих бессодержательна и избыточна потому, что приравнивает язык к миру, знание языка к знанию мира. Тогда окажется, что языков столько, сколько разных обстоятельств употребления знака. В рамках принятой знаковой системы знак должен держаться определенного значения, варьируя его согласно правил семантической деривации. Знак не может радикально менять свое содержание сообразно обстоятельствам своего употребления. Насколько может он противостоят им, а уступая их диктату, он теряет качество знака, и тогда незачем, избыточно, непродуктивно анализировать его в терминах знака. От знака остается только основа для импликаций, он теряет свою знаковую сущность и становится просто событием, умножая их ряд и включаясь в структуру их связей. В этой структуре он значим, но уже не знаков. Он выходит за пределы языка, где его значение было кодифицировано, и теперь, чтобы установить его значение, надо знать не словарь и грамматику языка, ставшего в параллель миру, а "словарь и грамматику" мира, включившего в себя знаковые события как часть и продолжение структуры своих связей.

Суть проблемы состоит в том, что не события надо сводить к знакам, а напротив, знаки расширять до событий. События могут приобретать знаковый характер (семиотизироваться), но лишь, как увидим далее, в специальных условиях: в знаках же, помимо их специфически знаковой сущности, постоянно присутствует родовый событийный (вещной) компонент. По этой причине импликационные значения знаков (семиоимпликационные значения) не могут быть заданы словарно ни жестким перечнем, ни указанием моделей варьирования. Они переменны настолько, насколько многообразны связи и зависимости сущностей и событий в мире. Семиотика бессильна сказать о них что-либо содержательное, кроме того, что это импликации от знаков как событий. Здесь она должна уступить место тем областям знания, обыденного или академического (научного), к ведению которых относятся те или иные конкретные связи.

В других обстоятельствах цветная картинка на обложке журнала, которую анализирует Барт, могла означать, что журнал освоил цветную полиграфию. Кольцо на руке разведенного может означать, что ему дорога память бывшего союза или что он распорядился настолько, что не может снять кольцо и т.д.

Иное дело возможная семиотизация вещей и событий. Вещь, субстанция или событие семиотизируется, если они специально создаются, чтобы служить знаком (например, разные указатели, сигналы, вроде семафоров и т.п.) или же, имея и другие

функции, приспособляются и используются в знаковой функции. При этом часто обходятся изображением соответствующей вещи (ср., например, рисованные вывески на лавках, мастерских и т.п.). Семиотизация вещи, для которой знаковая функция дополнительна, побочна к ее основному, прямому назначению, превращает ее в символ. Символ семантизируется, т.е. приобретает значение, на основе линейных и уподобительных связей вещи, а именно, на основе импликационных и симилятивных связей концепта вещи, т.к. первые отражаются в сознании в виде вторых.

Сапог или его изображение над входом в сапожную мастерскую служат простейшим символом-знаком этой мастерской, который семантизируется на импликационной основе как метоним целого по части. Его дело — необычным для него положением направить ассоциации в нужном направлении. Поскольку вещь может вызвать множество ассоциаций линейного порядка, семантика метонима нуждается в уточнении, что и делается здесь за счет того, что символ не одинок: он стоит в ряду общей модели обозначения мастерских, лавок и т.п. по тем предметам, которыми они оперируют. Значением символа могут быть, понятно, не только импликации целого, но и напротив — части от целого, а также импликации от вещи к другой вещи, от вещи к признаку и т.п.

При семиотизации вещь изымается из первичных связей, выходит из обычного оборота, меняет "фрейм существования" (отсюда и необычное положение сапога). Вещь противопоставляется миру вещей и переходит в параллельный мир обозначений. При этом она обозначает нечто большее, чем самое себя: она обозначает не вещь, а класс вещей и не тот класс, к которому она принадлежит, а тот, который с ней линейно связан — класс сложных целых состояний, ситуаций, элементом которых она является. Сложное, абстрактное, ненаглядное обозначается через простое, конкретное, наглядное.

Что отличает импликационный символ (символ-метоним) как знак от просто значимой импликационной связки? Во-первых, как видим, наличествует отправитель и коммуникативное назначение. Во-вторых, становясь символом, вещь не только наделяется информационно коммуникативной функцией, но в этой функции изымается из своих предметных связей. Для сознания ее предметная сущность как бы нейтрализуется, она существует в абстракции от самой вещи. Поэтому вещь как символ может быть заменена изображением. Вещь-символ уже не участвует в своих предметных связях, а только автономно указывает на себя и свои предметные связи. Символ автономен, но его автономность отлична от автономности типичных знаков-несимволов. Символ отсылает к себе как вещи и через себя к своим связям. Знак-символ в автономном употреблении отсылает к себе как знаку и через себя к контекстам своего употребления.

Выше был упомянут известный факт возможной иконичности символа — подобия между символом и его денотатом (ср. колесо Фортуны как символ превратности судьбы, весы в руках Фемиды как символ взвешенной оценки вины, царственный образ орла и его верховенство — в прямом и переносном смысле — как символ державной власти). Символ всегда мотивирован хотя бы в исходе (со временем мотивировка может затемниться и утратиться), и мотивирован он прежде всего импликационными зависимостями семиотизируемой вещи. Однако ничто не мешает ему в дополнение к этому быть иконичным, если требуемый смысл позволяет совместить импликацию с подобием. Важно то, что импликация от вещи (события) к ее признакам и связям обязательна для семантизации любого символа, в том числе и иконического. В самом деле, колесо вращается, и это означает смену положения (импликация), этим оно подобно судьбе (симиляция). Орел имеет царственный вид и обитает в самых горных сферах (импликация), и этим он подобен верховному властителю (симиляция). Весы колеблются под грузом и показывают его точный вес (импликация), так и суд должен взвесить все обстоятельства дела и справедливо решить его.

Поэтому в основе семантизации иконических символов лежат ассоциации того же импликационного типа, а подобие дополнительно, методом моделирования ориентирует процесс поиска смысла: вещь (событие) не только передает свои признаки и связи денотату символа, но и служит его моделью. Тем самым сказанное об импликационных символах справедливо и относительно симулятивных (иконических) символов, когда вещь (событие) или ее изображение означает нечто подобное себе, но, как правило, более сложной и менее наглядной отвлеченной природы.

Речевая (а шире — знаковая) деятельность и ее произведения, с одной стороны, противопоставлены и параллельны миру и деятельности человека как их знаковые аналоги. Но, с другой стороны, первое включено во второе и дополняет его как часть, так что знаки и знаковая деятельность продолжают и расширяют мир вещей, событий, человеческой деятельности. Только в первом своем аспекте знаковые продукты имеют специфический, семиотический характер и должны изучаться прежде всего специфическими средствами семиотики. Напротив, во втором аспекте к ним добавляется многое, что не специфично для знаков, и знаки подключаются к миру как род вещей, действий, событий, поступков. Анализ их значения в этом случае, как мы видим, выходит из компетенции семиотики и требует большего, чем значение языка, кода, знаков. Он требует знания мира на самых различных его участках. Эта часть информации, извлекаемая из знаков, — их семиоимпликационное значение — не ограничивается даже такой достаточно широкой сферой, как знание того, как люди используют язык. В конечном счете здесь приходится иметь дело с совокупным человеческим знанием.

В отвлечении от знаковой специфики знак становится вещью и может быть заново семиотизирован как символ посредством того же механизма символизации вещей — за счет импликации ее признаков и связей. При этом знак изымается из той знаковой системы, которая порождает его и в рамках которой ему положено функционировать. Тем самым он теряет то значение, которое ему положено иметь как продукту этой знаковой системы. Взамен он приобретает способность обобщенно, на уровне класса обозначать на импликационной основе некоторую совокупность обстоятельств, связанных с каким-то конкретным, но примечательным контекстом употребления знака. Так появляется особый смысл у выражений-символов вроде "процесс пошел", "ino pasarān!" и т.п.

Таким образом, для того, чтобы импликационная зависимость вещей и событий из просто значимой для наблюдателя ситуации превратилась в ситуацию знаково-значимую, надо, чтобы она "попала в руки" отправителю информации, чтобы она управлялась, вызывалась и создавалась им как намеренное информационно-коммуникативное действие. Отправитель должен владеть ею, а для этого ему надо изъять вещь-импликатор из его природной среды, противопоставить и поставить ее в параллель среде как ее информационно-коммуникативное отображение и выражение. Показателем изъятия служит возможность заменить вещь-импликатор изобразительным или иным условным, экономически и коммуникативно более удобным субститутом. Субституция возможна, поскольку вещь-символ интересна нам не в природном, а в информационном качестве, как источник необходимых ассоциаций, стимулятор и актуализатор значений, и мы можем управлять ею в этом качестве.

Символы возникают в тех пределах, в которых человек может управлять порождением вещей и событий в качестве импликаторов значений. Но символ — знак, и как знак он требует изъятия импликатора из своей природной среды, из "фреймов" вещного мира, перехода в параллельный мир обозначений этого мира. Однако у отправителя есть другая возможность актуализировать значения в голове наблюдателя посредством импликаций, не прибегая к знакам. Можно сыграть, создать желаемую импликационную ситуацию, порождая видимость, что она возникает сама по себе, независим от воли отправителя. Среагировав на нее, наблюдатель извлечет из нее нужное отправителю значение. Попросту говоря, у него возникает требуемая мысль, нужное представление.

Примеров подобного рода очень много. Сюда относятся и действия, вызывающие значения посредством хитрости, притворства и обмана, и вполне благовидные приемы намеренно организованной импликации значений. Притворный храп должен создать представление о спящем человеке. Непритворный храп вряд ли кто назовет знаком сна (признак сна не есть знак сна), но и притворный храп не дотягивает до знака: хотя отправитель и вкладывает в него информационно-коммуникативное намерение, но для наблюдателя этот знак не изъят из своих природных связей и намеренным действием не является. Храп станет знаком, когда и отправитель, и получатель договорятся о том, что храп будет свидетельствовать, например, о бодрствовании. Но тогда он действительно изымается из своих естественных связей, ему условно приписывается даже нечто противное этим связям, с ним отправитель и получатель связывают некоторое — согласно условию — информационно-коммуникативное намерение отправителя. И этому должна предшествовать договоренность.

Допустим теперь, что конвенции нет, но наблюдатель разгадал маневр отправителя. Достаточно ли этого, чтобы уловка превратилась в знак того значения, которое замыслил отправитель? Нет, недостаточно и вот почему. Оказывается, — и здесь это ясно обнаруживается — что знак произведен, вторичен по отношению к языку, коду, коммуникативной конвенции, как бы они сознательно или спонтанно — ни сложились. Сначала знаковая конвенция, общая для отправителя и получателя, потом знак в рамках и в реализацию этой конвенции. Очевидно, что нельзя зависимости мира объявлять знаком, а весь мир текстом, так как язык не оставил бы места для мира. Этой метафоре часто навязывают прямой смысл, но тогда она изначально подрывает себя, так как снимает проблему: сводя мир к языку (тексту), сводя на нет вопрос об их различии, а дело ведь именно в этом. Понятие знака теряет смысл, если в нем не остается ничего специфически знакового.

Семиотическое, кодифицированное значение знака не может радикально меняться при обозначении и описании разных ситуаций, оно лишь варьирует в определенных пределах и по определенным моделям. Описывая мир, язык следует за сменой ситуаций, меняя знаки, но не значения знаков (это возможно только в определенных пределах и по определенным моделям семантической деривации). Знак ценен стабильностью значения. Напротив, импликационные значения, в том числе и семиоимпликационные не стабильны, зависят от ситуации и выводятся из обстоятельств осуществления события или употребления знака.

Сказанное очерчивает предел знака и семиотики как науки о знаках. Знаку предшествует конвенция о значении, спонтанно возникшая в случае генезиса естественного языка и сознательно устанавливаемая посредством естественного языка в случае вторичных знаков—кодов. Поэтому знак требует значения языка. Значение шире знака: нет знака без значения, но обратное неверно. Значения извлекаются не только из знаков благодаря знанию языка, но и из событий благодаря знанию мира [Никитин 1988; 1995].

Подлинный полный знак предполагает не только получателя (моррисовского интерпретатора), но еще в большей степени отправителя при том, что оба располагают общим языком или кодом. Знак интенционален, т.е. реализует информационно-коммуникативное намерение исполняющего его отправителя. Одного интерпретатора (наблюдателя) еще недостаточно, чтобы значимое для него событие считать знаком. Вещи и события продвигаются в сторону знака, когда за ними стоит намеренное их исполнение с целью актуализировать в сознании наблюдателя связанные с ними импликации. На этом пути, безусловно, есть промежуточные градации усиления знаковости.

В целом эта шкала открывается цепочкой двух зависимых событий, где нет ни исполнителя их, ни интерпретатора. Здесь нет ни знаков, ни значений. Далее появляется интерпретатор, а с ним и значение: первое событие информирует его о втором, причем в иных случаях ему необязательно наблюдать наступление значимого события, достаточно наблюдать значащее событие и знать о связи двух событий. Это

дознаковый уровень получения значений. Далее на сцене появляется исполнитель, организатор значащего события, нацеленный на порождение значимых ситуаций. На этом уровне у него есть информационно-коммуникативное намерение, цель сообщить значение, но нет специального инструмента, языка для передачи значений и он пользуется "языком мира", создавая, разыгрывая, наталкивая на значимые ситуации за счет знания импликационных зависимостей вещей и событий. Это предзнаковый уровень передачи значений.

Далее для передачи значений человек идет более экономным и продуктивным путем, чем реконструкция, дублирование, проигрывание мира на каких-то участках его связей. Он прибегает к знакам. Вместо "языка мира", распорядиться которым в целях коммуникации человек может только в ограниченных пределах, он получает в полное свое распоряжение язык знаков. Теперь ментальные миры, которые человек разыгрывает в своем сознании и воображении, отражая и замысливая действительный мир, получают параллельное отображение и выражение в знаках. Чтобы передать значение, достаточно произнести слово. Для того, чтобы осведомить кого-либо о дожде, не надо подводить его к окну, достаточно сообщить: *идет дождь*. Чтобы дать знать о ветре, что предпочтительнее: незаметно раскачивать деревья или положившись на доверие к себе, сказать: *дует ветер*?

Однако на первом этапе, уже став знаком, а именно знаком-символом, вещь формируя свое значение, продолжает опираться на свои импликационные связи. Эти связи мотивируют семантику символа, и предстоит сделать еще один шаг к принципиальной условности типичного знака. Пока же на уровне символа вещь, хотя и не обязана сохранять себя во всей полноте своих качеств, должна сохранить свой образ: ей необходима узнаваемость как вещи. Она информирует (несет значение), но не о своем бытии, а о бытии того, что с ней импликационно связано (для чего ей собственно и необходимо сохранить узнаваемость). В силу того, что она означает свой имплицит, она имеет значение. В силу того, что ее вещное качество для нее уже не существенно, ее может заменить любое узнаваемое изображение. Такое изображение больше, чем картина, потому что оно значимо, т.е. импликационно вызывает мысль о чем-то отличном от того, что на ней изображено. (Картина сама по себе не означает изображенную на ней вещь, а является ее транспонированным образом.)

В силу того, что вещь-символ имеет значение, а собственное ее качество уже не существенно, она становится знаком. Поскольку символ черпает свое значение за счет импликаций из "фрейма" бытования вещи, за ним не стоит целостный язык с его словарем, распределяющим идеи в системе номинации. Символ еще пользуется "языком мира". Однако уже не возможен без конвенции, как бы она ни сложилась, — концепции об интенциональной информативности вещи-символа, что собственно и делает ее знаком. Вещь-символ по условию наделяется внеприродной информационной функцией.

Наконец, делается последний шаг: за вещью-знаком закрепляется кодифицированное значение, в принципе независимое от ее природных связей, — по условию из языка или кода, а не по природе, не из мира.

Однако, как мы видели, даже став знаком, приобретя вторую функциональную природу, став в параллель миру, знак не может отделаться от изначальной своей вещной природы, которая служит субстанциональной основой знаковой функции вещи и, как всякая вещь (событие), знак служит источником импликационных (семио-импликационных) значений. Беда с этими значениями состоит в том, что, хотя их субстанциональной базой служит знак, они не кодифицированы, содержательно зависят, как можно было видеть, от массы самых разнообразных факторов конкретного употребления знака. Поэтому устанавливая их содержание, получатель выходит далеко за пределы языка и опирается на совокупное значение мира, в котором знание знаковой деятельности составляет только малую часть, а знание языка (или кода) как системы, породившей знаковые структуры, вообще отодвинуто на задний план.

Для анализа этих значений семиотика со своим аппаратом не может предложить ничего, кроме семиотического маскарада, — насильственного и неоправданного навязывания своей терминологии. Ее компетенция ограничена тремя областями. Во-первых, готовыми знаками и знаковыми системами с их кодифицированными значениями. Во-вторых, первичной семиотизацией вещей и событий, когда какое-то незнаковое событие, семиотизируясь, становится в каком-то своем импликационном значении если не немотивированным знаком, то по меньшей мере мотивированным знаком-символом. В-третьих, вторичной семиотизацией, когда какие-то знаковые события, повторно семиотизируясь, становятся в каком-то своем некодифицированном импликационном значении вторичным знаком-символом.

Для ясности приведем дополнительные примеры на два последних случая. Наклонение головы может иметь разные значения: что-то рассматривают внизу, уклоняются от ветки, избегают прямо смотреть в глаза и т.д. Семиотизируясь, это движение становится символом-знаком покорности, уважения памяти, признания авторитета, приветствием. Семиотизация отсекает множество возможных импликаций и закрепила за поклоном одно значение. Чтобы знать, что значит поклон, надо знать закрепленное за ним значение. В этом смысле знак значит напрямую: мысли не нужно, чтобы опираясь на знание связей мира, пробегать возможные цепочки импликаций и выбирать из них одну (голову склоняют, чтобы не смотреть в глаза, потому что это означало бы непризнание превосходства). Знак сокращает этот процесс до усилия памяти. Восклицание-вопрос *И ты, Брут?!* символизирует ситуацию изумленного негодования на неожиданную измену. Символ обобщен до класса таких ситуаций, и значение восходит к обстоятельствам, в которых он впервые был произнесен.

За пределами указанных областей, с учетом, конечно, размытости их границ на периферии, семиотика безусловно не скажет ничего нового о возникновении, природе, содержании, восприятии, понимании, структуре и систематизации значений, т.к. здесь уже достаточно широкой сферы знаков, и мы вступаем в безбрежный мир знания мира в его связях, зависимостях, сопряженностях и обусловленностях, где есть дело для множества самых различных специалистов, а в конечном счете для всех знающих людей. В этом безбрежном незнаковом мире характер связи между событием (вещью) и значением продуктивно описывается не в терминах и понятиях семиотики, а с позиций общей теории значения и разных ее предметных областей, средствами и методами когнитологии, гносеологии и логики и в еще большей степени психологии — психологии восприятия, понимания и т.д.

Семиотика должна умерить свои аппетиты и отказаться от набегов на неподвластные ей территории. Эти вторжения не идут на пользу ни территориям, ни ей самой. Экспансионизм только дискредитирует семиотику как науку. Ей следует сосредоточиться на собственном предмете. Он достаточно широк, и, увы, находится в пренебрежении. Предстоит выполнить громадный объем работы по описанию и систематизации знаков и знаковых систем разного рода, их взаимодействия в панзнаковой базе человеческого сознания, соотношению вторичных знаков с первичными знаковыми системами — естественными языками, по изучению процессов семиотизации генезиса и функционирования знаков и знаковых систем разного рода, особенностей их материального субстрата, его структуриации в знаковой функции, коммуникативному потенциалу, по исследованию и описанию словаря и грамматики, процессов семантизации, понимания и варьирования значений, особенностей семантики и синтаксиса кодовых систем, возможностей и правил их транспонирования и многому другому, не говоря уже об участии семиотики в решении множества прикладных задач знаковой деятельности человека.

Для этого семиотике (семиологии) следует вернуться к своим основаниям — теории знака и к тем представлениям о своем предмете, которые были намечены Ф. де Соссюром. Для этого семиотике следует признать непродуктивной заманчиво широкую универсалистскую концепцию знака, которую предложил Ч. Пирс и которой она последовала. Самому Пирсу универсализм знака потребовался не ради него

самого, а для того, чтобы под его флагом заложить дедуктивные основания универсальной формальной логики как "науки об общих обязательных законах знаковости" ("the science of the general necessary laws of signs) Поддавшись соблазну универсализма, семиотика шагнула далеко за пределы своего предмета и неизбежно стала утрачивать качества объективного доказательного научного знания. Культивируя в себе порок спекулятивности, она естественно переместилась в те области знания, где это легче сделать, — в литературоведение (literary criticism) и теорию искусства.

В основе нынешних заблуждений семиотики, как мы видели, лежат, во-первых, расширительное понимание знака (включение, вслед за Пирсом, всякой индексальности и секоничности в область знака), во-вторых, неадекватная теория значения и связанное с этим отождествление знака и значения по объему. Первое ведет к включению (ошибочному) всяких импликационных значений в предмет семиотики и бессодержательному распространению на них семиотической терминологии. Второе — к неразличению импликационного и знакового видов значения, неразличению собственно знаковой (функциональной) и вещной (субстанциональной) сторон знака и как следствие к смешению двух принципиально отличных видов значения знаков — конвенционального и (семио)импликационного.

Отсечение этих заблуждений и корректировка исходных понятий знака очерчивают предел и подлинную компетенцию семиотики как науки о знаках и знаковых системах, их функционировании и взаимодействии, о семиотизации вещей и событий, о конвенционализации и кодификации их значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р* 1989 — Избранные работы семиотика поэта М 1989
Иванов В В 1976 — Очерки по истории семиотики в СССР М 1976
Никитин М В 1988 — Основы лингвистической теории значения М 1988
Никитин М В 1995 — Курс лингвистической семантики СПб 1995
Степанов Ю С ред 1983 — Семиотика М 1983
Труды 1964—1987 — Труды по знаковым системам Вып 1—20 Тарту 1964—1987
Barthes R 1964 — Elements de semiologie Paris 1964
Barthes R 1957 — Mythologies Paris 1957
Coquet J C 1973 — Semiotique litteraire Paris 1973
Derrida J 1967 — De la grammatologie Paris 1967
Eco U 1980 — A theory of semiotics Indiana University Press 1976
Elam K 1980 — The semiotics of theatre and drama London 1980
Greimas A J (Ed) 1970 — Sign language and culture The Hague 1970
Greimas A J (Ed) 1971 — Essais de semiotique poetique Paris 1971
Guiraud P 1971 — La semiologie Paris 1971
Hawkes T 1977 — Structuralism and semiotics London 1977
Holth S et al (Ed) 1971 — Signs of the times Cambridge 1971
Hevey S 1982 — Semiotic perspectives London 1982
Jakobson R 1971 — Selected writings V 2 The Hague 1971
Metz Chr 1974 — Film language a semiotics of the cinema Indiana University Press 1974
Morris Ch 1971 — Writings on the general theory of signs The Hague 1971
Pierce Ch 1931—1958 — Collected papers (in 8 vols) V 2 Harvard University Press 1931—1958
Riffaterre M 1978 — Semiotics of poetry Indiana University Press 1978
Saussure F de 1915 — Cours de linguistique general Paris 1915
Scholes R 1982 — Semiotics and Interpretation Yale University Press 1982
Sebeok Th (Ed) 1969 — Approaches to semiotics The Hague 1969 (серия сборников издается с 1969 г)
Serge C 1973 — Semiotics and literary criticism The Hague, 1973
Silverman K 1983 — The subject of semiotics Oxford University Press 1983
Wollen P 1972 — Signs and meaning in the cinema Indiana University Press 1972

© 1997 г. Р. РАТМАЙР

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ ПРАГМАТИЧЕСКИХ КЛИШЕ**

(на материале русского и немецкого языков)

Как в повседневной, так и в профессиональной и официальной речи встречается большое количество повторяющихся формулировок, которые принято называть "языковые стереотипы"¹ К языковым стереотипам, принадлежат такие функциональные классы как поговорки, поговорки, общие места и прагматические клише (ср [Coulmas 1981])² Прагматические клише (в терминологии Coulmas рутинные формулы', здесь в дальнейшем ПК)³, например, *Guten Appetit* *Доброе утро*, *Herzliches Beileid*, *Разрешите представиться* определяются как достаточно фиксированные языковые реакции на стандартные ситуации социального общения⁴

В данном сообщении основное внимание будет уделено двум вопросам степени клишированности и аспектам вежливости ПК Анализ проводится в рамках контрастивной прагматики, в основном на примере русских и немецких ПК, в том числе и извинений [Rathmayr 1996]

**1. СТЕПЕНЬ КЛИШИРОВАННОСТИ ПК В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ
ПЕРЕВОД И КОММУНИКАТИВНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ**

Стереотипность ПК следует рассматривать не как абсолютную величину, а как континуум Она определяется главным образом двумя параметрами стиранием лексического значения составляющих и предсказуемостью употребления ПК в стандартных ситуациях

¹ По исследованиям Sorhus [Sorhus 1977 217] такие формулировки составляют пятую часть спонтанной речи канадцев

² Пословицы например *Reden ist Silber Schweigen ist Gold* Яблоко от яблони недалеко падает отличаются от других групп стереотипов выражаемой в них моралью Поговорки в отличие от пословиц менее фиксированы в своем составе и не составляют самостоятельного высказывания так как нуждаются в пополнении словами из речевого контекста [Пермяков 1988 17] *Wollen wir jetzt da nicht einen Satz drunter machen?* *Хватит бить баклуши!* Общие места например *Wir sind alle nur Menschen* *Что верно то верно* являются синтаксически полными высказываниями применимыми в таких ситуациях когда хочется поддержать коммуникацию не приводя потенциально спорного содержания [Coulmas 1981]

³ Примерно в таком значении употребляются также термины прагматические идиомы разговорных формулы языковые клише этикетные формулы и другие Н В Шишова [Шишова 1991 136] употребляет термин языковые клише обозначая им поговорки и рутинные формулы в типологии Coulmas

⁴ Например Ситуации столкновения с другими лицами формулы приветствия (*Gesundheit* *Guten Tag*) малефактивное действие (нарушение правил поведения) формулы извинения (*Entschuldigung* *Verzeihen Sie*) бенефактивное действие другого коммуниканта (получение материальных или нематериальных благ) формулы благодарности (*Spasibo* *Danke*) столкновение с чужой бедой смертью формулы соболезнования (*Выражаю свое соболезнование* *Соболезную* *Скорблю вместе с вами* *Meinliches Beileid*) столкновение с особым успехом формулы поздравления (*Молодец!* *Поздравляю* *Super!* *Grauhier!*) встреча с незнакомыми людьми с которыми предполагается дальнейший контакт формулы представления (*Разрешите представиться* *Darf ich mich vorstellen?*) еда и питье в компании застольные формулы (*Приятного аппетита!* *На здоровье!* *Guten Appetit!* *Wohl bekomm s' Prosit!*) желание начать разговор формулы открытия разговора (*Ну вы знаете* *Also wissen Sie*)

1.1. Десемантизация лексического состава.

Одни ПК семантически мотивированы (*Добрый вечер!*, *Guten Morgen!*) другие, хотя бы с синхронной точки зрения, или совсем не мотивированы или мотивированы в меньшей степени (*Prosit!*, *Servus!*, *Добро пожаловать!* *Пока!*) Буквальные значения лексических элементов в таких случаях) стерты, хотя их актуализация при желании может проводиться в коммуникативных или юмористических целях

В коммуникативных целях общее значение ПК может актуализироваться, например, если конфликтное письмо на немецком языке подписывается *Mit unfreundlichen Grüßen* (с недружеским приветом) Этим самым автор письма сигнализирует отход от стереотипа и дословное понимание ПК, если же такое же письмо заканчивается формулой *Mit freundlichen Grüßen* (с дружеским приветом), то автор отнюдь не смягчает конфликтность, а просто стереотипно употребляет предусмотренное для данной ситуации клише То же самое относится и к вставкам притяжательного местоимения *твой/твоя*, *Bau/Bauha Dein/le Ih/le* перед подписью которые одни носители языка употребляют стереотипно, другие – в зависимости от близости отношений

Иллюстрацией актуализации буквального значения ПК в юмористических целях может служить австрийский анекдот "Двое встречаются в лифте, один говорит другому *Gruß Gott* – стандартная австрийская ПК приветствия, дословно (Передай Привет богу), а тот отвечает "Так далеко я не еду"

Таким образом, суть ПК заключается не в буквальном значении лексического состава, а в прагматической функции в ситуации общения, другими словами, значение ПК есть функция их употребления в смысле Л Витгенштейна Сфера употребления ПК так тесно связана с типизацией ситуативных рамок, что говорящий в каждом случае выражает только общепринятую интерпретацию ситуации и тем самым представляет себя в качестве члена данного языкового коллектива [Coulmas 1981 96–97] Напротив, неупотребление ожидаемого клише воспринимается как отказ от общения или даже демонстративное неуважение к собеседнику

Исследования показывают, что комплименты в английском языке более клишированы, чем в немецком, в котором реакция на них, как правило, не стандартна Акты извинения, т е стереотипные реакции на собственные малефактивные действия [Жолковский 1964], тоже в большей степени клишированы в английском и французском языках, в меньшей – в немецком и иврите [House 1989 311] В русском языке клишированность извинений еще слабее, что проявляется как в официальном, так и в неофициальном общении

Рассмотрим более подробно на примере формул извинения, как выглядит десемантизация в сопоставлении немецких и русских ПК Самые употребительные формулы извинения следующие

Таблица 1

Самые употребительные формулы извинения в немецком и русском языках

<i>Entschuldige/n Sie</i>	<i>Извините</i>
<i>Verzeihen Sie</i>	<i>Простите</i>
<i>Ich bitte um Entschuldigung</i>	* <i>Прошу извинения (абсл Прошу меня извинить)</i>
<i>Ich bitte um Verzeihung</i>	<i>Прошу прощения</i>
<i>Entschuldigung</i>	–
<i>Verzeihung</i>	–
<i>Ich entschuldige mich</i>	<i>Извиняюсь</i>
<i>Tut mir leid</i>	–
<i>Bedauere</i>	–
–	<i>Винюват</i>
<i>Pardon</i>	<i>Пардон</i>
–	<i>Каюсь</i>

По моим наблюдениям семантический элемент 'вина' в русских формулах присутствует в большей степени, чем соответствующий семантический элемент 'Schuld' в немецких. Это можно проиллюстрировать на следующих примерах

Если в аэропортах задерживается рейс, или же поезда идут с опозданием, то русские объявления об этом содержат в лучшем случае лишь общую информацию о технических причинах, ср *По техническим причинам вылет [отправление поезда] задерживается на два часа*, немецкое же объявление в аналогичной ситуации содержит просьбу понимать ситуацию *Aus technischen Gründen hat unser Zug derzeit 45 Minuten Verspätung, wir bitten um ihr Verständnis*. За отсутствие в школе и на служебных собраниях, как и за невыполнение работы, по-немецки тоже извиняются, несмотря на то, что причины должны быть как раз объективными и независимыми от "виновного", отсутствующего или невыполнившего работу. Во многих школах употребляются специальные бланки с заголовком "Entschuldigung", в протоколах университетских собраний есть специальная рубрика, куда вносятся по уважительным причинам отсутствующие "Entschuldigt", а сотрудник, не выполнивший работу вследствие заболевания или других независимых от него причин скажет, например *Entschuldigen Sie aber ich konnte die Korrektur nicht fertig machen meine Tochter war krank*. В русской культуре в названных ситуациях принято сообщение или извещение *Дорогая Алла Ивановна, Петя вчера вынужден был пропустить занятия по семейным обстоятельствам / потому что плохо себя чувствовал. Все домашние задания выполнил. С уважением, Я заболела и не успела сделать исправления. Сделаю все как можно скорее*. Русские информанты под черкивали, что извинением в такой ситуации они намекали бы на то, что при достаточном желании они могли бы все-таки удовлетворить ожидания (выполнить работу, прийти и т.п.). Если говорящий опаздывает из-за того, что попал в пробку, то в немецком языке самая естественная его реакция – это извинение *Entschuldige, ich bin in einen Stau gekommen*, при том что для русского говорящего самая естественная реакция просто оправдание причиной *Я попал в пробку* ср также *Entschuldige, es gab kein Brot mehr* и *Не было хлеба / Хлеба не было* в ситуации, когда надо было купить хлеба, что по объективным причинам не удалось сделать. Один последний пример. В речи немецкоговорящих учеников и студентов приняты извинения за ошибки, например *22 доллар – Доллара – Доллара, извините*. Это всегда удивляет русских преподавателей, которые к этому абсолютно не привыкли, ведь с русской точки зрения действительно ошибка, вызванная незнанием, а не моральной виной, не служит поводом для извинения.

Таким образом, можно сделать вывод, что чувство вины является условием успешности извинения в русской культуре скорее, чем в немецкоговорящей, где степень десемантизации и клишированности выше⁵.

1.2. Предсказуемость ПК в стандартных ситуациях.

В отличие от пословиц и общих мест, употребление ПК закреплено за определенными ситуациями, так что эти формулы являются частью когнитивной репрезентации этих ситуаций в сознании членов данного языкового сообщества [Шишова 1991: 137]. Степень стереотипности ПК, таким образом, коррелирует с их предсказуемостью в данной ситуации, которая, в свою очередь, обусловлена стереотипной интерпретацией ситуации. В ситуации встречи в первой половине дня, например, ожидается формула приветствия *Доброе утро, Добрый день*, для которой степень предсказуемости очень велика. В контакте с чужими культурами калькирование этих когнитивных репрезентаций, с одной стороны, способствует правильной ориентации, и в ситуации встречи любое словесное обращение воспринимается как приветствие, хотя с другой стороны, автоматическое калькирование может и ввести в заблуждение ср известный анекдот. Двое отдыхающих в гостинице, англичанин и немец, не знали иностранных языков и, встретившись за завтраком в ресторане, попытались погово-

⁵ В русском языке тенденция к дословному пониманию наблюдается и в связи с косвенными просьбами ср *Он девушка извините а в Бирюлево. Можно найти его телефон? – Можно – Ну пожалуйста – 327 28 05 (Тел. раз. 1548 из корпуса звонков в справочное 09) – Разрешите, пожалуйста сойти – Из тролейбуса выходят без разрешения* [Формановская 1989: 57].

ритель друг с другом Немец, поклонившись, сказал 'Mahlzeit'⁶, – англичанин подумал 'Наверное, он так представился', – и, поклонившись, ответил 'Johnson' После завтрака оба задумались над тем, что сказал собеседник Наверное, *Mahlzeit* по-немецки означает "приятного аппетита" подумал англичанин, завтра я это учту А немец после завтрака подумал Наверное, *Johnson* по-английски означает 'приятного аппетита' Завтра я это учту На следующий день, за завтраком, англичанин поклонился первым и сказал "Mahlzeit", – на что немец также вежливо поклонился и ответил 'Johnson'

Из области употребления извинений в контрастивном плане особенно показателен пример американской стереотипной ситуации извинения, проанализированный Wolfson, Marmog, Jones [Wolfson, Marmog, Jones 1989 178] Согласно этому анализу выражение сильных эмоций служит стандартным поводом для извинений, даже если партнеры по общению – друзья (*friends*) одна женщина накануне бурно жаловалась на проблемы отношений с сотрудниками по работе, а при следующей встрече извинилась перед своими друзьями за этот эмоциональный всплеск, утомительный для собеседников Ни один русский информант (равно как и немецкие) не видел в этой ситуации повода для извинения, скорее наоборот, извиниться нужно было бы при умалчивании таких проблем

Другой пример расхождения в стереотипной интерпретации ситуаций сравниваемых языков при общении операторов информационной службы 09 с клиентами Когда оператор не в состоянии дать требуемой информации, за беспокойство извиняется клиент – *В этом магазине телефона нет – Извините – У нас ЛТП не печатается – Нет? Ну, извините, пожалуйста* Выражение благодарности с его стороны в данной ситуации было бы неуместным **Спасибо* Зато в немецкой речи, если кто-то извиняется, то это телефонистка *Tut mir leid, aber da habe ich keine Eintragung*, а клиент, как правило, выражает стереотипно свою благодарность, независимо от того, получил ли он требуемую информацию или нет *Danke*

Предсказуемость – не статичная, а динамичная величина Вопрос *Wie geht s?*⁷ до недавнего времени был однозначным вопросом, на который ожидался ответ, в настоящее же время, по всей вероятности, под влиянием английского языка этот вопрос постепенно переходит в стандартную формулу приветствия, не требующую никакого ответа Несомненно, степень предсказуемости ПК варьируется также в синхронном плане, не только от одной культуры к другой (ср., например, обязательность формулы *Mahlzeit* или *Guten Appetit!* в начале еды в компании по-немецки и отсутствие такого клише в русском)⁸, но и от одного социального слоя к другому так, например, молодежь при встрече употребляет другие формулы, чем взрослые и т.п., и в конце концов, предсказуемость может варьироваться и в индивидуальном плане

Для диалогических ПК⁹, к тому же существует разная степень обязательности реактивной реплики Например, для формул приветствия она достаточно высока, а для формул выражения благодарности она значительно ниже В разных культурах

⁶ Приятного аппетита (нем.)

⁷ В русском узусе на вопрос *Как выживаете? Ну как? Как дела?* – принято отвечать не в слишком розовых тонах *Ничего Нормально* Ответ *Прекрасно* воспринимался бы как сглаз (чтобы не сглазить боюсь сглазить) Если же человек начинает рассказывать все проблемы подробно то он зануда ср известный анекдот приведенный Т.Г. Винокур [Винокур 1993 7] как пример перехода от фактической информативной коммуникации Кто самые нудные человек на свете? Тот кто в ответ на вопрос *Как живешь?* – начинает рассказывать о том, как он живет

⁸ Если же формулы формально совпадают, а сфера их применения отличается то перевод либо передает локальный колорит оригинала, либо стандартность ситуации в оригинальном контексте но полная прагматическая эквивалентность исключается ср упомянутые ПК *Приятного аппетита* и *Guten Appetit*

⁹ Среди диалогических ПК можно выделить симметрические пары (формула приветствия – формула приветствия) и комплементарные (извинение – принятие извинения, выражение благодарности – минимизация повода) При этом одни формулы, как правило инициальные (*Скажите пожалуйста*) другие – преимущественно реактивные (*не за что*) третьи – либо инициальные либо реактивные (*Доброе утро Bitte*)

естественно, могут быть отличия если в немецкой речи минимизация повода для благодарности практически обязательна, то в русской речи реакции типа *не за что* более факультативны. Как реплики-реакции на извинения клишированы следующие ПК

Таблица 2

Реплики-реакции на извинения в немецком и русском языках

<i>Keine Ursache</i>	<i>Не за что</i>
<i>Nichts passiert</i>	<i>Ничего ничего</i>
<i>Alles in Ordnung</i>	<i>Все в порядке / Все о кеи</i>
<i>Bitte</i>	<i>Пожалуйста</i>
<i>Schon gut</i>	<i>Ну хорошо</i>
	<i>Да ладно ерунда</i>

Другие реплики-реакции, как, например, отказ (*Не могу*) или поучения (*Смотреть надо!*) в стандартных этикетных ситуациях сигнализируют об отступлении от стандартной/стереотипной интерпретации ситуации и явно маркированы. Не вдаваясь в подробности, хотелось бы указать на то, что такие реакции в немецком языке тоже более распространены, чем в русском. Этот факт следует объяснить более высокой степенью клишированности самих извинений в немецком языке.

2. АСПЕКТЫ ВЕЖЛИВОСТИ ПК

Языковая вежливость здесь понимается, с одной стороны, как выражение уважения по отношению к собеседнику [Goffman 1974, 1986] и, с другой – как средство для презентации самого говорящего как хорошо воспитанного, вежливого члена данного общества. Категория вежливости определяется национальной культурой, характером ситуации (приватная, социальная, профессиональная, официальная) и социальными параметрами (статуса и дистанции между партнерами по общению). Вежливость в языке реализуется эксплицитно и имплицитно. Эксплицитная или конвенциональная вежливость состоит в более или менее обязательном соблюдении принятых правил этикета, коммуникативного контракта [Fraser, Nolen 1981]¹⁰ и метакоммуникативных постулатов коммуникации [Grice 1980]. Она реализуется в первую очередь в адекватном употреблении ПК. Ее несоблюдение порицается (*Могли хотя бы извиниться, Вот какой невоспитанный, даже не здоровается*). Имплицитная или индивидуальная вежливость не ожидается и не требуется в одинаковой степени, она базируется на свободном выборе определенных языковых средств. Ее можно описать как соблюдение разных постулатов вежливости [Lakoff 1973 и Leech 1983], которые реализуются разными стратегиями предупредительности и дипломатичности (ср. *Vermeidung* и стратегии положительной и отрицательной вежливости) [Brown, Levinson 1987].

Рассмотрим два аспекта вежливости ПК – вежливость употребления vs неупотребления ПК в определенной ситуации и степень вежливости разных ПК.

2.1. Употребление vs. неупотребление ПК как индикатор вежливости.

Связь ПК с категорией вежливости заключается в том, что и адекватное употребление ПК, и соблюдение правил вежливости являются нормой. А так как нормально обычно не говорят о вежливости, как и об адекватном употреблении ПК, речь пойдет только о тех ситуациях, когда наблюдаются отклонения либо в сторону повышенной вежливости (лицемерие, лесть) либо в сторону недостаточной вежливости (дерзость, грубость). Только в случае метакоммуникативного общения о степени

¹⁰ Вежливость как соблюдение коммуникативного контракта заключается в соблюдении действительного для данной ситуации комплекта взаимных прав и обязанностей коммуникантов. Среди них есть общие правила, например, не прерывать, говорить достаточно громко, употреблять общинный язык и частные, например, тип допустимых речевых актов (приказ vs просьба) и допустимое содержание этих актов (вопрос об отпуске vs вопросы о сексуальной жизни) [Fraser, Nolen 1981: 94].

вежливости определенного человека обсуждается и корректное применение им ПК, ср *Всегда говорит "пожалуйста", "спасибо", Всегда здоровается, Никогда не забывает поздравить с днем рождения* и т.п.

Присутствие или отсутствие ПК действует как индикатор вежливости только в рамках одной культуры и при учете ситуативных и социальных параметров ситуации и партнеров по коммуникации. В общении близких друг с другом собеседников уместны другие ПК, чем в случае дистанции и статусного различия

Опущение ПК в ситуации, где оно ожидается, воспринимается как признак невежливости и тем самым недостаток воспитания говорящего, оно комментируется, например, таким образом: *Грубиян такой!*, *Вот какой невоспитанный!* Мои опросы в связи с извинениями свидетельствуют о том, что извинения сверху вниз по статусу (например, учитель перед учеником, кадровик перед претендентом, врач перед пациентом) в русской культуре не стереотип, а маркированная вежливость. Таким образом, в русской культуре отсутствие извинений сверху вниз нейтрально, немаркировано, а в немецком языке их присутствие – нормальная, ожидаемая, нейтральная вежливость

2.2. Степень вежливости разных ПК.

Если рассматривается степень вежливости разных ПК, то, как правило, можно исходить из того, что расширенное ПК более вежливо, чем минимальная формула *Извините*, таким образом, менее вежливо, чем *Извините меня ради Бога*. Однако, как показал Чехов на примере героя рассказа "Смерть чиновника", нужно знать меру так как преувеличенное стремление извиниться или быть вежливым может оказаться неуместным и вызвать обратную реакцию – раздражение

Здесь уместно привести еще и другие соображения. Новые немецкие формулы приветствия типа *Einen schonen guten Morgen, Einen wunderschonen guten Abend!* более длинные и, по идее, должны были быть более вежливыми, чем стандартные формулы *Guten Moigen!*, *Guten Abend!* Однако, как мне кажется, дело здесь не в дополнительной вежливости, а в инфляции языковых средств. Клишированная формула кажется недостаточной, что, по моему убеждению, говорит об отрицательной оценке, приписываемой клише – как, кстати, и любым повторениям – в немецком языке вообще

Нельзя смешивать социальную индикативность ПК и выражаемую ими вежливость, исходя из того, что более фамильярные формулы тем самым менее вежливы. Из приветствия *Привет!* наблюдателями делается вывод об оценке ситуации и о взаимоотношении общающихся, а не о вежливости. Однако применение социально не подходящего ПК, например, *Привет!* по отношению к вышестоящему по статусу адресату, как правило, воспринимается им как выражение невежливости

При переходе к другой культуре меняется и приписывание степени вежливости ПК так, например, длина, поэтичность, содержательность русских тостов вызывает удивление у незнакомых с русской культурой носителей немецкого языка. Они ведь привыкли к минимальному *Prost! Gesundheit! Auf die Hausfrau!* или даже к "нулевому" тосту (буквальное калькирование которого в русской культурной среде может быть воспринято как индикатор "антикультурного" поведения – например, свойственного алкоголику)

Вопрос о вежливости ПК встает в особенности тогда, когда имеются более или менее синонимичные варианты, так, например, обращенные ко второму лицу формулы *Здравствуйте, Спасибо, Пожалуйста* некоторыми информантами считаются более вежливыми, нежели исходящие от первого лица формулы *Добрый день!* *Благодарю вас,* *Прошу вас*. Может быть, такая оценка связана и с большей степенью формальности перформативных глаголов, и с большим значением выражения близости, включения в сферу своего (вместо чужого), чем выражения дистанции в русской культуре. Кроме того, в определенных ситуациях синонимичным ПК *Извините* и *Простите*, как и немецким эквивалентам *Entschuldigen Sie, Verzeihen Sie* приписы

вается разная степень вежливости, что можно объяснить при помощи концепта вежливости [Brown, Levinson 1987] В существенных извинениях *извини/те* выражает оттенок просьбы учесть оправдательные причины и не считать говорящего очень виноватым, а *прости/те* выражает просьбу не сердиться на говорящего, несмотря на то, что он в чем-то виноват¹¹ Следы этой дифференциации, несомненно, присутствуют и в других контекстах, так что, говоря *прости/те*, говорящий берет на себя больше вины и тем самым больше унижается, чем употребляя формулу *извини/те* Это самоунижение в концепции Goffman [Goffman 1987] и Brown, Levinson [Brown, Levinson 1987] тесно связано с вежливостью унижение собственного имиджа и, тем самым, повышение имиджа партнера по коммуникации – основной критерий вежливости Большему самоунижению формулой *прости/те* (*verzeihen Sie*), таким образом, приписывается бóльшая степень вежливости Этому, несомненно, содействует и тот факт, что в религиозном контексте употребляются только глаголы *простить* и *verzeihen*

3. РЕЗЮМЕ

Русско-немецкое сравнение ПК показало на примере выражения благодарности и извинения, что в этих случаях в русском языке клише является более дословным, чем в немецком языке Это значит, что буквальное значение, семантика, хотя и в редуцированном виде, но присутствует, если по-русски произносится извинение, то говорящий сознательно берет на себя хотя бы минимальную долю вины, а если он выражает благодарность, то он действительно благодарен, так что минимизация повода не обязательна Степень вежливости ПК также во многих случаях оказывается обусловленной культурным контекстом

Несомненно, вопрос о степени клишированности повторяющихся элементов разговора и оценка применения клише vs инновативных формулировок, как и перечень ситуаций, вызывающих языковые клише в русской и немецкой культурах, представляют интерес для дальнейших исследований в области контрастивной прагматики

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винокур Т Г* 1993 – Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании Коммуникативно-прагматический аспект М, 1993
- Жолковский А К* 1964 – Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика Вып 8 М, 1964
- Пермяков Г Л* 1988 – Основы структурной паремииологии М, 1988
- Шишова Н В* 1991 – Моделирование языковых клише как особого вида вербальных действий // Действие Лингвистические и логические модели Тезисы докладов М, 1991
- Формановская Н И* 1989 – Речевой этикет и культура общения М, 1989
- Brown P, Levinson S C* 1987 – Politeness Some universals in language usage Cambridge, 1987
- Coulmas F R S* 1981 – Routine im Gespräch Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik Wiesbaden 1981
- Frazer B, Nolen W* 1981 – The association of deference with linguistic form // International journal of sociology of language, 1981
- Goffman E* 1974 – Das Individuum im öffentlichen Austausch Frankfurt am-Main, 1974
- Goffman E* 1986 – Interaktionsrituale Über Verhalten in direkter Kommunikation Frankfurt am-Main, 1986
- Grice H P* 1980 – Logik und Gesprächsanalyse // Kußmaul P (Hrsg), Sprechaktttheorie Wiesbaden, 1980
- House J* 1989 – Oh, excuse me please Apologizing in a foreign Language // Kettemann B, Bierbaumer P, Fill A, Karpf A (Hrsg), Englisch als Zweitsprache Tübingen, 1989

¹¹ Эту дифференциацию мне помог найти А Д Шмелев

- Lakoff R* 1973 – The Logic of Politeness, or Minding your P's and Q's // Papers from the Ninth regional meeting of the Chicago linguistic society, Chicago, 1973.
- Leech G H* 1983 – Principles of pragmatics. London, New York, 1983
- Rathmayr R* 1996 – Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln, Weimar, Wien, 1996
- Sorhus H B* 1977 – To hear ourselves – Implications for teaching English as a second language // English teaching journal XXXI, 1977.
- Wolfson N , Marmor Th , Jones S* 1989– Problems in the comparison of speech acts across cultures // Blum-Kulka S., House J., Kasper G (Ed) Cross-cultural pragmatics Requests and apologies Norwood (New Jersey), 1989.

© 1997 г. Т.К. АБДИЕВ

**КОНСТРУКЦИИ С КАУЗАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ
В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

В тюркологии формы каузатива по традиции относятся к категории залога наряду с формами актива (действительный залог), пассива (страдательный залог), рефлексива (возвратный залог) и реципрока (взаимно-совместный залог). Данная традиция идет еще от составителей первых грамматик тюркских языков [ГАЯ 1869: 5; Мелиоранский 1896. 48] и продолжается по сей день, хотя исследователи отмечают, что это "никогда не было обосновано надлежащим образом" [СИГТЯ 1988: 278]. По данному вопросу имеется достаточно много работ, но проблема залога в тюркологии была и остается очень сложной. Предметом традиционной дискуссии являются определение залога, характеристика залоговых форм как словоизменительных или словообразовательных, состав залоговой парадигмы. Разнообразие и порой противоречивые мнения относительно тюркского залога обусловлены, по-видимому, прежде всего категориальной разнородностью тех семантических явлений, которые объединены в категорию залога. В последнее время об этом все чаще упоминается в литературе. "...в тюркских языках каждая форма, именуемая залоговой, выражает самостоятельную категорию (смысловую структуру ее образует оппозиция соответствующей формы и формы действительного залога) и о залоге в общем смысле можно говорить лишь условно, считаясь с существующей грамматической традицией", – пишет А.М. Щербак [Щербак 1981: 104]. К такому же выводу приходит В.С. Храковский: "...в тюркологии термин "залог" используется для объединения разнородных семантических явлений, которые не сводятся к общему знаменателю и не являются частными значениями одной грамматической категории" [Храковский 1989: 22–25]. Разнородность залоговых форм доказывается сочетаемостью показателей последних, "что было бы невозможно, если речь шла о показателях одной грамматической категории" [Храковский 1989: 23].

При решении вопроса о залоге в тюркских языках на наш взгляд наиболее приемлемым кажется определение, данное А.А. Холодовичем: "Залог есть регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Короче, залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза" [Холодович 1979. 284]. Имеется в виду, что при залоговых преобразованиях набор единиц семантического уровня или участников ситуации, называемой глаголом, для каждого глагола остается постоянным, но меняется тип соответствия между единицами семантического уровня (субъектом, объектом, адресатом) и единицами синтаксического уровня – членами предложения. В тюркских языках этому пониманию соответствует только оппозиция действительный залог (актив) : страдательный залог (пассив). Теоретические положения этой концепции неоднократно проверялись и уточнялись на материале отдельных тюркских языков [Исхакова 1974; Летягина, Насилов 1974]. Форма каузатива рассматривается нами как отдельная категория и тем самым мы присоединяемся к мнению Е.Е. Корди: "...к значению исходного глагола при нем (при каузативном преобразовании. – Т.А.) – , добавляется сема каузатива и тем самым изменяется состав участников ситуации, к валентностям исходного глагола добавляется валентность на агенс каузатива, что

влечет за собой перестройку синтаксической структуры исходного предложения. Таким образом, при каузативном преобразовании меняется и семантическая и синтаксическая структура. На этом основании мы делаем вывод, что каузативное преобразование не является залоговым. По-видимому, каузатив целесообразно рассматривать как самостоятельную категорию французского глагола с оппозицией некаузатив/каузатив, в которой каузатив является маркированным членом [Корди 1988].

В отличие от традиционного мнения о том, что понудительное (каузативное) значение выражается только понудительной (каузативной) формой от переходных глаголов, а в непереходных глаголах каузативные суффиксы употребляются как средство образования переходности, все глаголы с показателем каузатива рассматриваются нами как каузативные глаголы. Общим и инвариантным значением последних является выражение события и его причины. Таким образом, глаголы, выражающие только событие, называются исходными, некаузативными глаголами. А глаголы, выражающие и причину и событие (= следствие), называются каузативными глаголами. Здесь приведем два примера, первый из которых традиционно рассматривается как понудительный залог, второй – как переходный глагол.

- (1) а *Мен кат жаз-ды м*
Я письмо писать – прош 1 л ед
Я написал письмо
- б *Ал мага кат жаз дыр ды*
Он я (дат) письмо писать – кауз, прош
Он заставил (просил) меня написать письмо
- (2) а *Таи кула ды*
Камень свалиться – прош
Камень свалился
- б *Бала таи ты кула т ты*
Мальчик камен (вин) свалиться – кауз, прош
Мальчик свалил камень

Как известно, каузативное значение выражается в разных языках по-разному [ТКК 1969 20–22, Сильницкий 1973 3–12]. В тюркских языках, в том числе и в киргизском языке данное значение выражается в основном морфологически, т.е. с помощью каузативных суффиксов. Показателями каузатива в данном языке являются суффиксы *-т, -дыр, -кыз, -ыр, -кыр, -ыз, -ыт, -сөт*. Например, *оку-т* – “заставить читать” (от *оку* – “читать”), *саа-дыр* – “заставить или позволить доить” (от *саа* – “доить”), *жат-кыз* – “заставить лечь” (от *жат* – “лежать”), *кет-ир* – “удалить” (от *кет* – “удаляться”), *бүт-көр* – “кончать” (от *бүт* – “кончаться”), *жуг-уз* – “заражать” (от *жук* – “заражаться”), *корк-ут* – “пугать, устрашать” (от *корк* – “бояться, страшиться”), *көр-сөт* – “показывать” (от *лөр* – “видеть”). Выбор того или иного суффикса при образовании каузативных глаголов определяется конечной фонемой исходного некаузативного глагола. Здесь значительную роль играет также фонетический и морфологический состав последнего. Абсолютное большинство, а именно 97% каузативных глаголов образуется с помощью *-т* и *-дыр*, а остальные суффиксы относятся к непродуктивным. Следует отметить, что среди каузативных суффиксов самым продуктивным является суффикс *-т*, а не *-дыр*, как это отмечено в грамматике киргизского языка [ГКЛЯ 1987 250]. По нашим данным, с помощью первого образуется 82%, а с помощью второго – 15% каузативных глаголов [Абдиев 1993].

В киргизском языке, по-видимому, существуют также другие способы выражения смысловой оппозиции некаузатив/каузатив. Например, некаузативное и каузативное значения передаются сложными глаголами, у которых именная часть одна и та же, а служебные глаголы разные: *дос бол* – “быть другом”, *дос кыл* – “сделать другом”, *капа бол* – “обидеться”, *капа кыл* – “обидеть” и др.

В киргизском языке каузативные глаголы образуются от переходных и непереходных глаголов. Большинство из них образуются от непереходных глаголов и по

нашим подсчетам они составляют 78%. Такая тенденция наблюдается и в других языках мира [ТКК 1969 25]

При образовании каузативов от непереходных глаголов получают переходные глаголы, т.е. у производных каузативных глаголов появляется возможность иметь прямое дополнение, выраженное формой винительного падежа. Это проявляется в синтаксисе, и синтаксические конструкции с соответствующими глаголами связаны отношением деривации. При образовании каузативной конструкции из некаузативной с непереходным глаголом глагол заменяется соотносительным каузативом, подлежащее исходной структуры преобразуется в прямое дополнение, образуется новое подлежащее. Пример

- (3) а *Ал кары ды*
Он стареть – прош
Он постарел
б *А ны күчүт кары т ты*
Он (вин) горе стареть – кауз прош
Его горе состарило

Теперь рассмотрим конструкции с каузативами, образованными от переходных глаголов. Подлежащее во всех случаях оформляется именительным падежом. В отличие от него первое и второе дополнения имеют разные формы. В большинстве случаев первое дополнение оформляется винительным падежом, а второе дополнение – дательным падежом. Об остальных случаях речь идет ниже.

Подлежащее в исходной конструкции выражает реального носителя действия, а во втором случае – каузатора. Первое дополнение во всех случаях выражает реальный объект, второе дополнение – реального носителя действия.

Такая конструкция с каузативным глаголом рассматривается нами как дериват исходной конструкции. Здесь существуют следующие возможности:

а) Вводится новое подлежащее, а прежнее подлежащее превращается во второе дополнение, так как первое уже имеется в исходной конструкции.

- (4) а *Балдар чдп тащы и ты*
Ребята сено тащить – совм прош
Ребята таскали сено
б *Асан чдп тү балдар га тащы т ты*
Асан сено (вин) ребята (дат) тащить – кауз прош
Асан заставил (просил) ребят таскать сено

Как видно из примеров (1а, б) и (4а), прямое дополнение наряду с материально выраженной формой винительного падежа имеет довольно часто и нулевую форму того же падежа. В тюркологии вопрос о нулевой форме остается все еще спорным. Здесь сохраняется традиционное мнение о том, что падежные словоформы с нулевыми аффиксами являются именительным падежом, т.е. исходят из того, что существенной характеристикой грамматической категории падежа является выражение его в форме аффиксов склоняемого слова. Но такое представление “далеко не соответствует действительному положению вещей” [Щербак 1977]. Как отмечают исследователи для выявления общей характеристики данного падежа целесообразно исходить из формы, семантики и синтаксической функции [Головин 1973 219, Ганиев 1970].

Когда первое дополнение оформляется морфологически, выраженным винительным падежом, речь идет об определенном предмете, а если оно имеет нулевую форму, речь идет о неопределенном, неконкретном предмете. Это характерно и для нулевых форм других косвенных падежей [Вильданова, Гарипов 1988].

В некоторых случаях первое дополнение имеет форму исходного падежа и указывает, что действие переходит не на весь объект, а на его часть. Например

- (5) *Ал бала га нан дан же дир ди*
Он ребенок (дат) хлеб (исход) есть – кауз, прош
Он заставил (дат) ребенку съесть хлеб (т.е. часть)

Как видно из примеров, второе дополнение в большинстве случаев оформляется дательным падежом. Но оно иногда может иметь форму именительного падежа и к нему присоединяется послелог *менен*, имеющий значение орудийности. Это происходит в том случае, когда в качестве второго дополнения выступает существительное, обозначающее неліцо. Здесь каузатив имеет инструментально-каузативное значение и указывает, что субъект использует для определенного действия какой-либо предмет (как бы "заставляя" его действовать). Например:

(6) *Ал мен-и ат-ы менен жооло-т-ту.*

Он я (вин.) конь (посесс. 3 л.ед. послелог) теснить – кауз., прош.

Он теснил меня своим конем ("заставил своего коня теснить меня").

В редких случаях подлежащее исходной конструкции превращается в третье дополнение, поскольку второе дополнение в форме дательного падежа уже имеется. Новое дополнение оформляется исходным падежом. Каузатив в таких случаях образуется от глаголов речи. Например:

(7) а. *Уул-ум а-га бул кабар-ды айт-ты.*

Сын (посесс. 1л., ед.) он (дат.) это сообщение (вин.) сказать – прош.

Мой сын сказал ему это сообщение.

б. *Мен бул кабар-ды а-га уул-ум-ан айт-тыр-ды-м.*

Я это сообщение (вин.) он (дат.) сын (посесс. 1л., ед. исход.) сказать – кауз., прош., 1л., ед.

Я заставил (просил) своего сына сказать ему это сообщение (я передал ему это сообщение через своего сына).

Подлежащее и дополнение меняются местами и оформляются соответствующими падежными формами. В таких случаях обычно отсутствует первое дополнение, которое в производной каузативной конструкции денотативно совпадает с подлежащим. Например:

(8) а. *Мергенчи карышкыр-ды ат-ты.*

Охотник волк (вин.) стрелять – прош.

Охотник стрелял в волка.

б. *Карышкыр мергенчи-ге ат-тыр-ба-ды.*

Волк охотник (дат.) стрелять – кауз., отр., прош.

Волк не позволял охотнику стрелять (в себя).

Каузативные глаголы в киргизском языке имеют в основном два значения: фактитивное и пермиссивное. Они формально не дифференцируются, т.е. одна и та же каузативная морфема может обозначать оба значения. При фактитивной каузации инициатором действия является каузирующий субъект, а каузируемый субъект является только исполнителем этого действия. Пермиссивная каузация характеризуется активностью каузируемого субъекта: инициатива обычно принадлежит ему, а каузирующий субъект только разрешает, не препятствует или допускает его действие [ТКК 1969: 28]. Кроме этих двух значений каузативная морфема выражает иногда другие периферийные значения, которые редко встречаются в киргизском языке.

Приводимая ниже семантическая классификация каузативных конструкций с фактитивным и пермиссивным значениями основывается на типах ситуаций, которые выражаются в них. Типы ситуаций определяются по трем семантическим признакам, характеризующим компоненты изучаемой конструкции: 1) семантический подкласс имени, обозначающего субъект каузации (учитывается признак одушевленности/неодушевленности); 2) семантический подкласс имени, обозначающего объект каузации; 3) семантический подкласс глагола в позиции Vк (учитывается признак контролируемости), т.е. сознательное участие исполнителя действия в каузативных ситуациях [Корди 1988: 124; Булыгина 182]. Рассмотрим типы фактитивной ситуации.

Ситуация I. Воздействие одушевленного референта на одушевленный референт. Участники: каузирующий субъект и каулируемый субъект. Этот тип ситуации делится на подтипы, при выделении которых используются дополнительные признаки:

а) активность/пассивность каузирующего и каузируемого субъектов; б) характер воздействия каузирующего субъекта на каузируемого.

1. Каузирующий субъект активен и производит физическое действие, приводящее каузируемого субъекта в определенное состояние. Каузируемый субъект пассивен. Например:

(9) *Моде ата-сы-н вл-түр-дү.*

Моде отец (посесс, 3л., ед., вин.) умереть – кауз., прош.
Моде убил своего отца.

2. Каузирующий субъект активен и оказывает психологическое воздействие на каузируемый субъект. Например:

(10) *Ал биз-ди сүйүн-т-тү.*

Он мы (вин.) радоваться – кауз., прош.
Он нас радовал.

3. Каузирующий субъект активен и заставляет каулируемого субъекта быть активным. Например:

(11) *Алар Эр-Киши-ни шаш-тыр-ды.*

Они Эр-Киши (вин.) торопиться – кауз., прош.
Они заставили Эр-Киши торопиться.

4. Каулирующий субъект и каулируемый субъект активны. Большинство каузативных глаголов, образованных от переходных глаголов представляют именно такую ситуацию. Здесь участвует также объект действия. Например:

(12) *Ал аял-ы на тамак даярда-т-ты*

Она жена (посесс., 3 л., ед., дат.) пища готовить – кауз., прош.
Он заставил (просил) жену приготовить пищу.

5. Каулирующий субъект мешает активному действию каулируемого субъекта. Например:

(13) *Бир киши ат-ты тос-уп буйдал-т-ты.*

Какой-то человек конь (вин.) преграждать путь (деепр.) задержаться – кауз., прош.
Какой-то человек, преграждая путь, заставил коня задержаться.

6. Каулирующий субъект пассивен, а каулируемый субъект обладает активностью. Например:

(14) *Чал жеке көрүнүш-ү менен отургандар-ды өзү-нд кара-т-ты.*

Старик один внешность (посесс., 3л., ед., послелог) сидящие (вин.) сам (дат.) смотреть – кауз., прош.
Старик одной своей внешностью заставил сидящих смотреть на себя.

Ситуация II – воздействие одушевленного референта на неодушевленный референт. Участники: каулирующий субъект и объект действия. Каузатив образуется от непереходных глаголов. В этой ситуации исполнителем действия является сам каулирующий субъект и его действие приводит к изменению положения вещей (событий) в окружающей его действительности. Например:

(15) *Мен кылыч-ты курчу-т-ту-м.*

Я меч (вин.) наточиться – кауз., прош., 1л., ед.
Я точил меч.

Ситуация III – воздействие неодушевленного референта на одушевленный референт. Субъектом каузатива являются предметы (события), объект действия – одушевленное существительное, в большинстве случаев это человек. Каузатив образуется от непереходных глаголов. Каузатор влияет на физическое, эмоциональное, интеллектуальное состояние каулируемого. Например:

- (16) *Мезгил биз-ди эрте бышык-тыр-ган.*
Время мы (вин.) рано закаляться – кауз., прош.
Время рано закалило нас.

Ситуация IV – воздействие неодушевленного референта на неодушевленный референт. Каузатив образуется от непереходных глаголов. Например:

- (17) *Күзгү шамал сары жалбырактар-ды уч-ур-а-т.*
Осенний ветер желтый листья (вин.) лететь – кауз., деепр., 3л., ед.
Осенний ветер заставляет желтые листья лететь.

Для киргизского языка характерна фактитивная каузация, а актуализация пермиссивного значения требует особых контекстных условий. Вне контекста лишь единичные глаголы могут обозначать пермиссивную каузацию. Например: *алда-т-* "дать себя обмануть"; *ут-кур-* "позволить себе выиграть, проиграть"; *жен-дир-* "дать себя победить, поддаться, покориться". Такая же ситуация наблюдается и в других тюркских языках [Султанов 1992: 15]. Хотя трудно выделить все контекстные условия, актуализирующие пермиссивную каузацию, мы отмечаем следующие моменты: 1) Каузативная конструкция выражает пермиссивное значение, если каузатив образуется от глагола, обозначающего "неприятное" действие, наносящее субъекту каузации какой-либо ущерб; 2) Каузативная конструкция выражает пермиссивность также в том случае, когда каузируемое состояние представляет собой "приятное" для его субъекта действия [ТКК 1969; 31].

Пермиссивные конструкции выражают ситуации двух типов, которые выделяются по подклассу имен, обозначающих субъект и объект пермиссивной каузации. При классификации пермиссивных конструкций учитывается также признак контролируемости ситуации. Рассмотрим типы пермиссивных ситуаций.

Ситуация I – отношения между одушевленными референтами. Участники: каузирующий субъект и объект каузируемого действия: ситуация включает два подтипа:

а) "допущение". Субъект каузирующего действия на референтном уровне полностью совпадает с объектом каузируемого действия, который обычно не выражается в каузативной конструкции. Каузирующий субъект не контролирует ситуацию. Например:

- (18) *Каман-га кач-па-й чал-дыр-ды-н.*
Дикий кабан (дат.) бежать (отр., деепр.) запороть – кауз., прош., 2л., ед.
(Ты) не убегай допустил, чтобы дикий кабан заporол (тебя).

б) "разрешение". Здесь каузируемое состояние представляет собой "приятное" для его субъекта действие и роль каузирующего субъекта сводится к позволению такого действия. В отличие от подтипа а) здесь каузирующий субъект контролирует ситуацию. Например:

- (19) *Кемпир келин-и-н твркүлб-т-тү.*
Старуха сноха (посесс., 3л., ед., вин.) посещать дом родителей – кауз., прош.
Старуха позволяла своей снохе посещать дом своих родителей.

В редких случаях конструкции с фактитивным и пермиссивным значениями различаются по оформлению падежей. В пермиссивной конструкции первое дополнение (объект каузируемого действия) оформляется винительным падежом, второе дополнение (каузируемый субъект) – дательным падежом. А в фактитивной конструкции наоборот, первое дополнение принимает форму дательного падежа, а второе дополнение – винительного падежа. Например:

- (20) *Биз а-га ат-ты мин-гиз-ди-к.*
Мы он (дат.) конь (вин.) сесть – кауз., прош., 1л., мн.
Мы позволили ему сесть на коня.
- (21) *Биз а-ны ат-ка мин-гид-ди-к.*
Мы он (вин.) конь (дат.) сесть – кауз., прош., 1л., мн.
Мы его заставили сесть на коня.

Примечание: В киргизском языке есть выражение *кер байталга мингиз* – “букв. посадить на караковую кобылу”, что означает “предать женщину посрамлению” [Юдахин 1985]. Здесь оформление первого дополнения винительным падежом не допускается, так как эту форму имеет второе дополнение, т.е. каузируемый субъект – женщина. Естественно, что такая конструкция имеет фактивное значение.

Ситуация II – отношение между одушевленным и неодушевленным референтами.

1. Первый подтип ситуации составляют непереходные глаголы, выражающие физические изменения, “неприятные” для субъекта. Эти изменения происходят сами собой с течением времени и роль каузирующего субъекта сводится к допущению таких изменений по своей оплошности. Например:

(22) *Ал эт-ти сасы-т-ып ий-ди.*

Он мясо (вин.) стать тухлым – кауз., дееспр., всп. гл., прош.

У него мясо протухло (букв. он допустил, чтобы мясо протухло).

2. Иногда каузирующий субъект подвергается “неприятному” действию в результате своей деятельности. Например:

(23) *Бала ооз-у-н сүт-кв күй-гүз-гөн.*

Мальчик рот (посесс., 3л., ед., вин.) молоко (дат.) обварить – кауз., прош.

Мальчик допустил, чтобы молоко обварило его рот.

Конструкции с каузативным глаголом иногда имеют другие периферийные значения.

Ассистивное значение. В тюркских языках, в том числе и в киргизском языке такое значение обычно выражается реципрокной морфемой. Здесь акцентируется совместность действия субъектов [КАТГ 1980]. При ассистивном значении, выраженном формой каузатива, акцентируется достижение определенного результата [ТКК 1969]. Круг глаголов, образующих такие каузативы, не велик и только единичные глаголы способны выражать такое значение, которое обусловлено окружающими актантами. В таких случаях один из актантов не в состоянии совершать то или иное действие и роль второго сводится к тому, чтобы помочь первому. Например:

(24) *Кемпир келин-ди торо-т-ту.*

Старуха молодуха (вин.) рожать – кауз., прош.

Старуха оказывала помощь молодухе при родах.

Инструментативно-каузативное значение. Здесь субъект использует для осуществления какое-либо орудие действия, средство (как бы “заставляя” его действовать). Например:

(25) *Биз устун-ду бгүз менен сүйрө-м-тү-к.*

Мы бревно (вин.) бык (последлог) приволочить – кауз., прош., 1л., мн.

Мы приволокли бревно быком (заставили быка приволочить).

Особым подтипом такой каузации является ситуация, где субъект действия для осуществления своей цели использует какое-либо природное явление или предмет (при этом он не “заставляет”, а “использует”). Например:

(26) *Бала кдйиңг-ү-н күн-го курга-т-ты.*

Мальчик рубашка (посесс., 3л., ед., вин.) солнце (дат.) стать сухим – кауз., прош.

Мальчик высушил свою рубашку на солнце.

Каузативные глаголы образуются и от рефлексивных, реципрокных и пассивных форм глагола. Каузативные конструкции, образованные от рефлексивных, имеют фактивное, пермиссивное и ассистивное значения. Их отличие от других каузативных конструкций состоит в том, что, во-первых, здесь каузируемый субъект и объект каузируемого действия совпадают на референтном уровне и действие референта направлено на самого себя или концентрируется вокруг него, во-вторых, здесь преобладает дистантная каузация. Каузативные конструкции, образованные от реци-

прокных, выражают факитивное и пермиссивное значения. Отличаются они от других тем, что здесь каузации подвергаются не менее двух субъектов, у которых действия направлены друг на друга. Для них характерна дистантная каузация. А конструкции, образованные от пассивных, выражают оба типа каузации: дистантный и контактный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдиев Т К* 1993 – Каузативные суффиксы и их дистрибуция в киргизском языке // Функциональное описание языковых явлений. СПб, 1993
- Булыгина Т В* 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М, 1982
- Вильданова Н Г*, *Гарипов Т М* 1988 – Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей // Советская тюркология. Баку, 1988 № 3
- Ганиев Ф А* 1970 – О синтетических и аналитических падежах в татарском языке // Вопросы тюркологии. Ученые записки КГПИ. Вып. 74. Казань, 1970
- ГАЯ 1869 – Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской миссии. Казань, 1869
- ГКЛЯ 1987 – Грамматика киргизского литературного языка. Фрунзе, 1987
- Головин Б М* 1973 – Введение в языкознание. М, 1973
- Исхакова Х Ф* 1974 – Диатезы и залогов в татарском языке // Типология пассивных конструкций. Л, 1974
- КАТГ 1980 – Кыргыз адабий тилини грамматикасы. Фрунзе, 1980
- Корди Е Е* 1988 – Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л, 1988
- Летягина Н И*, *Насилов Д М* 1974 – Пассив в тувинском языке // Советская тюркология. 1974 № 1
- Мелиоранский П М* 1894 – Грамматика казак-киргизского языка. СПб, 1894
- СИГЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М, 1988
- Сильницкий Г Г* и др. 1973 – К сопоставительному изучению форм выражения смысловых каузативных оппозиций в русском, итальянском, немецком и английском языках // Типологическое сопоставление семантических классов знаменательных слов. Смоленск, 1973
- Султанов В С* 1992 – Валентность категории глагола в азербайджанском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. Баку, 1992
- ТКК 1969 – Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л, 1969
- Холодович А А* 1979 – Проблемы грамматической теории. Л, 1979
- Храковский В С* 1989 – Тюркский залог с позиций универсальной концепции диатез и залогов // Советская тюркология. Баку, 1989 № 5
- Щербак А М* 1981 – Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л, 1981
- Щербак А М* 1977 – Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л, 1977
- Юдахин К К* 1985 – Киргизско-русский словарь. Фрунзе, 1985

© 1997 г. М.Г. ГАЛЬЧЕНКО, А.Н. ЯЦЕНКО

**ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ЛЕСТВИЦ 1421 И 1424 гг., НАПИСАННЫХ
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И НА АФОНЕ РУССКИМ МОНАХОМ
ЕВСЕВИЕМ-ЕФРЕМОМ**

(к вопросу о втором южнославянском влиянии)

В истории письменности Древней Руси эпоха конца XIV–XV вв выделяется как период обновления репертуара книжности, существенного изменения почерков и оформления рукописных кодексов, заметных инноваций в графико-орфографических системах древнерусских писцов Эти явления были непосредственно обусловлены подъемом монастырской жизни Древней Руси этого периода, выразившимся в основании многочисленных новых обителей, прежде всего общежительного типа, переходе к Новоиерусалимскому уставу, в возрастающем интересе к аскетической литературе, оживлении контактов с другими областями православного мира, прежде всего с южнославянскими книжниками Древнерусские писцы в конце XIV–XV вв активно занимаются копированием южнославянских (главным образом болгарских) рукописей, заимствуя не только новые тексты, но и подражая в известной степени почеркам и правописанию болгарских рукописей А И Соболевский с полным основанием ввел термин "второе южнославянское влияние" для обозначения указанных явлений в древнерусской письменности [Соболевский 1894] Как справедливо пишет А А Турилов, второе южнославянское влияние – явление, обусловленное внутренними потребностями русской культурной и духовной жизни Восприятие южнославянской книжной культуры было активным, творческим процессом со стороны древнерусских книжников [Турилов 1995]

Как отмечал А И Соболевский [Соболевский 1894], в конце XIII–XIV вв у южных славян почти весь корпус текстов подвергается пересмотру и обновлению тексты славянских переводов постоянно сверяются с греческими рукописями, появляются новые переводы и редакции уже известных в славянской литературе сочинений, в частности, Лествицы Иоанна Синайского¹ [Саенко 1981, Прохоров 1989, Neppel 1957], выполняются переводы с греческого новых сочинений Русские книжники не остались в стороне от переводческой деятельности по словам А И Соболевского, в монастырях Константинополя и Афона они либо сами сверяли славянские тексты с греческими, либо просили об этом болгарских и сербских грамотеев [Соболевский 1894 154–155] Как известно, по инициативе и, очевидно, при непосредственном участии русского митрополита Алексея в Константинополе был выполнен (вероятно, в 1355 г) новый перевод Нового Завета с греческого языка на церковнославянский [Neues Testament des Cudov]

¹ Редакторская работа с текстом Лествицы южнославянских и древнерусских книжников нуждается в дальнейшем изучении Не установлены связи между собою всех многочисленных южнославянских и древнерусских списков этого крайне популярного в XIV–XV вв сочинения Такое исследование не является задачей настоящей статьи, которая полностью посвящена рассмотрению графико-орфографических особенностей Лествиц 1421 г (РГБ, Волок, 462) и 1424 г (ГИМ Усп 18 бум)

По словам Б.А. Успенского, "тексты, переписанные в Константинополе и на Афоне, ...пользовались определенным престижем в славянском мире" [Успенский 1987: § 9.2]. Многие из этих текстов, как показал Г.И. Вздорнов, неоднократно копировались древнерусскими книжниками на протяжении XIV–XVI вв. [Вздорнов 1968]. Престиж константинопольских и афонских рукописей способствовал их влиянию на древнерусскую письменность, в частности, в области орфографии.

По мнению ряда исследователей, в том числе Б.А. Успенского, Г.И. Вздорнова, А.А. Турилова, начало работы русских книжников в Константинополе стоит у истоков того явления, которое А.И. Соболевский назвал "вторым южнославянским влиянием". В связи с этим для более полного представления о процессе изменений в древнерусской письменности, связанных с указанным явлением, особый интерес представляет исследование графико-орфографических особенностей датированных рукописей, написанных древнерусскими писцами в Константинополе и на Афоне в конце XIV – первой половине XV в. Именно в таких книгописных центрах, как монастырь Богородицы Перивлепты в Константинополе, Лавра св. Афанасия на Афоне и некоторых других центрах древнерусские писцы непосредственно соприкасались с южнославянской и греческой книжными культурами. Для истории древнерусской орфографии важно выявить, как относились эти писцы к правописанию своих южнославянских протографов, насколько они зависели от протографов в своей работе, какие из особенностей южнославянского правописания они активно усваивали, к каким относились как к допустимым вариантам и какие практически устраняли. Интересно также сравнить степень выраженности признаков второго южнославянского влияния в рукописях, написанных древнерусскими писцами в Константинополе и на Афоне, с рукописями, создававшимися в тот же период времени на территории самой Руси.

Активной книгописной деятельностью (а, возможно, также редактированием и организацией переводов) занимался в монастырях Константинополя и Афона в двадцатых годах XV в. русский монах Евсевий-Ефрем. По предположению Г.И. Вздорнова, именно он заказал перевод с греческого на славянский сочинения "Слово постническо Максима Исповедника", выполненный на Афоне в 1425 г. монахом Иаковом Доброписцем [Вздорнов 1968: 195]. Запись об этом переводе воспроизведена в лисицком Сборнике 1431 г. (РГБ, ТСЛ, 175) на л. 420 об:

Ѫсѣ за ѿ кѡнѣцѣ, по въпросѣ ѿ ѡвѣтъ постничь/скомѣ словѣхъ стѣго маѣѣма: –

прѣведѣно ѡ грѣчьска ѡзыка на рѣйсѣискы, въ стѣон горѣ ѡмѡнстѣ/и, в ѡлѣт „сѣ,

ѡлѣт кѣрѣ ѡакшвомѣ, доброписцемѣ. оу/богомѣ ѣвсѣвѣѣ ѡнокѣ : –

Евсевий-Ефрем, очевидно, был знаком с греческим языком: на полях написанной им Лествицы с толкованиями 1421 г. (РГБ, Волоч., 462) имеются и славянские, и греческие глоссы. Грецизированные начертания нередко встречаются в его почерке как в Лествице 1421 г., так и в Лествице 1424 г. (ГИМ, Усп. 18 бум.). Именно этим рукописям в основном и посвящена настоящая работа. Выбор указанных рукописей в качестве основного объекта исследования связан с тем, что они дают возможность проследить, как усваивались таким грамотным книжником, как Евсевий-Ефрем, различные южнославянские по своему происхождению графико-орфографические особенности. Наличие двух рукописей, написанных этим писцом, позволяет выявить, какие из указанных особенностей стабильно воспроизводятся Евсеем-Ефремом в разные моменты его книгописной деятельности и по каким параметрам наблюдается заметная вариативность. Участие в переписке Лествицы 1424 г., помимо Евсевия-Ефрема, еще одного писца позволяет, с одной стороны, с большей достоверностью установить извод и реконструировать особенности правописания оригинала, а с другой – сравнить отношение двух древнерусских писцов к этому оригиналу.

В конце настоящей статьи мы сопоставим в основных чертах особенности орфографии рукописей Евсевия-Ефрема с графико-орфографическими системами ряда

Ефремом и является комментарием к Лествице. Можно предположить, что второй писец работал в одно время с Евсевием-Ефремом. Текст на припереплетном листе III об и л. 342 написан значительно позднее (вероятно, в XVI в.). На полях рукописи также встречаются пометы, сделанные почерком XVI в. В дальнейшем мы будем рассматривать только основную часть рукописи, написанную Евсевием-Ефремом.

Состав и порядок статей, предшествующих Словам Иоанна Синайского, в Лествицах 1421 и 1424 гг. совпадают. В то же время в Лествице 1424 г. нет глосс и толкований на полях. Дополнительные статьи и толкования, следующие за основным текстом Лествицы, в рукописи 1424 г. написаны уже после писцовой приписки Евсевия-Ефрема иным почерком (третьим в этой рукописи), очевидно, того же времени, число дополнительных текстов по сравнению с Лествицей 1421 г. меньше.

Уверенный почерк Евсевия-Ефрема представляет собою младший полуустав. Этот тип почерка появляется в восточнославянских рукописях в первой половине XV в. в результате второго южнославянского влияния. Индивидуальной особенностью почерка Евсевия-Ефрема является употребление грецизированных начертаний. Подражая минускулу, писец связывает некоторые буквы между собой, особенно часто – в сочетаниях *-емь*, *-еми*, *-емѣ*. Длинный изогнутый язычок буквы *є* при этом соединяется с изогнутыми концами ножек буквы *ж* (*м*). Встречаются также грецизированные начертания типа *α*, *ε*.

В толкованиях на полях Лествицы 1421 г. практически не отмечено начертаний букв, которых нет в основном тексте, напротив, употребляются характерные для Евсевия-Ефрема начертания *ч* с укороченной левой стороной односторонней чашечки, *ж* с симметричными верхней и нижней частями, *д* с выходящим за пределы нижней строки хвостиком, размашистое выносное *х*, имеются те же лигатуры. Следует, впрочем, отметить, что некоторые варианты начертаний отдельных букв, в частности, *з* с округлой головкой, начертания *т*, *ъ*, *ѣ* с очень высокими мачтами и верхними частями, располагающимися в междустрочьи, значительно чаще встречаются в толкованиях на полях, чем в основном тексте. В целом почерк толкований, с одной стороны, характеризуется большей свободой в начертании букв, с другой – большей бористостью, связанной с ограниченностью пространства для текста.

Как будет показано ниже, орфография толкований по ряду параметров отличается от орфографии основного текста Лествицы 1421 г. В начале мы рассмотрим те графико-орфографические характеристики, по которым основной текст и толкования не расходятся между собой. Эти южнославянские по своему происхождению особенности прочно вошли в правописную норму, принятую Евсевием-Ефремом, что убедительно подтверждается наличием тех же признаков в части, написанной Евсевием-Ефремом, в Лествице 1424 г.

Как указал нам Б. М. Клосс (устное высказывание в беседе), вопреки мнению Г. И. Вздорнова [Вздорнов 1968: 194], Евсевий-Ефрем является не первым, а вторым писцом Лествицы 1424 г. (ГИМ, Усп., 18 бум.). Им написан текст на лл. 65–329. Из записи, выполненной Евсевием-Ефремом на л. 329, следует, что старец Митрофан был заказчиком рукописи, а не одним из ее писцов (как думает Г. И. Вздорнов [Вздорнов 1968: 194]).

ѣнѣ ми и старѣцѣ митрофанѣ, / ѡ ѣи съвършнѣмъ, въ лѣтѣ, 5315 / мартіа, еі - въ
 стѣн горѣ, / цѣртѣн ѡвѣтѣли, ватопѣди - / ѡ лѣннѣ/вын ѣ/всѣвѣе,
 непотрѣбныи / ѣ/ф/ѣ/ε/м/ъ

На нижнем поле л. 1 киноварью почерком анонимного первого писца рукописи имеется запись о начале работы в Константинополе в монастыре Перивлепты

ѡ хѣѣ на сътворихъ дѣлѣ, і въ цѣри градѣ въ иперивлептѣ

В основном первым писцом написан текст на лл 1–64 об. О том, что первый писец и Евсевий-Ефрем работали одновременно, свидетельствует наличие вкраплений (в основном в заголовках) почерка Евсевия-Ефрема на листах, основной текст которых написан первым писцом (в частности, почерк Евсевия-Ефрема имеется в заголовках на л. 32, 33 об). Ниже, говоря о Лествице 1424 г., мы будем рассматривать орфографию части, написанной Евсеием-Ефремом (Об орфографии первого писца будет сказано отдельно).

Графика Евсевия-Ефрема обнаруживает немало заимствований из графики южнославянской книжности. В частности, он употребляет графемы "о-очное" с одной и двумя точками в середине (с одной точкой – только в начале слова *око*, с двумя точками – в слове *очи*), а также особую графему в виде двух соединенных букв *о* (главным образом, в словах, обозначающих парные предметы). Буква *ы* пишется Евсеием-Ефремом только с *ь* перед *а*, а не *ъ*, как обычно в древнерусских рукописях до второго южнославянского влияния (следует, впрочем, заметить, что *ы сь* встречается в некоторых древнерусских рукописях XIII в.).

Как в основном тексте, так и в комментариях и толкованиях Лествицы 1421 г. Евсевий-Ефрем нередко использует букву *з* в звуковом значении /z/, например *сѣѣрен*, *сѣѣри* л 19, *ѡ/сазаніе* л 55, *кнѣга* л 332 об (О), *деиса/ніемъ* л 66, *сѣло* л 263, *дрѣвн* л 325 (Т) (Здесь и далее буквой О мы обозначаем основной текст, буквой Т – толкования). Написания с *з* довольно часто встречаются у Евсевия-Ефрема и в Лествице 1424 г. *сѣло* л 68, *многѣмъ* л 68 об, *ѡ дальсѣ* л 70 об, *полѣм* л 73, *носѣ* л. 78 об, *сѣѣремъ* л 270 и т.п. В древнерусских рукописях эпохи до второго южнославянского влияния графема *з* использовалась только в числовом значении. В.Н. Щепкин указывал, что буква 'зелю' начинает использоваться для обозначения звука [z] в древнерусских рукописях под влиянием графики болгарских рукописей [Щепкин 1967: 130].

Для обозначения звука /u/ после букв согласных, а иногда и после гласных и в начале слов Евсевий-Ефрем наряду с диграфом *ѡу* очень часто употребляет лигатуру *ѡ*, что обычно для древнерусских рукописей эпохи второго южнославянского влияния. *погѣбити* л 9 об, *дрѣгы*, *ѡхуцрєніе* л 19, *по малѡ*, *сѣрѣшиша* л 330 (О), *неѡсѣданѡ/ю мѣтеѡ*, *въ ѡмѣ*, *ѡбо* л 66, *дѡѡ*, *ѡмѡ*, *ѡвѣдѣвнн*, *сѣдѣ* л 325 и т.п. (Т) в Лествице 1421 г., *слѡжѣм* л 65, *ѡдрѣжимъ*, *ѡничиженіа* л 66, *поѡвѣрѣзєніа* л 109 и др. в Лествице 1424 г.

Графема *і* "десятеричное" довольно регулярно пишется перед графемами гласных, например *пріобрѣтєніе* л 2, *ѣжнн*, *попечєніа* л 19, *вєличанію* л 330 (О), *ѣжнн*, *грнгоріе*, *прнті* л 19, *въ видѣнн*, *сказаніе* л 330 об (Т) в Лествице 1421 г., *ѡ тѣцєславн*, *спѣшнн* л 65, *поновлєніе*, *печалію* л 112 и др. в Лествице 1424 г. Написания с *і* "десятеричным" перед буквами гласных становятся нормативными для писцов древнерусских рукописей со времени второго южнославянского влияния, раньше эта буква употреблялась главным образом на конце строки для экономии места.

Буква *а* в значении /ja/ очень часто пишется после букв гласных, например *нападнн*, *зєлѣ* л 10, *покаднн* (2х), *бѣго/дѣлнн* л 80 (О), *бѣжѣ* л 19, *неподобнаѣ*, *безмѣстнаѣ*, *хо/тѣнн* л 55, *дѣлннѡмъ* л 1 (Т) *бѣжѣтєнаѣ* *сѣ* (в писцовой записи на л. 324 об.) и др. – в Лествице 1421 г., *ѡ ѡсѣрѣдѣ* л 65, *вєщнаѣ* л 66, *покаднн* л 77, *тѣѡ* л 86, *непостѡдннѡ* л 86 об и т.п. – в Лествице 1424 г.

У Евсевия-Ефрема нередко встречаются написания южнославянского типа в соответствии с праславянскими сочетаниями **tyt*, *-*tyt-*, *-*tylt-* (особенно часто – в толкованиях), например *дрѣжн* л 55, *дрѣзъ*, *дѣжна* л 66, *скрѣ/бнн*^х *трѣпѣнн* л 80 (О), *прѣѣ* л 80, *мѣлѣалнн*^ѣ, *бєдмѣлннѡ* л 263 (Т), *сѣрѣшннѣ* в писцовой записи на л. 324 об.

в Лествице 1421 г, *вє/злѣвное, жльчѣ, ѡдръжимъ* л 66, *вльна* л 112, *дръжавѣ, скръбъ* л 77 об, *сѣврѣшишѣ* в писцовой записи на л 329 в Лествице 1424 г

Как и в подавляющем большинстве восточнославянских рукописей рассматриваемого периода, "южнославянские" написания указанных сочетаний соседствуют в Лествицах 1421 г и 1424 г с традиционными для древнерусских рукописей XIV в написаниями, например *первое, держаѣ* л 25 об, *скорь* л 19 (О) в рукописи 1421 г

В соответствии с праславянским сочетанием *-*dj-* Евсевий-Ефрем последовательно (за крайне редкими исключениями) пишет жд *ѡдежѣ* л 55, *ѡсѣжѣнникъ, надежѣ* л 80, *ражѣтисѣ* л 130 и др (О), *ѡгажѣлемъ* л 19, *рѡ/жѣшаго, ѡсѣжѣнню* л 66 и т п (Т) в Лествице 1421 г, *ѡсѣжѣати* л 65 об, *ѡхѡжѣлемъ* л 70, *прежѣ* л 313 и др в Лествице 1424 г Написания с жд в соответствии с *-*dj-*, характерные для южнославянских рукописей, легко усваивались древнерусскими писцами, поскольку эта орфографическая особенность была свойственна восточнославянским рукописным книгам XI–XII вв, где она появилась в результате "первого" южнославянского влияния с принятием христианства и книжной культуры

Почти по всем указанным выше параметрам графика-орфографическая система первого писца Лествицы 1424 г аналогична системе, принятой Евсевием-Ефремом, т е первый писец так же употребляет букву *з* в звуковом значении /z/, графему *ѡ* в середине строки, *ѣ* перед буквами гласных, букву *ѣ* после букв гласных в значении /ja/ имеются у него и графема "о-очное", и особая графема в виде двух соединенных *ѡ*. В соответствии с праславянским *-*dj-* он регулярно пишет жд В употреблении "южнославянских" написаний слов с праславянскими сочетаниями *-*tyt-*, *-*rɛrt-*, *-*rɛlt-* он, однако, не столь последователен, как Евсевий-Ефрем в начале рукописи у первого писца преобладают написания "древнерусского" типа (например, *ѡтѣвержѣннѡ* л 5 об, *миродержителѣ* л 2), а затем значительно чаще начинают употребляться "южнославянские" варианты (типа *трѣпѣнѣ, дръжи* л 52, *вєзмальє* л 61 и т п) Следует отметить, что первый писец Лествицы 1424 г в начале работы меньше ориентировался на написания оригинала, но в процессе письма зависимость этого писца от орфографии оригинала, очевидно, все больше возрастала, чего нельзя сказать о Евсевии-Ефреме, который был значительно свободнее и избирательно относился к особенностям правописания оригинала Ориентация первого писца на орфографию оригинала позволяет нам достаточно надежно реконструировать основные особенности правописания этого оригинала и определить его извод как среднеболгарский (с характерной для этого извода меной юсов, написаниями с *ѣ* в соответствии с /'a/ и т п – см подробно ниже)

В части рукописи, написанной первым писцом, изредка встречается особая графема, встречающаяся в болгарских рукописях, – *з* "с молоточком" (вероятно, употребляемая русскими писцами в значении /z/, как и обычная буква *з*) У Евсевия-Ефрема эта графема нам не встретилась

Из числа знаков акцентуации, появляющихся в древнерусских рукописях со времени второго южнославянского влияния, в Лествице 1421 г часто употребляются *исо*, *оксия*, *вария*, *кендема*, встречается также великий апостроф (почти исключительно в основном тексте) и изредка – *камора* Паерок употребляется главным образом в основном тексте Все надстрочные знаки, употребляющиеся в основном тексте Лествицы 1421 г, отмечены и в Лествице 1424 г, в последней рукописи *камора* встречается чаще, чем в первой Все знаки, имеющиеся у Евсевия-Ефрема, употребляет и первый писец Лествицы 1424 г

Из строчных знаков, кроме традиционной для древнерусских рукописей точки, Евсевий-Ефрем очень часто употребляет запятую Как отмечал В Н Щепкин, запятая приходит в русское правописание в качестве знака правописания со вторым южнославянским влиянием [Щепкин 1967 131] В Лествице 1424 г отмечен и другой

строчной знак, пришедший в древнерусскую письменность из южнославянской – точка с запятой

Таким образом, в графико-орфографическую систему Евсевия-Ефрема прочно вошли такие южнославянские по своему происхождению особенности, как употребление в звуковом значении /z/ буквы **ѣ**, буквы **ѧ** после букв гласных в соответствии с /ja/, графемы **і** перед буквами гласных, **ѡ** в соответствии с **-*dj-**, употребление "южнославянских" написаний сочетаний **-*tbit-**, **-*tbit-**, **-*tbit-**, использование акцентных знаков и запятой. Анализ материала просмотренных нами 87 древнерусских датированных рукописных книг конца XIV – первой половины XV в. показал, что именно указанный набор "южнославянизмов" с небольшими различиями (чаще всего за исключением "южнославянских" написаний сочетаний **-*tbit-**, **-*tbit-**, **-*tbit-**) наиболее рано и прочно усваивается большинством древнерусских писцов. По указанным параметрам их графико-орфографические системы обычно обладают наименьшей вариативностью [Гальченко 1996]. Эти же признаки (за исключением "южнославянских" написаний сочетаний **-*tbit-**, **-*tbit-**, **-*tbit-**, но включая употребление буквы **ѣ** в словах с неполногласными сочетаниями) сохраняются в древнерусской письменности (хотя бы частично) после эпохи второго южнославянского влияния [Успенский 1987 § 11 7]. Легко заметить, что из числа всех графико-орфографических "южнославянизмов", встречающихся в древнерусских рукописях эпохи второго южнославянского влияния, перечисленные особенности в наименьшей степени затрудняют чтение и понимание текста носителями восточнославянских диалектов. Так, например, хотя написания с буквой **ѧ** после букв гласных в соответствии с /ja/, очевидно, не соответствовали ни живому, ни церковному произношению [Успенский 1987 § 7 14], однако они являются одним из наиболее рано (с конца XIV в.) появляющихся в древнерусских рукописях признаков второго южнославянского влияния и легко входят в графико-орфографическую норму русских книжников. Вероятно, это обусловлено тем, что подобные написания (наряду с написаниями с **ѧ**, **ѧ**) были обычны в древнерусских рукописях и до второго южнославянского влияния в определенных категориях слов – именах собственных типа **маковѣ**, некоторых заимствованных словах (например, **диаволѣ**). Кроме того, в данном случае соответствующее нормам орфоэпии прочтение указанных написаний обеспечивалось очень простым правилом. Поэтому написания с буквой **ѧ** после букв гласных в соответствии с /ja/ в период второго южнославянского влияния очень быстро стали привычной орфографической условностью "Южнославянские" написания сочетаний редуцированных с плавными (типа **ѡвръѣ** л. 86, **напѧмѧти** 108 об в Лествице 1424 г.), усваивавшиеся некоторыми древнерусскими писцами, в том числе Евсевием-Ефремом, на наш взгляд, тоже не создают больших трудностей при чтении поскольку тот или иной корень легко распознать благодаря буквам согласных, которые играют основную смысловозначительную роль, а буквы **ѣ**, **ѧ** ассоциировались у писцов рассматриваемого периода с нулем звука. Чтение и понимание древнерусскими книжниками указанных написаний было, вероятно, аналогично чтению слов под титлом, которые также легко узнавались благодаря буквам согласных. В пользу этого предположения свидетельствует наличие во многих древнерусских рукописях конца XIV–XV вв. и, в частности, в рукописях Евсевия-Ефрема, написаний слов с сочетаниями типа **-*tbit-**, **-*tbit-**, **-*tbit-** без букв гласных и без **ѣ**, **ѧ**, например **скѣрѧ** в Лествице 1424 г., л. 120 об. Более того, некоторые из слов с указанными сочетаниями нередко пишутся под титлом, например **сѧмѣрѧ** (Лествица 1424 г., л. 94 об).

Обратимся теперь к рассмотрению тех графико-орфографических характеристик, по которым письмо Евсевия-Ефрема обладает выраженной вариативностью.

Графико-орфографические системы основного текста и толкований в Лествице 1421 г. наиболее заметно отличаются между собою частотностью употребления буквы

"юс большой" и соответственно частотой написаний с ж вместо ѡ и наоборот и с ж вместо ѣ, а также по признаку наличия или отсутствия написаний с ѣ в соответствии с /а/.

В основном тексте Лествицы 1421 г. буква ж довольно часто употребляется в соответствии с этимологическим "о-носовым", например: **сѣщїи**, **полѡжѣ** 1 ед. л. 9 об, **живѣще** л. 21, **въ вѣрѣ** л. 55, **помѡждѣ**, **пѣти**, **лѣкѣства**, **не хѡщѣ** 1 ед. л. 130 и т.п. Как в большинстве известных нам восточнославянских рукописей рассматриваемого периода, наряду с написаниями, подобными приведенным, в основном тексте Лествицы 1421 г. нередки и традиционные для древнерусской письменности написания с ѡу, ю и ѣ в соответствии с праславянским "о-носовым": **вѣдѣт** л. 130, **пре^лѡженю ю ѡу** **терѣ/ж^еннѡ** **добрѡдѣтелѣи** **лѣ/ствицѣ** л. 323 об., **сѡу?** л. 331 и др. В толкованиях буква ж встречается крайне редко, нами отмечены лишь единичные случаи ее употребления, и то не на полях, а в различных текстах на листах, следующих после основного текста Лествицы (например: **лѣжж** ж.ед. л. 341). В части Лествицы 1424 г., написанной Евсевием-Ефремом, "юс большой" встречается лишь спорадически и в большинстве случаев – в соответствии с этимологическим "о-носовым", например: **ж^трѡвѣ** л. 77 об, **враж^ж**, **тж** Р.ед. 167.

В части этой рукописи, написанной первым писцом, "юс большой" употребляется значительно чаще, однако наблюдаются колебания по частоте употребления этой буквы в разных фрагментах текста.

Написания с ж вместо ѡ и наоборот редки в основном тексте Лествицы 1421 г. (например: **ѡбывѣлаж** прич. л. 66, **ймѣ/щюмѣ**, **ймѣщи** л. 263, **прѣймѣщѣ** Д. л. 323) и практически не встречаются в толкованиях (за исключением отдельных не вполне ясных случаев). В Лествице 1424 г. у Евсевия-Ефрема подобные написания также крайне редки (**вѣзмѣлѣвѣствѡж** прич. л. 270, **намѣзж** прич. л. 305). Таким образом, типичная для среднеболгарских рукописей мена юсов, очевидно, имевшаяся и в оригиналах, которыми располагал Евсевий-Ефрем (в пользу чего могут свидетельствовать значительно более частые (особенно с 50-х листов) написания с меной юсов у первого писца Лествицы 1424 г.: **сѣдѣваюцѣж** мн. л. 13, **намѣ прѣ^стождѣщи**, **нѣкѡж** **вѣсѣды** **творѣщѣ** **назнамена** **пѣстырь** л. 53 об., **сѣзывает** прич. л. 54 и т.п.), не входит в орфографическую норму Евсевия-Ефрема (или находится на ее периферии), хотя один случай такой мены встретился в его приписке в Лествице 1421 г.:

въ црѣстѣи ѡ/внтѣли прѣстыи **влѣчица** **на/ша** **бѣж** **иперѣвлѣпто** л.324об.

Вероятно, русский писец неоднократно встречался с подобными написаниями с меной юсов в писцовых записях болгарских книжников.

Интересно, что в основном тексте Лествицы 1421 г. в отдельных случаях встречается графема ѡ, почти полностью исчезнувшая из древнерусской письменности после XII в. (например: **вѣскол** клети л. 9 об., **въ/сѣско** л. 130, **ѡбывѣлаж** прич., л. 66). В указанных случаях эта графема употреблена не в соответствии с праславянскими носовыми гласными, а в соответствии с /а/. Следует заметить, что после букв исконномягких согласных Евсевий-Ефрем нередко пишет ѡ, хотя в остальных случаях в середине слова он обычно употребляет ѡ.

Обычные для среднеболгарских рукописей написания с ж в соответствии с *ъ в союзе нѣ встречаются в основном тексте Лествицы 1421 г.: **нж** л. 21, л. 55, л. 130, л. 323 об. и др. В толкованиях Лествицы 1421 г. подобные написания практически отсутствуют, как и в части Лествицы 1424 г., написанной Евсевием-Ефремом (у первого писца этой рукописи такие написания имеются: **нж** л. 2, 7 об, 20 **нж** л. 5 об, 11, 36, 41, 42 об (2х), 47 об и др.).

В тексте толкований Лествицы 1421 г. довольно часты написания с ѣ в

соответствии с /'а/, аналогичные тем, что встречаются в болгарских рукописях:

разарѣть, вѣко л.1, ѡзга/ваѣет л.19, ѡединѣ/тиса, промышлѣюща, въ

прѣжанѣа л.325, ѡвалѣшѣ, ѡставлѣшѣ Зед., ѡ/зышнѣа, вѣстѣчьских л.331об,

недостатко^а ѡгнѣ л.333 и т.п.

В основном тексте этой рукописи такие написания практически отсутствуют. Большой интерес, на наш взгляд, представляет тот факт, что в очень многих исследованных нами древнерусских датированных рукописях первой трети XV в. наблюдаются подобные различия по указанным признакам между разными частями текста в пределах одного и того же почерка. Так, например, в четвертом почерке созданного для Троице-Сергиевского монастыря Сборника с Диоптрой инока Филиппа 1418 г. (РГБ, ТСЛ, 190), которым написаны листы 251 (от начала Послания старца Варсонуфия к Иоанну) — 291 об (до середины 13 строки), в тексте до л. 277 (с которого начинается текст Послания св. Василия епископа Амасийского) регулярно употребляется ж, имеются написания с меной юсов и буквой ѣ в соответствии с /'а/, а на листах 277—291 эти орфографические особенности практически исчезают². Именно по указанным признакам (т.е. употреблению ж, мене ж-а, а также написаниям с ѣ вместо а, а в соответствии с /'а/) наблюдается наибольшая вариативность и нестабильность письма у многих древнерусских писцов, что представляется вполне закономерным, поскольку эти орфографические особенности не только не находили опоры ни в живом, ни в церковном произношении древнерусских книжников, но и в определенной степени затрудняли процесс чтения и понимания текста (особенно это касается мены юсов, из-за которой у носителя древнерусского языка могли возникать проблемы с определением падежей имен и различием форм настоящего времени глаголов 1 л. ед. ч. и причастий).

Крайне редки написания с ѣ в соответствии с /'а/ в части Лествицы 1424 г., написанной Евсевием-Ефремом (например: вѣко л. 65), в то время как у первого писца в начале рукописи такие написания тоже редки, но с 50-х листов встречаются чаще: вѣкю л. 5об, ѡвалѣща, придалѣти повел. 52 об., вѣко л. 64 и др.

Если древнерусский писец стремился избежать в своем тексте отражения таких особенностей своего среднеболгарского оригинала, как мена юсов, написания с ж вместо ѣ (типа ж), а также написания с ѣ в соответствии с /'а/, он должен был переписывать текст не механически, а проверять написания оригинала своим произношением. Это задача более трудная, чем простое копирование текста. Впрочем, можно предположить, что в процессе понимания текста непривычно написанная в оригинале форма обязательно "озвучивалась" в сознании писца в соответствии с привычным для этого писца произношением. В случае с меной юсов процесс понимания текста был, вероятно, достаточно непростым, о чем свидетельствуют такие ошибки, как написания с а, а вместо ю и наоборот у многих древнерусских писцов, переписывавших среднеболгарские тексты [Гальченко 1994: 9—10]. Судя по написанной Евсевием-Ефремом Лествице 1421 г. и фрагменту Лествицы 1424 г., он хорошо справлялся с такими проблемами: указанные ошибки практически отсутствуют. Возникавшая у Евсевия-Ефрема и многих древнерусских писцов, работавших в рассматриваемый период со среднеболгарскими текстами, нестабильность и вариативность письма по указанным выше параметрам, на наш

² Похожая картина наблюдается в первом почерке Лествицы с прибавлениями 1422 г., написанной в Кириллово-Белозерском монастыре (РНБ, Кир.-Бел., XI), а также в одном из многочисленных почерков Троице-Сергиевского Сборника аскетических сочинений 1425 г. (РГБ, ТСЛ, 5). Различная частота употребления буквы ж наблюдается в Сборнике аскетических сочинений 1429 г. (РНБ, Солов., 1133/1243) и некоторых других рукописях.

взгляд, вовсе не свидетельствует о недостаточном профессионализме этих писцов. Очевидно, в этот период традиционные графико-орфографические нормы, выработанные древнерусскими книжниками в XIII—XIV вв., уже не обладали абсолютным авторитетом, но, с другой стороны, среднеболгарское правописание также не стало во всех отношениях нормативным для большинства древнерусских писцов. Вероятно, вариативности способствовали и сугубо психологические факторы, в частности, такие, как усталость, спешка или привычка: если, например, в начале работы писец мог более избирательно относиться к орфографическим особенностям оригинала, то под влиянием усталости или вследствие постепенного привыкания к орфографии оригинала работа писца все больше приближалась к простому копированию, что мы и наблюдали у первого писца Лествицы 1424 г. Мог происходить и обратный процесс постепенного освобождения от влияния оригинала.

У Евсевия-Ефрема вариативность орфографии проявляется не только в отношении указанных выше типичных "болгаризмов". Существует определенное различие между основным текстом и толкованиями Лествицы 1421 г. по частоте написаний неполногласных сочетаний с сонантом /r/ с буквой ѣ (как в южнославянских рукописях) и с буквой е (написания с е типичны для древнерусских рукописей до эпохи второго южнославянского влияния). В основном тексте встречаются почти исключительно написания неполногласных сочетаний с е, например *преноси/ти* л 10, *превываюце*, *преае/стное* л 25, *въ преднюю любо/въ* л 19, *на древѣ* л 55, *ѿ чревоѡбыдѣнѣ* л 130. В толкованиях, напротив, преобладают написания с ѣ: *не стажавшѣ прѣаних* л 19, *прѣжѣе*, *прѣдствѣса*, *въ прѣжѣнѣа* л 325 и т. п. В части Лествицы 1424 г., написанной Евсевием-Ефремом, неполногласные сочетания с сонантом /r/ пишутся значительно чаще с буквой е (*чревоѡбыдѣнѣ*, *посреѣ* л 65, *претръпи* л 69, *небрегомы* л 81, *въ время* л 116 и др.), чем с буквой ѣ (например, *въ времѣа* л 112). Следует заметить, что и в древнерусских рукописях XIII—XIV вв. не было полной унификации правописания по указанному параметру. Хотя в них и наблюдается общая тенденция к замене в словах с неполногласными сочетаниями с сонантом /r/ буквы ѣ буквой е, но эта тенденция действует не одинаково последовательно в разных регионах Древней Руси (во многих юго-западных рукописях, по нашим наблюдениям, сохраняются написания с ѣ в указанных случаях), у разных писцов и в различных лексемах [Гальченко 1989. Приложение 76—81].

Кроме указанных наиболее заметных отличий орфографии основного текста и толкований Лествицы 1421 г., имеются и некоторые другие. В основном тексте практически совсем не встречаются написания с буквой ь вместо ѣ на конце слов, в то время как в толкованиях и дополнительных текстах (главным образом в текстах, следующих после основного) имеются отдельные написания с ь вместо ѣ на конце предлогов, например *къ/среднемѣ*, *въ срѣдникѣ*, *въ сѣх* л 331 об., *въ десных* л 332. Следует заметить, что написания с ь вместо ѣ на конце слов в целом не входят в графико-орфографическую норму, принятую Евсевием-Ефремом, что справедливо не только для Лествицы 1421 г., но и для части, написанной этим писцом в Лествице 1424 г., хотя, вероятно, такие написания встречались в южнославянских оригиналах, которыми он пользовался (в Лествице 1424 г. об этом могут свидетельствовать спорадические примеры мены ѣ—ь на конце слов у первого писца этой рукописи, работавшего одновременно с Евсевием-Ефремом: *ѿ множества вшинь* л 61, *ѿскѣпѣ*, *ѿскѣпѣ* еѣ, *грозѣ* л 64). У Евсевия-Ефрема в обеих рукописях встречаются написания с ѣ вместо ь после шипящих и ц, также обусловленные, по-видимому, влиянием южнославянского оригинала, например, *прѣмлющѣ*, *превывающѣ* л 55, *сѣщѣства* л 9 об., *въ нѣчьѣsw* л 66, *кѣпѣщѣ* л 80, *сѣдѣщѣ* л 323 — Лествица 1421 г. (основной текст), *стрѣтотръпѣщѣ* л 76 об., *сѣдѣщѣ* л 146, 327 об., *жилицѣ* л 114 об. — Лествица 1424 г. Поскольку шипящие и /с/ являются согласными, непарными по твердости—мягкости,

написания с ъ не препятствовали смысловозначению и не противоречили языковому сознанию древнерусских писцов, для которых противопоставление по твердости—мягкости было фонологически значимым. Этим объясняется вариативность написаний с ъ и ѣ после букв шипящих и ц у Евсевия-Ефрема и некоторых других древнерусских писцов в рассматриваемый период. Заметим, что написания с ъ после букв шипящих и ц переживают эпоху второго южнославянского влияния и встречаются в древнерусских рукописях конца XVI—XVII вв. и в печатных изданиях этого и даже более позднего времени.

В целом можно отметить, что в графико-орфографическую норму Евсевия-Ефрема, как и многих других древнерусских писцов, прочно входят те особенности (перечисленные нами выше), которые были общими для южнославянских рукописей (как сербских, так и болгарских) и которые при этом не слишком затрудняли чтение и понимание текста носителями восточнославянских диалектов. Допустимо выдвинуть гипотезу, что в процессе становления новой орфографии в период второго южнославянского влияния определенную роль могли играть графико-орфографические правила древнерусские писцы усваивали прежде всего те особенности южнославянского правописания (даже достаточно искусственные и не соответствовавшие фонетике живого языка писцов), которые легко поддавались обобщению в виде правила (например, написания с а в соответствии с /ja/), а те орфографические особенности, которые на восточнославянской почве обобщению не поддавались, писцы могли воспроизводить, но сколько-нибудь прочно не усваивали (это относится, например, к мене юсов). По мнению В. М. Живова, второе южнославянское влияние способствовало появлению искусственных графико-орфографических и грамматических правил, стимулировало развитие грамматического подхода [Живов 1993: 108].³

Специфические болгаризмы (прежде всего такие, как мене юсов, явно осложнявшая восприятие текста древнерусскими читателями) находятся на периферии нормы, принятой Евсевием-Ефремом, они могут то употребляться, то практически не употребляться им. Сербизмы в текстах, переписанных Евсевием-Ефремом, нами вовсе не обнаружено. Влияние среднеболгарского правописания в большей степени сказывается в части Лествицы 1424 г., написанной первым писцом, чем в части, написанной Евсевием-Ефремом, причем в процессе переписывания текста зависимость орфографии первого писца от орфографии оригинала непрерывно возрастала.⁴ Материал просмотренных нами 87 датированных древнерусских рукописей конца XIV — первой половины XV в. свидетельствует об ориентации древнерусских книжников на правописание только среднеболгарских, но никак не сербских рукописных книг. В этом отношении не составляют исключения датированные рукописи, написанные древнерусскими книжниками в рассматриваемый период в Константинополе и на Афоне.

Следует особо отметить, что, несмотря на непосредственный контакт Евсевия-Ефрема в Константинополе и на Афоне с южнославянскими книжниками и книжностью, степень ориентации этого писца на среднеболгарское правописание не большая, чем у писцов многих известных нам датированных рукописей рассматриваемого периода, написанных на территории Древней Руси. Писцы некоторых таких рукописей, в частности, спасо-андриониковского Евангелия тетр 1416 (ГИМ, Чертк., 42/256) [Гальченко 1994: 32—41], ориентируются на среднеболгарское правописание даже в значительно большей степени, чем Евсевий-Ефрем. Однако если сопоставить

³ Результаты развития грамматического подхода к тексту можно видеть уже у древнерусских книжников XVI в., в частности, ярким проявлением такого подхода является диалог Максима Грека и Нила Курлятева воспроизводимый Нилом [Кепперт 1985].

⁴ У первого писца отмечены только два написания с буквой ѣ вместо а, которые можно рассматривать как сербизмы, но одно из этих написаний могло появиться вследствие пропуска слога (же ѣ книзѣ животинъ на месецѣхъ написати своя ѣма (вместо ѣмена?) текъцима ѣ л. 5 об), а другое могло возникнуть в результате графической аналогии (гостителѣ же еѣ (вместо еа?) творца л. 54).

древнейшие рукописи, написанные русскими писцами в Константинополе и на Афоне, с рукописями, создававшимися в то же время на территории Древней Руси, картина будет иной. Наши исследования подтверждают справедливость упомянутого выше тезиса о том, что начало работы древнерусских книжников на Афоне и в Константинополе имеет самое непосредственное отношение к началу второго южнославянского влияния в древнерусской письменности.

Древнейшей датированной рукописью, в графико-орфографической системе которой обнаруживаются первые проявления второго южнославянского влияния, на наш взгляд, следует считать Евангелие тетр (ГИМ, Син., 742), написанное на пергамене уставом, переходящим в старший полуустав, в Константинополе в 1383 г., согласно писцовой записи на л. 282:

написа/хъ стое блговѣстне лѣтѣ ~~ж~~ сѣ / ѿ ѣ аи мѣца маѣа въ бго/спасаемѣмъ и
славнѣмъ гра/дѣ црѣтѣмъ константинополи

Графика и орфография созданного в Константинополе, вероятно в 1355 г., Чудовского Нового завета, как справедливо указывает Б. А. Успенский [Успенский 1987 § 93], отражает скорее стремление его создателей к грецизации правописания, чем южнославянское влияние. В этой рукописи встречаются грецизированные начертания ряда букв (в том числе ψ в виде υ), употребляется ω , особая графема в виде двух соединенных букв ϕ , нередкая в греческих рукописях, лигатура δ (пришедшая в славянскую письменность из греческой) в середине строки, имеются написания с буквой λ после графем гласных в значении /ja/ (как известно, в греческом письме нет йотированных букв), употребляются знаки акцентуации (исо, оксия, вария, камора). Как отмечает А. А. Зализняк, акцентуация Чудовского Нового завета отражает ударение восточнославянских говоров, в отличие от акцентуации более поздних древнерусских рукописей, в значительной степени воспроизводящих постановку знаков ударения в южнославянских протографах [Зализняк 1985: 198]. Чудовский Новый завет является единственной из известных нам рукописей, где можно наблюдать грецизацию почти без "южнославянизации". Впрочем, маловероятно, чтобы переводчики Чудовского Нового Завета были вовсе незнакомы с памятниками южнославянской книжности и не контактировали в Константинополе с южнославянскими писцами и переводчиками. Влияние южнославянских рукописей на рассматриваемую рукопись можно видеть в отдельных редких написаниях с буквой λ в неполногласных сочетаниях с сонантом /r/ и не менее редких написаниях с буквой λ вместо λ на конце слов.

В более поздних древнерусских рукописях грецизмы выступают только наряду с южнославянизмами. Грецизмы проникают в древнерусское письмо, как правило, не непосредственно из греческих рукописей (заново переведенный с греческого Чудовский Новый завет в этом отношении безусловно является исключением), а через посредство письма среднеболгарских рукописей, которым были присущи соответствующие грецизирующие написания, что и позволило нам выше говорить, например, о написаниях в древнерусских рукописях с буквой λ после графем гласных в значении /ja/ как об одном из проявлений второго южнославянского влияния (поскольку подобные написания, очевидно, переносились русскими книжниками из южнославянских рукописей, где эти написания появились в качестве подражания греческому письму).

В Евангелии 1383 г., кроме сравнительно частого употребления буквы λ после графем гласных в значении /ja/, редких написаний с δ в середине строки (в этой позиции в данной рукописи чаще употребляется диграф $\phi\psi$) и графемой ι перед буквами гласных не на конце строк, имеются написания слов с праславянскими сочетаниями $^*tbrt-$, $^*tbit-$, $^*tblt-$ "южнославянского типа" (например $\text{връх}\phi\psi$ л. 4 об). Правда, подобные написания встречаются только в начале рукописи, а затем почти исчезают.

Кроме того, в соответствии с *-*dj-* в данной рукописи весьма часто пишется жд В рассматриваемой рукописи нередки также написания с буквой ѣ в неполногласных сочетаниях с сонантом /т/ В Евангелии 1383 г регулярно употребляется буква ы, имеющая в своем составе ѣ (В Чудовском Новом завете ы пишется только с ѣ) Из знаков акцентуации в этой рукописи употребляется главным образом кендема, другие знаки встречаются редко, а некоторые (камора, великий апостроф) практически отсутствуют Кроме традиционной для древнерусских рукописей точки, в Евангелии 1383 г весьма часто употребляется запятая

Более выражены признаки южнославянского влияния в Диоптре инока Филиппа (ГИМ, Чуд, 15), написанной, как указано в писцовой записи на лл 94об — 95, в Константинополе в 1388 г

в лѣѣ ѣ ѣ ѣ ѣ списана въѣ книга сї/м рекома по елланноѣ. диоптра / по наѣ
же зеркало въ бгосїсеноѣ ко/стантинополн въ державноѣ/ лѣто црѣва кванѣ
палелогга при/ архнепѣ нлѣ мѣца генварна / въ глемѣн црѣстѣн обителн /
ипернелето рѣкою сїнѣнаго/ слугѣ кнрѣ зиновна

В Диоптре инока Филиппа 1388 г, кроме написаний с ѣ в середине строки и с буквой а после графем гласных в значении /ja/, отмечено сравнительно нередкое употребление графемы і перед буквами гласных не на конце строк (например невниманна, красованнѣ, шраценнѣ, в'здыханнѣ л 26, злодѣаннѣ, прѣхоженнѣ л 726, мочисннѣ л 816) К "южнославянизмам" в области орфографии в этой рукописи следует отнести написания "южнославянского типа" слов с праславянскими сочетаниями *-*tyt-, -*tyt-, -*tylt-* (например зръцало, зръцало, скеръны, испльнь, длъготю л 1 об, мрѣтвость л 726), случаи употребления жд в соответствии с *-*dj-* (претроуждѣшнмѣ л 16а, оутверждѣн л 326, рождѣннѣ л 736, вѣждѣ л 866 и др), а также, с определенными оговорками (см выше), написания с буквой ѣ в неполногласных сочетаниях с сонантом /т/

В отличие от Евангелия 1383 г в Диоптре обычно употребляется буква ы с ѣ (ы с ѣ встречается довольно редко)

Из числа надстрочных знаков в этой рукописи употребляется паерок и некоторые акцентные знаки (наиболее часто — кендема, по нашим наблюдениям, ранее всех других знаков усваивавшаяся древнерусскими писцами, и заметно реже — исо, оксия и вария) Из строчных знаков, кроме обычной для древнерусских рукописей точки, очень часто употребляется запятая, встречается и точка с запятой Почерк Диоптры — мелкий устав, практически лишенный следов влияния южнославянских почерков Следует отметить, что круг "южнославянизмов", отмеченных в Евангелии 1383 г и Диоптре инока Филиппа 1388 г, в основном совпадает с кругом "южнославянизмов", свойственных древнерусским рукописям XI—XII вв Только использование знаков акцентуации, частые написания с буквой а после графем гласных в значении /ja/ (не только в собственных именах), употребление графемы і перед буквами гласных не на конце строк было не свойственно древнейшим восточнославянским рукописям Эти особенности в принципе можно рассматривать как проявление тенденции к "грецизации" графики и орфографии В этом смысле особенности графики и орфографии рассматриваемых рукописей, казалось бы, можно описать в терминах "архаизация" и "грецизация", как предлагала Л П Жуковская [Жуковская 1987] По-видимому, усвоение указанных графико-орфографических "южнославянизмов" древнерусскими писцами конца XIV в облегчалось тем, что данные особенности они встречали в древнейших восточнославянских рукописях, которыми эти писцы, вероятно, пользовались в своих монастырских библиотеках на родине Однако мы не располагаем достоверными данными в пользу предположения о с о з н а т е л ь н о й

архаизации, сознательной ориентации на правописание древнейших восточнославянских кодексов⁵. Логичнее, на наш взгляд, предположить, что русские писцы, работавшие в Константинополе и на Афоне, ориентировались на находившиеся в их распоряжении южнославянские оригиналы, но относились к их правописанию избирательно, вводя в свой текст только те графико-орфографические особенности, которые в наименьшей степени затрудняли чтение и понимание текста русскими читателями и в наименьшей степени вступали в конфликт с традиционным для восточнославянских рукописей XIV в. правописанием, которое, вероятно, оставалось для этих писцов еще в какой-то мере авторитетным. Следует заметить, что подобным образом выглядит лишь самое начало процесса: в XV в., особенно начиная с середины 10-х годов, древнерусские писцы начинают активно вводить в свои рукописи особенности среднеболгарского правописания, неизвестные русским рукописям XI—XII вв. (такие, как мена юсов, мена ж-ъ и др. — см. подробнее [Гальченко 1994: 60—69]).

В ряде датированных рукописей 80-х — начала 90-х гг. XIV в., созданных на территории Древней Руси, в частности, Сборнике с Пандектами Никона Черногорца, написанном в серпуховском Высоцком монастыре в 1381 г. (ГИМ, Син., 193), Словах постнических Василия Великого 1383 г. (ГИМ, Чуд., 10), Пандектах Никона Черногорца 1390 г., написанных в Рязанской области в монастыре на Солодше (БАН), те же "южнославянизмы" в графике и орфографии, что и в написанных в Константинополе Евангелии 1383 г. и Диоптре инока Филиппа 1388 г., встречаются как довольно редкие исключения или вовсе отсутствуют [например, в новгородских Апостоле 1391 г. (РНБ, Пог., 26) и Минее 1398 г. (БАН, 34.7.5)]. Из просмотренных нами рукописей этого времени (дата которых устанавливается достаточно надежно) только в Евангелии Кошки (РГБ, ТСЛ, III № 4/ М. 8654) около 1392 г. наблюдается выраженное южнославянское влияние в области графики и орфографии (проявляющееся в употреблении ы с ъ, графем з "с молоточком", s в значении /z/, лигатуры ѿ в середине строк, написаниях с буквой ѧ после графем гласных в значении /ja/, с і перед буквами гласных, частых написаниях с буквой ѡ вместо ѣ на конце слов, случаях употребления жд в соответствии с -*dj-, наличии написаний "южнославянского типа" слов с праславянскими сочетаниями -*tbrt-, -*tbrt-, -*tblt-, отдельных редких случаях употребления "юса большого" и мены юсов, использовании всех видов акцентных знаков, а также запятой и точки с запятой).

Таким образом, сколько-нибудь заметные проявления второго южнославянского влияния в конце XIV в. обнаруживаются в первую очередь в тех рукописях, которые были написаны древнерусскими писцами непосредственно в Константинополе и на Афоне. Однако очень скоро, по-видимому, уже в 90-х годах XIV в. на территории Древней Руси начинают создаваться рукописи с не менее, а иногда и более выраженным южнославянским влиянием, чем в рукописях, написанных восточнославянскими писцами в этот период в Константинополе и на Афоне (наиболее ярким примером является упомянутое выше Евангелие Кошки, созданное около 1392 г. в Москве [Вздорнов 1980: № 57]).

Заметим, что первые проявления второго южнославянского влияния наблюдаются прежде всего в области текстов, впервые, как новые переводы Лествицы или Диоптра инока Филиппа, пришедших на Русь от южных славян (А.А. Турилов, из лекции), почти одновременно с этим — в сфере графики и орфографии, и лишь несколько позднее — с начала XV в. — в области почерков. Нам не известны рукописи ранее XV в.,

⁵ Нам достоверно известен только один случай такой ориентации, и то крайне непоследовательной и, вероятно, в значительной степени произвольной: как было установлено нами [Гальченко 1994: 51—60], писцы спасо-андрониковского Изборника 1403 г. частично воспроизводят некоторые графико-орфографические особенности своего непосредственного оригинала — Изборника 1073 г. Однако именно благодаря частичному следованию древнему оригиналу спасо-андрониковский Изборник заметно отличается от других современных ему древнерусских рукописей, в частности, написаниями с шт в соответствии с -*tj-, -*kt'.

написанные младшим полууставом. Активное распространение младшего полуустава наблюдается приблизительно с середины 10-х годов этого столетия.

В известных нам датированных рукописях, созданных древнерусскими писцами в Константинополе и на Афоне в 20-х—40-х годах XV в., проявление второго южнославянского влияния в почерках, графике и орфографии не отличается от проявления этого феномена в почерках, графике и орфографии большинства рукописей, написанных на территории Древней Руси, особенно в северо-восточных областях.

Авраамий, писец Сборника житий с житием Григория Акрагантского 1431 г. (РГБ, Егор., 543), написанного, как следует из записи этого писца на лл. 104—104об, на Афоне в Лавре св. Афанасия и принесенном им в Тверь, наиболее прочно усваивает в основном те же графико-орфографические "южнославянские" особенности, что и Евсевий-Ефрем: употребление **ъ** в значении /z/, лигатуры **ѣ** в середине строк, буквы **а** после графем гласных в значении /ja/, **ї** перед буквами гласных, употребление **жд** в соответствии с -*dj-, написания "южнославянского типа" слов с праславянскими сочетаниями -*ьrt-, -*ьrt-, -*ьlt-, использование некоторых акцентных знаков (в отличие от Евсевия-Ефрема, за исключением каморы и великого апострофа), запятой. точки с запятой. "Юс большой" встречается в рукописи 1431 г., но его употребление нерегулярно; случаи мены юсов встречаются только спорадически, причем один раз — в писцовой записи. Приводим эту запись полностью:

Въ лѣтѣ ̅. ̅. ̅. ̅. съписася книга сѣа / въ стѣ(ѣ из е)и грѣ(sic!) аѳоньстѣи. въ
ѡ/внтели црѣстѣи, прѣчнстѣи/а влѣща нашеа бѣца, прѣнодѣзѣи/ марїа. Въ
нарѣдѣмѣи лаврѣ, прѣа/бнаго ѣ бѣноснааго ѡца нашеа/го аѳанасїа аѳѡньскааго.
пѡа/криаѣмъ, стѣго грѣгорїа пала/мъ. и прѣбнааго ѡца нашеа пѣ/тра. въ кѣци
стѣго славнааго/ прѣбрка нальж. написася рѣкож/ многогрѣшнааго, и съмѣренна
їнока// аѳраамїа рѣссна. Въ црѣтѣво, грече/скааго црѣ. кѣрѣ калѣана. пѡле/ѡлѡга.
ѣ при вселенскѣм патрѣ/арѣстѣ. кѣнѣстѣанѣинопѡль. кѣрѣ / ѡдѣсїа. помощю бжїею,
ѣ прѣне/сена въѣ ѡ греческааго црѣтѣва на/ рѣсь. бѣгомъ спѣсаемъи граѣ тѣе/рь.
при бѣолюбѣнѣм, ѣ бѣгочѣстѣнѣм/ ѣ самодрѣжавнѣм. велнкѣм кнѣзѣ/ борнѣ,
аѳеѣсандровнѣ. въ сла/вѣ живѡначалнѣи ѣ єдиносѣцнѣи/а трѣица. ѣ въ чѣсть
прѣбнѣмѣ/ ѣ бѣносномоу ѡцю нашему савѣ/ ѡсценномѣ, и ннѣ и прѣно и въ
вѣ/кѣи вѣкѣмѣ аминь. при господнѣ ѡци нашему оучитѣли, и на/ставннѣи. ѣ
многѡмилѣстнѣи/вѣм, ѣ братѡлюбѣнѣм, савѣ нѣоумѣннѣ. въдана въѣ книга сѣа. въ/
лѣтѣ, ̅. ̅. ̅. ̅. : - лл.104—104об.

В отличие от Евсевия-Ефрема Авраамий употребляет только **ъ** с **ъ** в составе (заметим, что **ъ** с **ъ** встречается в некоторых южнославянских рукописях, в частности, в Лествице 1387 г., написанной митрополитом Киприаном, болгаринном по происхождению).

Среди рукописей, созданных в 20-е—30-е годы XV в. восточнославянскими писцами на территории Древней Руси, немало таких памятников, в которых второе южнославянское влияние проявляется прежде всего в тех графико-орфографических особенностях, которые регулярно встречаются в рукописях Евсевия-Ефрема и

написанном на Афоне Сборнике житий 1431 г., но имеются и рукописи, значительно более последовательно воспроизводящие письмо среднеболгарских рукописей со всеми остальными их особенностями, такими, как смешение юсов, написания с ъ вместо ж, написания с @ в соответствии с /'a/, например, Сборник со Словами Симеона Нового Богослова 1430 г., написанный, вероятно, в Ростове (РГБ, Пряп., 133). Из всех известных нам древнерусских датированных рукописей наиболее точно воспроизводит среднеболгарское правописание лисицких Сборник со Словами Исаака Сирина 1431 г (РГБ, ТСЛ, 175). лишь благодаря отдельным, крайне редко встречающимся руссизмам можно предположить, что два основных его писца были все-таки русскими [Гальченко 1996].

Таким образом, хотя в XIV в. наиболее рано признаки грецизации и "южнославянизации" правописания проявляются в рукописях, написанных древнерусскими писцами в Константинополе и на Афоне, в XV в. в указанном отношении афонские и константинопольские рукописи уже не выделяются на фоне других памятников древнерусской письменности, поскольку с середины 10-х по 40-е годы этого века правописание, в значительной степени следующее нормам южнославянской письменности, утверждается в большинстве книгописных центров Древней Руси.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Российской Академии наук Отдел рукописной и редкой книги
 ГИМ — Государственный исторический музей Отдел рукописей и старопечатных книг
 РГБ — Российская государственная библиотека Отдел рукописей
 РНБ — Российская национальная библиотека Отдел рукописей
 ЦМиАР — Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева
 Волок — Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря РГБ, ф 113
 Егор — Собрание Е Е Егорова РГБ, ф 98
 Кир -Бел — Собрание Кирилло-Белозерского монастыря РНБ, ф 351
 Пог — Собрание М П Погодина РНБ, ф 588
 Пряп — Собрание Г М Пряпшишкова РГБ, ф 242
 Син — Синодальное собрание ГИМ
 Солов — Собрание Соловецкого монастыря РНБ ф 717
 ТСЛ — Собрание Троице-Сергиевой лавры РГБ ф 304
 Усп — Собрание Успенского собора ГИМ
 Чертк — Собрание А Д Черткова, ГИМ
 Чуд — Собрание Чудова монастыря ГИМ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вздорнов Г И* 1968 — Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв // ТОДРЛ XXIII Л, 1968
- Вздорнов Г И* 1980 — Искусство книги в Древней Руси Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков М, 1980
- Гальченко М Г* 1989 — К истории письменности и языка Юго Западной Руси XII—XIV вв Дисс канд филол наук Основной том Приложение (рпк)
- Гальченко М Г* 1994 — Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема второго южнославянского влияния на Руси в конце XIV—XV вв М 1994
- Гальченко М Г* 1996 — Лисицкие датированные рукописи конца XIV— первой половины XV вв и проблема второго южнославянского влияния // Palaeoslavica (в печати)
- Живов В М* 1993 — Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV—XVII вв // Славянское языкознание XI Международный съезд славистов (Братислава сентябрь 1993 г) М, 1994 С 106—121
- Жуковская Л П* 1987 — Грецизация и арханзация русского письма 2-й пол XV — 1 ой пол XVI в (Об ошибочности понятия второе южнославянское влияние) // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому М, 1987
- Зализняк А А* 1985 — От праславянской акцентуации к русской М, 1985

- Прохоров Г М* 1989 — Лествица Иоанна Синайского // Словарь книжников и книжности Древней Руси Вторая половина XIV—XV вв Часть 2 Л , 1989
- Саенко Л П* 1981 — К истории славянского перевода Лествицы Иоанна Синайского // Русско-болгарские связи в истории книжного дела М , 1981
- Соболевский А И* 1894 — Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв СПб , 1894
- Тиганова Л В и др* 1972 — Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря Фонд № 113 (Дополнительная опись)⁶ М , 1972.
- Турилов А А* 1995 — Болгарские литературные памятники эпохи первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв (заметки к оценке явления) // Славяноведение 1995 № 3
- Успенский Б А* 1987 — История русского литературного языка XI—XVII вв Munchen, 1987
- Щепкин В Н* 1967 — Русская палеография М , 1967
- Heppel M* 1957 — Some slavonic manuscripts of the "Scala paradisi" // Byzantinoslavica 18 (1957)
- Keipert H* 1985 — Nil Kurljatev und die russische Sprachgeschichte // Litterae slavicae medi aevi Francisco Venceslao Mares Sexagenario Oblatae Munchen 1985
- Neues Testament des Čudov — Neues Testament des Čudov Klosters Bohlav Verlag Koln Wien 1989 (Фототипическое издание с изд Леонтия, митрополита Московского М , 1892)

⁶ В Описании Лествицы 1421 г Н Б Тихомиров не участвовал

© 1997 г. А.Л. СЕМЕНАС

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В эру новых технологий и постоянно расширяющихся международных контактов все более возрастает множество новых реалий и понятий в науке, экономике, политике, культуре. Когда в лексике языка у данного народа нет соответствующих слов для новых реалий и понятий, часто прибегают к заимствованию иностранных слов. Непрерывный приток новых реалий вместе с их обозначениями способствует обогащению лексики.

Китайский язык может выступать в качестве заимствующего. языка-реципиента. языком-донором является любой иностранный язык. Касаясь причин заимствования иностранных слов, можно выдвинуть, по крайней мере, два главных: 1) необходимость выражения новых значений; 2) потребность в обновлении лексической системы путем замены потерявших свою выразительность лексических единиц на новые более выразительные. В первом случае лексические заимствования не имеют синонимов в языке-реципиенте. Во втором случае в результате заимствования в китайском языке появляются синонимы. Проведенный количественный анализ показывает, что наиболее распространены случаи, когда заимствованное слово передает новое значение, сохраняя при этом стилистические приметы.

В настоящее время в китайском языке как в английском, русском и других языках отмечается неологический бум, а также бум иностранных слов. По предварительным подсчетам иностранные слова составляют значительную часть новой лексики (10%). Ежегодно в лексику китайского языка приходит около 800 иностранных слов. Они требуют регистрации и описания.

В каждом языке имеется большее или меньшее количество заимствованных элементов. Китайский язык в этом плане не составляет исключения. Однако процесс заимствования в китайском имеет свою специфику. Английский язык заимствует и ассимилирует иностранные слова, что в фонетике проявляется очень ярко. Сходство, близость произношения может быть очень высокой. В китайском же языке при заимствовании иностранного слова фонетическим способом происходит полная китаизация произношения. Поэтому иностранцы иногда воспринимают их как исконные лексические единицы, однако носителями языка они четко осознаются как заимствования. Слова, заимствованные семантическим способом, иногда бывает трудно отличить от исконных единиц [Алпатов 1976].

Независимо от того, каким способом заимствовано слово – фонетическим, семантическим, гибридным – процесс заимствования есть процесс образования нового слова.

Способы образования лексических заимствований в китайском языке:

1. **Фонетический способ:** *мада* "мотор", *суда* "сода", *машацзи* "массаж", *цисы* "сыр", *сида* "сидр".
2. **Фонетическое заимствование + китайская морфема:** *суда шуй* "содовая вода", *капьянь* "карточка", *баби вава* "кукла Барби".
3. **Семантическое заимствование + фонетическое заимствование:** *Синь силань* "Новая Зеландия", *бинцзиллин* "мороженое" (ice cream).

4. Соединение двух первичных лексем по способу сложения: *мали* "лошадиная сила", *чаожэнь* "супермен".
5. Фонетическое заимствование + родовой компонент / / классифицирующая морфема: *шадингъюй* "сардины", *байтаю* "сливочное масло", *балэйу* "балет".

Все заимствования в китайском языке по сфере употребления можно разделить на четыре класса: 1) религия и обряды; 2) общество и политика; 3) военное дело; 4) повседневная жизнь (мебель, одежда, жилье, продукты питания, кушанья, напитки, лекарства, сельхозпродукты, транспортные средства).

В настоящее время еще нельзя утверждать, что все заимствования уже имеют статус единиц китайской лексики. Причина этого заключается в том, что отнюдь не все заимствования из других языков, проникающие в китайскую лексику, отвечают нормам китайского языка. Отдельные неологизмы, вероятно, близки к произвольно созданным словам, иногда они носят окказиональный характер. Во всяком случае любая новая лексическая единица от рождения до утверждения, стабилизации в языке-реципиенте, должна пройти несколько этапов. Часть заимствований имеет ограниченную сферу функционирования, употребляясь лишь в определенных стилях речи. Средства массовой информации создают благоприятные условия для проникновения в китайский язык иноязычных слов. Следует учитывать и веяния времени, популярность и моду на иностранные слова и выражения.

С другой стороны, некоторые произведения популярной литературы впитывают в себя все без разбора иностранные слова. Это уже касается вопросов языковой политики. Вопросы принятия иностранных слов, их включения в картотеку национального языка зависят от их соответствия норме и тенденциям языкового развития, регулярности употребления и других факторов. Изменение и эволюция языка имеют свои собственные законы. Анализ новых заимствований в китайской лексике помогают решить целый ряд социолингвистических проблем.

Хотя количество иностранных заимствований в китайском языке с каждым днем все увеличивается, однако оно не так велико, как в других развитых языках мира. Это объясняется причинами как социально-исторического, так и лингвистико-типологического характера. Проникновение иноязычных слов в китайскую лексику началось уже давно. С древних времен в китайском языке существовало немало лексических заимствований. Их источником являлись языки национальных меньшинств, а также языки народов соседних стран. Китайское общество пережило длительный период феодализма и замкнутости. К середине девятнадцатого века эта ситуация претерпела существенные изменения. И только тогда иностранные слова стали проникать в китайский язык в большом количестве. По мере того как международные контакты и культурные связи становились все обширнее, процесс заимствований проходил все активнее. Но так как этот период сравнительно недолгий, то если говорить о китайском языке в целом, число заимствований в нем по-прежнему невелико.

Большинство заимствований в настоящее время приходит из европейских языков и прежде всего из английского в его американском варианте (особенно это касается Тайваня). Многие из них относятся к сфере общественно-политической и научно-технической терминологии, связаны с научно-техническим прогрессом.

Китайская языковая структура имеет отличия от европейских языков. Каждый ярус языка обладает своей особой спецификой. В китайском языке с его иероглифической письменностью можно писать в горизонтальном и вертикальном направлении (сверху вниз). Иероглифы следуют друг за другом на одинаковом расстоянии. Граница слова формально не выражена. Внутренние факторы китайской письменности составляют сравнительно большое отличие китайского языка от других языков мира и их письменностей.

Китайские лексические единицы имеют свои особенности, отличающие их от прочих лексических систем. Для уяснения этих особенностей надо обратиться к исходной единице лексикологического анализа. Разбор китайского текста обычно

начинается с разделения его на слоги, обозначающиеся на письме отдельными, как правило, иероглифами. Такой знак-иероглиф представляет на письме минимальную единицу, обладающую фонетическим и смысловым единством. Это и есть исходная единица лексикологического анализа – первичная лексема [Семенас 1992 : 26–29]. Ей свойственна грамматическая определенность: она может быть именной, глагольной, адъективной и т.п. Она может самостоятельно употребляться и быть строительным материалом для производства сложных слов. При заимствовании фонетическим способом передача звучания иноязычных слов с помощью китайских иероглифов требует особенно внимательного отношения. Изучая этот вопрос нельзя не принимать во внимание особые свойства заимствований.

Исходя из традиционных представлений о трех ярусах языка – фонетики, грамматики, лексики – следует учитывать, что лексика имеет наибольшую культурную направленность. Это объясняется ее наиболее конкретным содержанием. Так, всегда велось, что исследования связи языка и культуры начиналось с лексики, а лексические заимствования в этой теме являются самым удобным для изучения объектом. Можно сказать, что заимствования – результат обмена двух культур, а язык является средством этого культурного обмена.

Возьмем, к примеру, фонетическое заимствование *шалун* "салон" от французского слова *salon*. Для звуковой передачи этого слова используются два китайских иероглифа *ша* "песок" и *лун* "дракон". Хотя чтение этих двух знаков не совпадает полностью с произношением французского слова, но очень близко к нему. Заимствование *шалун* принимает значения французского слова, но не все, а в соответствии с ограничениями, накладываемыми китайским языком. Первоначально в трех исходных значениях: 1) "парадная гостиная, комната для приема гостей"; 2) "круг избранных лиц, собиравшихся в частном доме и объединенных общими интересами"; 3) "периодическая выставка произведений искусства". Войдя в китайский язык, это французское слово сузило свое значение и стало обозначать "избранный круг людей, собирающийся в небольшом помещении". Слово *шалун* в китайском не развило таких новых значений, как "салон-парикмахерская", "салон самолета", появившихся в других языках. Однако имеется производное от него *шалун иньюэ* "салонная музыка" [ГЖВЦ 1986 : 372].

Многозначные лексические единицы могут заимствоваться не во всех, а только в определенных значениях. Причем, большинство из них заимствуются в одном или двух значениях. Расхождения в семантических структурах в языке-доноре и языке-реципиенте у соответствующих слов могут быть очень большими и существенными. Полностью совпадающие семантические структур отнюдь не много: это наблюдение касается общей лексики, а в рамках специальных терминологий в соотносительных единицах в языке-доноре и языке-реципиенте чаще встречаются полные соответствия в семантических структурах.

Заимствования – мощный ресурс пополнения лексики собственного языка за счет средств других языков. Заимствования часто становятся важной частью лексики языка-реципиента и, как и все другие слова, имеют свою судьбу и свой процесс существования и развития. Некоторые иноязычные слова, войдя в язык реципиента, живут здесь недолго, через десяток лет могут уже сойти со сцены. Некоторым уготована сравнительно долгая жизнь. Поэтому собранный и проанализированный материал в данной работе был шире, чем тот, который представлен словарями, поскольку словари не всегда фиксируют новый и неустоявшийся материал.

Говоря о характерной характеристике иностранных заимствований в китайском языке, можно утверждать, что большинство их относится к существительным. Иногда существительные и прилагательные в китайском по своей форме трудно различимы. В процессе заимствования лексическая единица языка-донора, входя в язык-реципиент, теряет собственные свойства, прежде всего некоторые грамматические и фонетические особенности. В предложении это заимствованное слово приобретает самостоятельность. Однако с притоком большого количества заимствований обнаруживается

тенденция ко все большему сохранению ими своей первоначальной формы и семантических особенностей.

Рассмотрим более подробно фонетические заимствования в китайском языке. Заимствований этого типа может быть очень много, но все они ограничены структурными средствами языка-реципиента. Фонетические заимствования в процессе своего освоения подвергаются изменениям в соответствии с фонетическими законами заимствующего языка. Наибольшие проблемы возникают при отборе иероглифов для передачи фонетическим способом иноязычных слов. Здесь возможны варианты, что не является желательным, в связи с чем требуется унификация формы заимствования.

Фонетические заимствования могут быть односложными и многосложными. Односложных заимствований не так много, что объясняется развитым в китайском языке явлением омонимии (в современном китайском всего около 400 слогов без учета тоновых различий). Создатели нового слова должны обращать внимание на то, чтобы оно было легко доступно и понимаемо. В этой связи представляет интерес следующий пример: чистое фонетическое заимствование *пай* совпадает по звучанию с английским словом *pie* "пирог". Лингвисты поначалу не считали его удачным, т.к. оно односложное и в китайском языке у него много омонимов, а любой язык по возможности старается избегать омонимии. Тем не менее это слово прижилось в языке и до сих пор не имеет конкурирующих наименований. От него образовались производные, уточняющие наименования, такие как *шуйгопай* (*шуйго* "фрукты" + *пай*) "фруктовый пирог". *пингопай* (*пинго* "яблоко" + *пай*) "яблочный пирог" и т.п. *Пай* выражает новую реалию; это слово вошло в употребление недавно и уже принято говорящими. Оно включено в словари иностранных слов, изданных на Тайване. В словарной статье на *пай* дается информация энциклопедического характера, включающая способ приготовления этого блюда, его разновидности и употребление. Ввиду ограниченного количества слогов в китайском языке, один и тот же иероглиф может использоваться для записи нескольких заимствованных слов. Например, иероглиф с чтением *ка* записывает следующие заимствованные элементы: элемент *ка* (англ. *card*) "карточка" (обычно из картона, плотной бумаги прямоугольной формы). Он принимает участие в образовании неологизмов второго порядка, в которых первый компонент исконное слово, типа *дэнцзика* "регистрационная карта" (*дэнцзи* "регистрировать" + *ка*), *бинлика* ("история болезни" + *ка*), *дяньхуака* (*дяньхуа* "телефон" + *ка*) "телефонная карточка" (для разговора по телефону-автомату), *шэнжика* (*шэнжи* "день рождения" + *ка*) "поздравительная карточка с днем рождения", *хэнянька* (*хэнянь* "поздравлять с новым годом" + *ка*) "поздравительная открытка с новым годом", *шэнданька* (*шэндань* "рождество" + *ка*) "рождественская открытка", *муцинька* (*муцинь* "мать" + *ка*) "поздравительная открытка с Днем матери", *фуцинька* (*фуцинь* "отец" + *ка*) "поздравительная открытка с Днем отца" (на Тайване), *гуйбинька* (*гуйбинь* "гость" + *ка*) "карта гостя", *шуйка* (*шуй* "налог" + *ка*) "налоговая карточка", *синьюнка* (*синьюн* "кредит" + *ка*) "кредитная карточка", *люйка* (*люй* "зеленый" + *ка*) "зеленая карта, вид на жительство в Америке".

Ка в данном значении может употребляться самостоятельно в изолированном виде. например, *да ка* "пробить карточку", *цзю ка хуань синь ка* "старую карту поменять на новую".

Этот же иероглиф *ка* используется для передачи французского слова *cassette* (совпадение в звучании по первому слогу). Элемент *ка* в этом значении и в сочетании с исконным элементом *дай* "лента" образует гибридное заимствование. "Словарь иностранных слов газеты Гуанмин жибао" дает такое толкование слову *кадай*: "Это находящаяся в маленькой коробочке магнитофонная лента" (*cassette tape*) [ГЖВЦ 1986 : 246]. В новейшей лексике возникли производные от *ка*: *данька* (*дань* "одно-, единичный" + *ка*) "однокассетник", и *шуанка* (*шуан* "пара" + *ка*) "двухкассетник".

Элемент *ка* используется для передачи на китайский язык еще одного заимствования – из английского *car* "машина, автомобиль, грузовик". В этом значении он образует производные *саньлунька* (*сань* "три" + *лунь* "колесо" + *ка*) "трехколесный автомобиль", *шилуньдака* (*ши* "десять" + *лунь* "колесо" + *да* "большой" + *ка*) "десятиколесный большой грузовой автомобиль".

Единица теплоты "калория" (лат. *calorie*) передается тремя иероглифами *калули*, причем употребляется и сокращенный вариант *ка*, он входит в состав терминов *цянька* "килокалория", *дака* "большая калория", *сяока* "маленькая калория", *кэка* "грамм-калория".

К однословным заимствованиям относятся также термин *кэ* "грамм", *сянь* "цент" (денежная единица), *да* "дюжина".

Большинство фонетических заимствований имеют два и более слогов. Обычно число слогов (на письме – иероглифов), представляющих звучание иноязычного слова, не превышает пяти. В ряде случаев китайский язык предпочитает фонетический способ заимствования всем другим. Изучение материала показывает, что к фонетическому способу обращаются всякий раз, когда семантический способ передачи иноязычного слова недостаточно и неточно передает его значение. Ср., например, названия танцев, музыки: *дисыкэ* (*disco*) "диско", *цяця* (*cha-cha-cha*) "ча-ча-ча". Фонетический способ предпочтительнее семантического при названиях денежных единиц: *лубу* "рубль", *гэби* "копейка", *макэ* "марка", *фалан* "франк", *шэндин* "сантим", *бисо* "песо", *кэлан* "крона".

Часть иностранных лекарств различается вторыми слогами и соответственно записываются разными иероглифами: "кодеин" имеет три китайских варианта перевода *кэдайинь*, *кэдаинь*, *кэтшинь*; "аминопирин" (*aminopirine*) – *аньцзибилинь*, *аньцципинь* (два варианта).

Показательно, что фонетические заимствования могут являться основой для новых номинаций. Например, *шала* (англ. *salad*) "салат" и *шалаяо* (англ. *salad oil*) "салатное масло"; *линмэн* (англ. *lemon*) и его производные *линмэншуй* "лимонад"; *линмэнча* "чай с лимоном", *линмэн шицзянь* (англ. *lemon time*) "время отдыха во время соревнований в играх с мячом", *мотэр* (англ. *model*); *шичжуан мотэр* "манекенщица", *чаоцзи мотэр* "супермодель".

Обрастая производными и образуя структурно-семантические группы, фонетические заимствования закрепляются в языке. В результате дальнейшей продуктивности возможна их морфологическая членимость.

В новых фонетических заимствованиях набирает силу тенденция к передаче звучания вместе со значением. Конечно, это связано со стремлением средств массовой информации к новизне и аттрактивности, а также соответствует психологическим запросам носителей языка. Изучая фонетические заимствования, можно проследить психологию создания новых слов китайцами. В последние десятилетия появилось много новых товаров, фирм, магазинов. Часто им даются иностранные наименования, по форме представляющие чисто фонетические заимствования. Однако для записи этих наименований подобраны в рекламных целях такие иероглифы, которые привлекают внимание потребителей и передают положительный смысл. Например, напиток "кока-кола" записывается иероглифами *кэ коу кэ лэ* "каждый глоток доставляет радость", "пепси-кола" – *бай ши кэ лэ* "сто дел и все успешны", "все дела доставляют радость", "полароид" – *пай ли дэ* "снимать и сразу получать (фото)", "шампунь" – *сян по* "ароматная волна". Название магазина "Айлина" записывается иероглифами *ай* "любить", *ли* "красивый", *на* передает звучание последнего слога в иностранных собственных женских именах.

Для получения объективной картины новых фонетических заимствований в китайском языке надо обратить внимание на то, что заимствоваться могут не только отдельные слова, но и сегменты заимствованных слов. Превращаясь в аффиксы, они

пополняют инвентарь словообразовательных средств языка-реципиента. Активность заимствованных элементов обнаруживается в том, что они сочетаются с исконными основами. Причем, используются вместе со словообразовательной моделью, свойственной иностранным словам (ср. [Земская 1992 : 56–57]).

Приведем примеры с префиксом *мини* (англ. *mini*): он передает значение малого количества ("маленький"). Словообразовательный элемент – префикс *мини* – ранее всего стал употребляться в Гонконге и на Тайване и прежде всего в названиях товаров, завозимых сюда из других стран. И одним из первых было *miniskirt* (*мини* + *цюнь* "юбка") "мини-юбка". В данном случае можно говорить о гибридном заимствовании, где первый компонент – фонетическое заимствование, а второй компонент – исконное слово. Интересно, что в китайском языке *мини* – это простое фонетическое заимствование. Подобраны иероглифы таким образом, чтобы они не только передавали звучание чужого слова, но и имели соответствующее значение *ми* "очаровать" + *ни* "вас" – "привлекательный", "очаровательный". В материковом Китае для этого слова есть синоним *чаодуаньцюнь* "сверхкороткая юбка", образованный из исконных морфем *чао* "сверх" + *дуань* "короткий" + *цюнь* "юбка".

В начале 90-х годов появились новые слова с префиксом *мини*–: *мини инъюань* "мини-кинотеатр", *мини дяньнао* "мини-компьютер", *мини пэньцюань* "мини-фонтан", *мини шоубяо* "мини-часы", *минишань* "минимайка", *миници* "миникурица", *мини шичан* "мини-рынок", *мини силепянь* "мини-сериал", *минцаоюньхуэй* "мини-олимпиада". По сравнению с исконным префиксом *вэйсин* "маленький", "крошечный" синонимичный ему префикс *мини*- обладает большей жизненной силой, является более престижной формой, отвечающей языковой моде.

Тенденция к семантической определенности прослеживается в гибридных заимствованиях, образованных по модели: "фонетическое заимствование + родовое слово" (классифицирующее). Эта модель соответствует привычному для китайского языка атрибутивному типу образования сложных слов с их прозрачной внутренней формой. Например: *лайфуцянь* (англ. *rifle*) + *цянь* "винтовка" → "ружье"; *танькэчэ* (англ. *tank*) + *чэ* "транспортное средство" → "танк"; *цзипучэ* (англ. *jeep*) + *чэ* "транспортное средство" → "джип", *таньгэу* (англ. *tango*) + *у* "танец" → "танго"; *боэркау* (англ. *polka*) + *у* "танец", "полька", *луньбау* (англ. *rumba*) + *у* "танец", *линьбае* (англ. *lymph*) + *е* "жидкость" → "лимфа"; *мадэлацзю* (франц. *madera*) + *цзю* "вино", *футэцзяцзю* (русс. *водка*) + *цзю* "вино" → "водка", *ланьмуцзю* (англ. *rum*) + *цзю* "вино" → "ром"; *пицзю* (англ. *beer*) + *цзю* "вино" → "пиво".

По существу, родовое слово, классифицирующий элемент является избыточным, излишним, т.к. оно не вносит ничего нового в семантику слова, а лишь уточняет значение фонетического заимствования. Заметим, что некоторые иностранные заимствования данного типа при длительном употреблении обнаруживают тенденцию к утрате родового слова и превращению в чистое фонетическое заимствование: *сянбинь* "шампанское", *футэцзя* "водка", *мадэла* "мадера", *танькэ* "танк", *цзипу* "джип", *линьба* "лимфа", *боэрка* "полька", *луньба* "румба", *гаоэрфу* "гольф".

В приведенных выше случаях сохраняется стремление китайского к четкости и в то же время к лаконичности и краткости формы. Заимствования как составная часть лексики находятся в процессе изменения и развития и, в частности, могут изменять свою форму. Однако это касается только многосложных заимствований и не относится к *пицзю* "пиво".

Другую многочисленную группу заимствований составляют семантические заимствования. Полностью семантические заимствования – кальки – бывает трудно отличить от исконных слов, образованных способом сложения значимых компонентов, по продуктивным моделям. К заимствованным из других языков относятся слова типа: *фаньбань* (*фань* "парус" + *бань* "доска") "серфинг"; *сысянку* (*сысян* "идея" + *ку* "хра-

нилище") "банк идей"; *шуцзюйку* (*шуцзюй* "данные" + *ку* "хранилище") "банк данных"; *синьсику* (*синьси* "информация" + *ку* "банк") "информационный банк"; *миюэ* (*ми* "мед" + *юэ* "месяц") "медовый месяц".

Разные способы заимствования и калькирования слов языка-донора могут являться источниками полной синонимии. Сначала могло прийти в язык фонетическое заимствование, т.к. было трудно передать иностранное слово с помощью калькирования. Однако позднее была создана и семантическая калька и таким образом в языке оказалось два слова для обозначения одного и того же понятия и реалии: *майкэфэн* и *кошньци* ("прибор для усиления звука") "микрофон", *кацюша* и *хоцзяньтао* "ракетный миномет", *нилун* и *хуацян* "нейлон", *сайлуфэн* и *болличжи* "целлофан", *вэйтамин* и *вэйшэнсу* "витамин", *мада* и *фадунци* "мотор", *лоцзи* и *луньлисюэ* "логика", *ми* и *гунчи* "метр", *паньнисилинь* и *циндусу* "пенициллин".

На данном этапе развития китайского языка наблюдается одновременное использование фонетического заимствования и кальки. Эти пары синонимов, несомненно, подлежат нормализации, поскольку они не обогащают язык, будучи абсолютно тождественными; кроме того, большая часть их терминологизирована, а терминологические синонимы – нежелательное явление в языке.

В китайском языке уже наметилась тенденция к постепенному вытеснению фонетических заимствований синонимичными им семантическими заимствованиями, кальками. Например, слово *циндусу* уже заменило *паньнисилинь* "пенициллин", *ляньхэ шоугэцзи* употребляется вместо *канбайинь* "комбайн", *ляньциюнь* вместо *булацзи* "платье", фонетическое заимствование *дэлюйфэн* "телефон" употребляется очень редко, в основном на Тайване, и вытесняется своим синонимом-калькой *дяньхуа* [ЦЦ 1990; ЮГ 1994].

Процесс вытеснения фонетических заимствований связан с тем, что они мало характерны для китайского языка, по фонетическому облику чужды его носителям, для которых к тому же внутренняя форма этих слов остается неясной, отчего и возникают трудности в понимании и чтении, особенно при диалектном произношении. Кроме того, заимствуемое слово трудно единообразно записать. Например, *кэсюэ* "наука" первоначально заимствовалось фонетическим способом, как *сайиньсы* (англ. *science*), а *миньчжу* "демократия" – как *дэмокэласи* (англ. *democracy*). Способ фонетической передачи был принят вначале для английского термина *hormone* (*хээрмын*), причем существовали варианты омонимичной иероглифической записи. Хотя звучание слова в языке-реципиенте не совпадало с языком-донором, оно было очень близко к ним. Впоследствии наряду с трехсложным фонетическим заимствованием *хээрмын* возникает двусложное слово с прозрачной семантической структурой – *цзису* "активные вещества". Оно принимается языковым коллективом и становится общепотребительным. При этом от него образуются производные *цзисулюфа* "гормонотерапия". Оба варианта встречаются и могут употребляться в одном и том же контексте.

Сосуществование двух типов заимствований отмечено в случаях "ангел" (англ. *angel*) *аньциэр* и *тяньши* "небесный посланник", "копия" (англ. *copy*) *каобэй* и *фучжи*, *фуинь* "заново печатать".

Известно значительное число случаев, когда имеется одна реалья, но разные названия. Конечно, немалую роль в этом играет их способность к продуктивности в словообразовательном отношении. Вернемся к слову *дэлюйфэн*, которое имеет свой синоним-кальку *дяньхуа* (англ. *telephone*). Все словари включают этот вариант и производные от него: *гоцзи дяньхуа* "международный телефон", *чанту дяньхуа* "междугородный телефон", *дяньхуа хуэйи* "телеконференция", *дяньхуа синьтотай* "телефон доверия", *дяньхуа дяньбао* "телефонограмма", *дяньхуа чжэнхунь* "сватовство по телефону", *дяньхуа хуньнян* "телесваха", *дяньхуа гоуу* "покупки по телефону", *люшэн дяньхуацзи* "телеграфон". Как показывает этот набор примеров, здесь

действует весьма активно слово *дяньхуа*. Оно получает большую свободу сочетаемости, которая не отмечена у его синонима – фонетического варианта *дэлюйфэн*.

В китайский язык уже вошел новый термин *дагэда* и *эргэда* "беспроводный телефон" (на расстоянии до 100 м от главного провода). В тайваньских телепередачах до сих пор встречается *дэлюйфэн* и *хаошу* для наименования телефона.

Процесс развития и становления лексической системы языка происходит вслед за многоаспектным развитием общества. На разных территориях развитие китайского общества характеризуется своими особенностями, обусловленными историческими, политическими, экономическими, географическими и другими факторами. При сопоставлении китайской лексики на двух берегах Тайваньского пролива выявляются лексические различия. Это интересное социолингвистическое явление заслуживает тщательного изучения и анализа и выявления моделей лексических вариантов на двух берегах. В последние десятилетия отмечаются частые контакты между людьми, живущими на Тайване и на материке. Однако, несмотря на это, лексическое разнообразие растет и становится все более актуальным [ЯЖ 1992]. Новых иностранных заимствований на Тайване необычайно много. Исследование характера номинаций на разных территориях позволяет сделать вывод о частом использовании фонетических заимствований в Тайване в тех случаях, где на материке есть семантические заимствования, кальки, или создается новое исконное слово. Так было в случае со спортивным термином "скуттер" – на Тайване – *сукэда* (фонетическое заимствование), на материке – *пинди цзинсай цитин* ("плоскодонный гоночный катер"): используется такой активный для китайского языка способ как словосложение для создания разного рода уточняющих наименований. Еще пример. На Тайване принято *Нюсилань* (англ. *New Zealand*), чистое фонетическое заимствование, а на материке – гибридное заимствование *Синьсилань* (первый компонент переводится, а второй – транслитерация). Несомненно, что в собственных именах, особенно в топонимах на картах расхождения являются большим препятствием в общении и требуют унификации.

Отличие заимствованной лексики на материке состоит также в том, что в результате контактов между китайцами и нацменьшинствами, живущими на материке, были заимствованы названия местных реалий, например, из монгольского: *хаотэ* "населенный пункт", *хутун* "улочка, переулок", *лаба* "горн, труба" и др.

В современных языках широко распространен такой способ обновления лексики, как аббревиация. Этот способ очень развит в китайском языке и имеет здесь свои специфические черты. Слоговой характер фонетической системы и иероглифическая письменность затрудняют использование буквенной аббревиации; особый случай составляют заимствования буквенных аббревиатур из английского, например, UFO Р ("неопознанные летающие объекты"), представляющего сокращение до начальных букв каждого компонента английского термина. На китайский язык он передается фонетически *юфу* как транслитерация английской аббревиатуры. Одновременно его можно считать и семантическим заимствованием, поскольку иероглиф *ю* имеет значение "неясный, темный", а *фу* "плавать". Слово *юфу* участвует в дальнейшем словообразовании и в сочетании с элементом *сюэ* "наука" образует сложное слово *юфусюэ* "юфология". В материковом Китае выбрали другой способ для номинации *фэйде* "летающие тарелки": новое слово образно передает данное понятие и уже вошло в словарный состав. На Тайване оно не принято к употреблению [СЛР 1990].

Наблюдения показывают, что несовпадающие с китайским языком звуки могут передаваться по-разному, но во всех случаях уподобляются структуре языка-реципиента. Однако процесс заимствования уже развился до такой степени, когда заимствующие начинают использовать слоги, которых нет в языке-реципиенте. Возможно, это определяется степенью знакомства носителей китайского языка с иностранным языком. На Тайване, где английский язык в его американском варианте является самым привычным и распространенным иностранным языком, наблюдается довольно часто присутствие иноязычных (английских) вкраплений в китайском тексте.

Особенно заметно это явление в текстах средств массовой информации, а также в молодежных журналах.

В 1992 г. на Тайване появился неологизм *ТРО иши* "идеология ТРО", где *T time* "время", *P place* "место", *O oneself* "сам". "идеология ТРО" означает, что в поведении надо учитывать время, место и индивидуальные особенности (например, в том, как одеваться). В учебных текстах часты иноязычные вкрапления. *цзиньтяньды каоши юн орен books* "Сегодня на экзаменах пользуются открытыми книгами" В текстах на китайском языке иноязычные вкрапления могут вытеснить исконные слова: *Boss* (вместо *лаобань*) "хозяин", *Mister* заменяет исконное слово *сяньшэн* "господин", *O K* заменяет *хаоды* "хорошо", *yes* употребляется вместо *шиды* "да", *bye-bye* вместо *цзайцзянь* "до свиданья". Названия рубрик газет могут кроме иероглифов даваться английским шрифтом, например, *цзятин HOME* "семья", в названиях фирм обычно кроме китайского есть английское: *хаохань наньши чжуанье хуфу гунсы Humane beauty CO LTD* В последнее время заметно возросла роль иноязычных вкраплений в рекламных объявлениях, вывесках, названиях товаров, магазинов, кинотеатров, выставок, музеев и т.п.

Иностранное заимствование всех типов глубоко проникли в лексику национального языка гоюй на Тайване и являются здесь весьма модными, престижными, вытесняя часто исконные слова. Об этих заимствованиях Яо Жун-сун пишет. "В ближайшие годы это явление может в средствах массовой информации значительно возрасти Тайвань, возможно, сумеет превзойти Гонконг и станет в китайско-язычном мире центром по употреблению и проникновению заимствований" [ЯоЖ 1992].

При изучении этого вопроса нельзя не учитывать преимуществ использования латиницы при заимствовании иноязычных элементов. При этом китайские ученые считают, что использование латинского алфавита для транскрибирования заимствуемых терминов является удобным и простым способом. Его достоинство также в том, что записанные латиницей иноязычные термины выделяются в тексте и легко читаются. Кроме того, этот способ также соответствует развитию терминологии в направлении интернационализации. Таким путем можно уменьшить нагрузку учащейся молодежи, а также способствовать научному обмену. Поэтому в ряде случаев использование иноязычных вкраплений в китайском тексте, по нашему мнению, является вполне оправданным [ЯД 1994, КВФ 1994]

Подведем итоги. Понятие может заимствоваться и передаваться разными способами. В новой китайской лексике отмечены такие языковые факты, когда для одной заимствуемой реалии имеются четыре наименования: *дыши, мянди, чуцзучэ, цзичэнчэ* "такси". Какое из них наиболее подходящее, соответствующее норме – этот вопрос можно решить только в процессе употребления этих вариантов.

На Тайване и на материке в способах перевода наименований существует немало проблем. Для Тайваня предпочтительнее фонетический способ заимствования. На материке все же идут в направлении "перевода наименования, подчеркивать значение" или "от фонетического заимствования к семантическому". Лингвисты из Китайской Народной Республики не одобряют прямое фонетическое заимствование, указывая при этом, что семантический способ более подходит для словообразовательной системы языка с иероглифической письменностью, т.к. он удобен для логического узнавания и запоминания новых слов, а китайский иероглиф – это знак, передающий значение. Это мнение китайских лингвистов заслуживает дальнейшего обсуждения.

В последнее время на Тайване появляются новые заимствования, которые все более входят в общее употребление. Это крупномасштабный, естественный, ненормализованный процесс. Можно сказать также, что здесь иностранные заимствования особенно приветствуются. Исследование расхождений в той части лексики, которая представлена иностранными заимствованиями, имеет значение для языковой политики и поиска оптимальных путей модернизации и стандартизации национального языка на Тайване (гоюй) и на материке (путунхуа).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В М 1976 – О соотношении исконных и заимствованных элементов в системе японского языка // ВЯ 1976 № 6
- Семенов А Л 1992 – Лексикология современного китайского языка М , 1992
- ГЖВЦ 1986 – Гоюй жибао вайлайюй цыдянь Тайбэй, 1986
- ЯЖ 1992 – Яо Жунсун Сопоставительный анализ образования новых слов на двух берегах пролива // Хуавэнь шицзе The world of Chinese language June 1992 № 64 (на кит языке)
- Земская Е А 1992 – Словообразование как деятельность М , 1992
- СЛР 1990 – Словарь лексических различий материка и Тайваня Нанкин, 1990
- ЯД 1994 – Яо Дэхуай Некоторые вопросы модернизации китайской научно-технической терминологии // Chinese language review Hong Kong 1994 № 46 December (на кит языке)
- КВФ 1994 – К вопросу о форме иностранных заимствований // Chinese language review Hong Kong 1994 N 46 December (на кит языке)
- ЦЦ 1990 – Цэнь Цисян Словарь иностранных слов китайского языка. Пекин, 1990 (на кит языке)
- ЮГ 1994 – Юй Гэньюань Словарь новых слов современного китайского языка Пекин, 1994 (на кит языке)
- ЯоЖ 1992 – Яо Жунсун Проблемы современных заимствований на Тайване // Шида сюэбао ("Ученые записки педуниверситета") 1992, № 37

© 1997 г. Е.И. ШУТОВА

СЛОЖЕНИЕ ЗНАЧИМЫХ МОНОСИЛЛАБОВ КАК ГРАММАТИЧЕСКИЙ СПОСОБ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

(на материале класса именных полисиллабов)

Предметом внимания в данной статье является тот уровень организации грамматики, где атомарные, не делимые на более мелкие сущности, значимые единицы языка соединяются в более крупные единства, способные к самостоятельной номинации и самостоятельному употреблению (нижний уровень грамматики в нашем понимании)

Применительно к европейским языкам эта сфера грамматики получает свои очертания посредством дихотомии лингвистических понятий "слово–морфема" Слово – самодостаточная единица номинации и исходная величина построения предложения, морфема – продукт анализа слова, не имеющий самостоятельного существования и употребления [Володин, Храковский 1991: 108, Кубрякова 1991: 157 и др.]

Данная схема иерархии грамматических единиц в приложении к китайскому языку самоочевидным образом не срабатывает

Здесь в качестве очевидного языкового факта выступает выделимость в языке минимальной смысловой единицы, имеющей в качестве своего экспонента отдельный слог (моносиллаб) Признание этого факта, по меткому выражению американского ученого китайского происхождения Чжао Юаньжэня, является "самым правдивым из всех мифов", созданных относительно китайского языка [Zhao Yuanren 1968: 8]

Сложение значимых моносиллабов в некоторые целостные полисиллабические образования, состоящие из двух, трех, четырех и более (реже) слогов – первооснова китайской грамматики, нижний уровень ее грамматической организации Дихотомия "моносиллаб–полисиллаб" – основополагающая формальная оппозиция этого уровня

Закономерности сложения значимых моносиллабов в полисиллабические образования – предмет неустанного внимания китаеведов

Созданы многие описания соответствующего языкового материала Предложены различные методики и интерпретации При этом общим для существующих описаний является приложение к китайскому материалу системы понятий европейского языкознания и как следствие – анализ фактов китайского языка под углом зрения словоцентрической модели грамматики¹

Отсюда проблема сложения значимых моносиллабов ставится в литературе как проблема разграничения слова и морфемы, слова и словосочетания, как проблема словообразования (словосложение и словопроизводство), проблема выделимости сложного слова, проблема характера отношений внутри полисиллаба и др

¹ Следует подчеркнуть, что словоцентрическая концепция грамматики как исходное теоретическое представление, как базовый постулат грамматического анализа получила широкое признание и у китайских ученых "Слово – это то, из чего исходит и не может не исходить грамматика [Lu Zhiwei 1957: 6] Грамматика – это способ построения предложения исходя из слов [Ding Shengshu 1963: 1], Предложение строится из слов [Lu Shuxiang 1954: 12] – вот те характеристики понятия грамматика которые мы находим в работах ведущих китайских ученых

В нашей работе предпринята попытка изучения процесса сложения моносиллабов исходя из максимально возможного приближения к реалиям китайского языка. Иными словами словоцентрическая модель грамматики и отвечающая ей иерархия единиц (морфема–слово–словосочетание) не является в этой работе тем принципиальным основанием, которое и з н а ч а л ь н о определяет направление и задачи исследования (что не исключает подтверждения действительности этой модели)² Система грамматических единиц, адекватная процессу сложения моносиллабов, рассматривается как и с к о м а я величина анализа

О б ъ е к т и в н о процесс сложения моносиллабов состоит из следующих трех взаимосвязанных величин – 1) двух или более моносиллабов как исходных единиц сложения; 2) полисиллаба как результирующей единицы сложения, 3) отношений между компонентами результирующего полисиллаба

Дадим краткую характеристику сложившихся в китаеведении представлений, касающихся каждого из трех указанных звеньев процесса

1. Относительно трактовки грамматического статуса значимого моносиллаба

По этому вопросу существуют две основные точки зрения, каждая из которых, в свою очередь, достаточно не однозначна

1 Значимый моносиллаб трактуется как слово

В истории китаеведения словесная трактовка значимого моносиллаба явилась основанием оценки типологического статуса китайского языка как аморфного, или изолирующего (более поздний термин): отсутствие внутренней структуры слова, неизменяемость слова и т п Это наиболее ранний (восходящий к европейской синологии XIX столетия [Ошанин 1947]), но сохраняющий свои позиции и в наши дни взгляд на китайский язык [ЛЭС 1990 172, 511].

Вместе с тем, в рамках концепции "значимый моносиллаб – это слово" получает развитие и принципиально иная точка зрения, согласно которой китайский язык предстает как изолирующий, но не аморфный (понятия "аморфность" и "изоляция" разводятся) Наиболее последовательно эту точку зрения развивают в своих работах В М Солнцев³ и Н.В. Солнцева [Солнцева 1985], характеризуя значимый однослог как грамматически классифицированную, грамматически законченную и синтаксически самостоятельную единицу

Н Н Коротков и некоторые другие отечественные лингвисты характеризуют значимый однослог как "корневое слово", отдавая дань его структурной неформальности [Коротков 1968, Горгониев, Плам и др 1963]

2 Значимый однослог трактуется как морфема, при этом

1) термин "морфема" интерпретируется в морфологическом смысле – как минимальная значимая единица языка, составляющая часть слова Основателем этого подхода является Е Д Поливанов, который считал, что "к разговорному современному китайскому языку понятие моносиллабизма применимо только в смысле типичной

²Поиск путей адекватного грамматического анализа – не теряющая своей актуальности задача китайского языковедения

Об этом в начале сороковых годов писал А А Драгунов "Несмотря на обилие сырого материала и наличие большого числа разного рода учебных грамматик китайского языка, как старого, так и в особенности современного, до сих пор не только не имеется сколько-нибудь удовлетворительного описания его грамматического строя, но в сущности не намечены даже пути, по которым должна была вестись исследовательская работа в этой области" [Драгунов 1962 6] Почти полвека спустя видный китайский ученый Чжан Чжигун пишет следующее Каким путем" (подчеркнуто нами – Е Ш) следует идти при изучении грамматики китайского языка, чтобы получить относительно удовлетворительные результаты – это проблема, которая в течение многих лет не смогла получить своего решения [Zhang Zhigong 1981 309]

³В последней из них, рассматривающей факты китайского языка в типологическом ракурсе, используется термин формоизолирующей [Солнцев 1995]

односложности морфемы, но не слова (подчеркнуто нами – *Е.Ш.*) [Иванов, Поливанов 1930: 21].

Представление о моносиллабе как морфеме в морфологическом смысле этого понятия находит свою поддержку и преемственность в последующих утверждениях отечественных китаеведов о морфологической значимости слогоделения в китайском языке [Горгониев, Плам и др., 1963; Солнцев 1995; Солнцева 1985].

2) Термин "морфема" трактуется как кратчайшая языковая единица (кит. "yusu", в переводе на английский "morpheme") безотносительно к ее вхождению в слово или неслово. Подчеркивается, что в таком понимании выделение минимальной языковой единицы ("yusu") "предшествует выделению слова, в то время как выделение морфемы, понимаемой как часть слова, может быть осуществлено только после выделения слова" [Lü Shuxiang 1979: 15].

В русле понимания морфемы как минимальной значимой единицы находит свое употребление в китаистике термин "слогоморфема" [Карапетьянц 1982], ранее примененный в отношении вьетнамского языка [Быстров и др. 1975: 3–14]; см. также [Касевич 1983: 157–162].

Выше речь шла об имеющих место в литературе трактовках грамматического статуса значимого моносиллаба.

В заключение важно подчеркнуть следующее. При всех различиях в оценке моносиллаба общим для различных авторов остается то, что та или иная трактовка моносиллаба не распространяется на весь корпус значимых односложных единиц, функционирующих в современном китайском языке.

Показательны в этом отношении взгляды (эволюция взглядов?) В.М. Солнцева. С одной стороны, в ряде его работ настойчиво утверждается мысль о словесном характере значимой односложной единицы и принципиальной невыделимости морфемы из сложного слова (по извлечению из состава сложного слова морфема превращается в "грамматически законченное" простое слово) [Солнцев 1963: 126; Солнцев 1970: 145; Солнцев 1978: 255, 261; Солнцев 1995: 87], однако, с другой стороны, допускается существование морфемы не только в структуре слова, но и вне слова (архаизация значения односложных элементов, утрата ими синтаксической самостоятельности и др. факторы) [Солнцев 1978: 266] и другие работы этого автора.

О грамматической неоднородности корпуса значимых односложных элементов китайского языка в плане их способности или неспособности к самостоятельному употреблению говорят и другие ученые [Люй Шусян 1989; Lü Shuxiang 1979; Коротков 1963] и др.

2. Относительно трактовки грамматического статуса результатирующей единицы сложения моносиллабов

Как отмечалось выше, этот вопрос рассматривается в китаеведении под углом зрения разграничения слова (сложного) и словосочетания.

Языковой статус результирующей единицы сложения моносиллабов (результатирующего полисиллаба) определяется принадлежностью к слову или морфеме исходных моносиллабов – идея, принимаемая многими китаеведами в качестве инструмента разрешения проблемы языкового статуса результирующей единицы сложения.

"Фактически это сплошь и рядом один и тот же вопрос: если АВ слово, значит А и В могут быть только морфемами, если же А и В слова, то АВ может быть только словосочетанием" – в таком однозначном и логически безупречном виде ставил в 1959 г. эту проблему проф. Люй Шусян [Люй Шусян 1959: 14]. Б.С. Исаенко формулирует указанную зависимость следующим образом: "...всякое лексическое образование, в составе которого имеется хотя бы один элемент, не являющийся отдельным словом, в целом представляет собой не словосочетание, а единое "слово" [Исаенко 1957: 252].

Несмотря на широкое признание, указанный принцип последовательного и однозначного приложения к языковому материалу не получил. Исключение, пожалуй, составляет подход Е.Д. Поливанова, который идя от моносиллаба–морфемы и трактуя последнюю в морфологическом смысле (как часть слова) последовательно приходит к морфологизму китайской грамматики и отрицанию синтаксиса.

Большинство же китаеведов используют принцип Люй Шусяна достаточно нестрого.

Так, следуя логике этого принципа, полисиллаб, образованный на базе моносиллабов, имеющих статус слова, должен считаться словосочетанием. Тем не менее, считается возможным говорить в таких случаях не только о полисиллабе–словосочетании, но и полисиллабе–слове. При этом имеют место различного рода попытки объяснить очевидную нелогичность в характеристике результирующего полисиллаба.

В.М. Солнцев в этой связи большое значение придает таким понятиям как "морфемизация", "асинтаксичность", призванным объяснить механизм (условия) превращения исходного "грамматически законченного слова" в часть слова, или морфему, результирующей сложной единицы.

Другие ученые пытаются разрешить указанное противоречие (допущение о возможности образования сложного слова на базе самостоятельных слов) путем анализа возможности – невозможности расчленения полисиллабического целого. Принципиально невозможность расчленения полисиллаба считается признаком его словесного характера, возможность же расчленения указывает на то, что соответствующий полисиллаб является словосочетанием [Лу Чживэй, Б.С. Исаенко, Чжао Юаньжэнь и др.]. Однако реальное применение этого принципа создает ряд неразрешимых коллизий (см. в этой связи нашу статью [Шутова 1994]).

3. Относительно характера отношений между компонентами полисиллаба, их влияния на статус полисиллаба как целого

В трактовке этого вопроса наблюдаются две линии аргументации.

Первая идет от синтаксиса, констатируя аналогичность модели построения (характера синтаксической связи) слова и словосочетания. Исследовательский поиск направлен здесь от синтаксиса к морфологии, к обнаружению тех характеристик внутреннего устройства (образования) полисиллаба, которые дают основания рассматривать отношения между компонентами полисиллаба как морфологические и соответственно – рассматривать результирующий полисиллаб как сложное слово (Б.С. Исаенко, В.М. Солнцев, Н.В. Солнцева). В этой цепи посылок и выводов получает свою логически оправданную нишу и сформулированный Н.Н. Коротковым тезис об известной неразличимости слова и словосочетания в китайском языке, о несущественности для языка этого различия [Коротков 1960].

Во втором случае в качестве данной величины принимается сложное слово, выделимость которого принимается как не требующее доказательств научное допущение. Исследовательский поиск направлен здесь на обнаружение языковой специфики отношений между компонентами сложного слова в отличие от словосочетания. Наиболее серьезным образом такой подход обнаруживает себя в работе китайского ученого Лю Шусиня, который отказывает отношениям внутри сложного слова в грамматическом характере (будь то синтаксическом или морфологическом), отстаивая их собственно семантический характер [Liu Shuxin 1990]. Близкие взгляды мы находим в диссертации М.В. Румянцевой [Румянцева 1988]. В русле этой линии аргументации следует отметить работу А.Л. Семенас, придающей большое значение анализу реляционной семантики сложного слова, однако, в отличие от Лю Шусиня, не отказывая ему в грамматике, но и не вскрывая характера взаимоотношений между грамматикой и семантикой внутри сложного слова [Семенас 1992].

Как можно видеть из данного выше анализа, изучение в китаеведении проблемы сложения значимых моносиллабов характеризуется разнообразием подходов и выводов, вниманием к языковым фактам и сопутствующим сложению процессам.

Вместе с тем, представление о проблеме в целом обнаруживает дефицит концептуальности, сведения в одно непротиворечивое целое различных звеньев проблемы. Грамматический механизм сложения моносиллабов, соотношение образующих его величин и факторов требует дальнейшего исследования.

Ниже излагаются основные результаты работы автора по данной проблеме, в направлении максимального приближения к объективным фактам китайского языка, указанном выше.

Общетеоретическим кредо работы является апелляция к формальности и системности, представляющими собой базовые и глубинные характеристики языка как явления [Шутова 1984], что предполагает:

а) признание единства формы и содержания в качестве неперменного условия существования грамматической величины;

б) признание некоторой мыслительной субстанции в качестве грамматического факта лишь при условии ее сопряженности с той или иной (форма слова, служебные слова, порядок слов, интонация и др.) формальной сущностью данного языка;

в) подход к определению значения языковой формы на базе учета ее места в системе языковых форм данного языка, определения соотношения между различными формами и грамматически значащими факторами.

Итак, предметом нашего исследования является процесс сложения значимых моносиллабов, образуемый взаимодействием трех взаимосвязанных величин – 1) значимых моносиллабов как исходных единиц сложения; 2) результирующего полисиллаба; 3) отношений между компонентами полисиллаба.

Начнем наш анализ с определения грамматического статуса моносиллаба как базовой единицы процесса сложения.

Отметим в этой связи следующее.

1. То, что предельным минимумом смысловыражения и смысловоразличения в китайском языке является моносиллаб – это бесспорно. Однако это не значит, что моносиллаб как отдельная сущность, как некоторая фонологическая единица наделен в китайском языке определенной семантикой, или автономным лексическим значением. Если бы это было так, то следовало бы признать, что лексический фонд китайского языка насчитывает максимум 1324 единицы (по количеству фонетических слогов (414) и их возможных тоновых альтернатив) [Коротков 1960]. Неадекватность этого допущения не требует доказательств.

В действительности же моносиллаб семантически не автономен: его значение осознается в языке ассоциативно – по соотношению с некоторыми вошедшими в лексический фонд языка неодносложными структурными образованиями, включающими в свой состав данный (тот или иной) моносиллаб. О том, что это именно так, свидетельствует сложившаяся в китаеведении лексикографическая практика составления словарей на базе "гнездового" принципа, согласно которому однослог является исходной, однако не самодостаточной, единицей лексикографического описания.

2. Как единица, имеющая значение, моносиллаб обладает потенциалностью самостоятельного синтаксического употребления. Однако наличие у значимого моносиллаба потенциальной способности к самостоятельному синтаксическому употреблению еще не говорит о том, что перед нами "грамматически законченное слово". И вот почему.

В силу неавтономности лексического значения моносиллаба, о которой речь шла выше, реальные возможности самостоятельного смысловыражения и соответственно – самостоятельного синтаксического употребления у моносиллаба ограничены.

1) В абсолютно изолированном употреблении (произнесении), вне какой-либо ассоциативной смысловой связи, моносиллаб не выражает какого-либо значения, являясь собой чисто фонологический факт и не понятную на слух единицу.

2) Моносиллаб далеко не всегда самодостаточен в качестве отдельного структурного сегмента предложения. Здесь его серьезным конкурентом выступает поли-

силлаб, отгесняющий моносиллаб с синтаксически автономных позиций, а также другие структурные образования [Шутова 1991]. Ограниченность возможностей моносиллаба в качестве автономного структурного сегмента предложения, начиная с известного труда Е.Д. Поливанова, неоднократно подчеркивалась в отечественном китаеведении, вплоть до утверждений о полисиллабичности китайского слова [Горго-ниев, Плам и др. 1963]. На эту особенность моносиллаба указывают и китайские ученые [Li Jipxi 1933: 2; Люй Шусян 1989: 1; Zhao Yuanfen 1968].

3) Один и тот же моносиллаб в принципе способен к разноструктурному использованию в предложении. Это может быть и роль отдельного структурного сегмента предложения, и включенная позиция в составе полисиллаба, и другие структурные вхождения (например, сочетаемость со служебным словом, указательным местоимением, счетным словом и др.). При этом не исключено, что какая-то часть устаревшей лексики обнаруживает себя только в сочетаниях, что, однако, не исключает для нее отдельного синтаксического употребления абсолютно. Такого рода языковые факты неоднократно отмечались в литературе (см., например [Lu Zhiwei deng 1957: 107; Исаенко 1957: 288, 291; Люй Шусян 1989: 131, 137; Коротков 1963: 66, 67]).

Существенно то, что в любом случае потенциальная возможность разноструктурного использования моносиллаба в предложении не получает отражения в его внешнем облике, не наделяет его эксплицитной грамматической информацией, оставляя грамматически нейтральным. Вот почему деление корпуса моносиллабов на способных к самостоятельному синтаксическому употреблению и не способных наталкивается на неразрешимые объективные трудности («у "свободного употребления" нет четких границ и их нелегко выявить» [Люй Шусян 1989: 131]), решаясь зачастую на интуитивном уровне [Шутова 1994].

Восходя к грамматически нейтральному моносиллабу, совокупность моносиллабов китайского языка не организована в грамматические классы (части речи) европейского типа, несущие в своем внешнем облике черты определенной грамматической принадлежности. Имеющиеся в китаеведении попытки, начиная с известного труда Г. Габеленца, установить грамматические классы моносиллабов на основании функционально-синтаксических критериев не преодолевают сопротивления языкового материала, суть которого сводится к формуле китайских ученых "yici duolei" 'одно слово – много классов'. Эту формулу подтверждают данные "Большого китайско-русского словаря" под ред. М.И. Ошанина [БКРС 1983–1984].

Выше были даны основные грамматические характеристики отдельно взятого моносиллаба.

Посредством какого термина может быть обозначен моносиллаб, обладающий указанными характеристиками?

Термин "слово" на эту роль не подходит, если понимать под словом единицу языка, обладающую автономным лексическим значением и имеющую при себе те или иные дистинктивные формальные признаки отнесенности этого значения к определенному классу (типу) значений, определяющему характер синтаксического употребления данной единицы. По всем указанным параметрам характеристика отдельно взятого моносиллаба идет со знаком "минус".

Термин "корневое слово", хотя и более адекватен с точки зрения реальных свойств отдельного моносиллаба, тем не менее это все же "слово" и – все вытекающие отсюда коннотации типологического характера ("корневой", "аморфный" и т.п.)⁴

Не подходит для обозначения грамматической сущности значимого моносиллаба и термин "морфема" (в смысле – часть слова) или "слогоморфема" (в смысле – минимальная значимая единица языка, безотносительно к ее структурному вхождению). Оценка отдельного моносиллаба как морфемы в первом из указанных выше смыслов

⁴Уместно в этой связи привести слова Н.Н. Короткова: "...вопрос о грамматической природе китайского слова, а следовательно, о правомерности типологической характеристики языка как корневого и аморфного или, наоборот, как лишённого этих признаков, так и остался не решённым в науке" [Коротков 1968: 39].

априори предполагает образование в качестве результирующей единицы сложение моносиллабов "слова" и только "слова", в то время как именно характер результирующей единицы сложения моносиллабов является искомой (а не данной) величиной анализа.

Если же считать признаком морфемного характера моносиллаба сам факт структурно-семантической минимальности этой единицы, безотносительно к характеру ее потенциально возможных структурных вхождений (другое понимание морфемы), то тем самым морфема предстает как чисто количественное образование, лишенное каких бы то ни было структурно-грамматических свойств; утрачивается грань между морфемой и словом.

С опорой на реальные языковые свойства, такие как 1) неавтономность, или ассоциативность, лексического значения (соотв. неспособность к абсолютно изолированному употреблению), 2) ограниченные возможности самостоятельного синтаксического употребления, 3) формально-грамматическая нейтральность, отсутствие в структуре моносиллаба каких-либо формальных примет категориальной принадлежности, 4) способность входить в предложение в составе различных структурных образований – значимый моносиллаб, взятый как отдельный элемент языковой системы, квалифицируется в данной работе как **с л о г о с е м а н т е м а**.

Итак, процесс образования полисиллабических единиц в китайском языке – это процесс сложения слогосемантем. В чем состоят закономерности этого процесса и какова природа результирующей единицы процесса – полисиллаба?

Первооснова процесса сложения значимых моносиллабов, или слогосемантем (соотв. процесс образования полисиллабов), состоит в подчиненности процесса структурному принципу деления целого (полисиллаба) на два компонента (независимо от количества слогов, образующих целое) и определенному способу выражения отношений между ними. Последний (способ) складывается из двух формальных приемов: 1) слитность, или контактность (отсутствие каких-либо разделяющих элементов), компонентов полисиллаба, 2) определенный порядок следования компонентов. Слитность компонентов является **о б щ и м** формальным признаком различных полисиллабических образований. Порядок компонентов **д и ф ф е р е н ц и р о в а н**.

Класс полисиллабических образований делится на три структурных типа, в дифференциации которых задействован порядок компонентов полисиллаба в комбинации с фактором селекции (типовым выбором категориальной семантики компонентов полисиллаба)⁵.

К числу этих трех типов относятся:

1) Класс полисиллабов, образуемых на основе равноправной синтаксической связи между компонентами, имеющих однотипную категориальную принадлежность (паратаксис, или сочинение). Порядок компонентов здесь дифференциальной значимости не имеет, однако закреплён узуально.

2) Класс полисиллабов, образуемых на основе неравноправной синтаксической связи между компонентами, имеющих различную или однотипную категориальную принадлежность (гипотаксис, или подчинение). Порядок компонентов здесь имеет дифференциальную значимость, различая **и м е н н ы е** (центральный компонент имеет именную категориальную принадлежность) и **г л а г о л ь н ы е** (центральный компонент имеет глагольную категориальную принадлежность) полисиллабы. В именных полисиллабах зависимый компонент занимает позицию **п е р е д** центральным (именным) компонентом; в глагольных полисиллабах зависимый компонент занимает позицию **п о с л е** центрального (глагольного) компонента.

3) Класс полисиллабов, образуемых на основе предикативной связи между компонентами, имеющих именную и признаковую категориальную принадлежность. Порядок компонентов здесь определенный: именной компонент предшествует признаковому.

⁵Термин "селекция" (selection) заимствован у Чжао Юаньжэня [Zhao Yuanren 1968: 24].

Предметом рассмотрения в данной статье является класс именных (с центральным компонентом – именем) подчинительных полисиллабов.

За основу анализа принимаются **двусложные полисиллабы** как минимальные единицы структурной организации.

Определяющей формальной особенностью двусложных именных полисиллабов является определенный порядок следования компонентов полисиллаба, подчиненный формуле "зависимый компонент (ЗК) – центральный компонент (ЦК)". Формуле "ЗК – ЦК (имя)" отвечает определенное семантико-реляционное содержание, суть которого состоит в отношении "признак предмета (ЗК) – предмет (ЦК)". Последнее является значением синтаксического (грамматического) порядка, поскольку оно коррелятивно определённому формальному способу организации полисиллаба – определённому порядку следования компонентов полисиллаба, сопряженному с селекцией категории имени в качестве центрального компонента полисиллаба.

Как носители определённого грамматического (синтаксического) значения слого-семантемы, к которым восходят компоненты именного полисиллаба, обретают в структуре полисиллаба качество лексико-грамматических, или словесных, единиц.

Синтаксическое значение "признак предмета" получает ряд типовых семантико-реляционных манифестаций, содержание которых прежде всего зависит от представления ЗК категориями типа "качество", "предмет", "действие", "количество", или, в терминах лексико-грамматических категорий – от представления ЗК прилагательным, именем, глаголом, числительным (что имеет свое обоснование в лексико-грамматическом, как было отмечено выше, характере компонентов именного полисиллаба).

Таким образом, имеются четыре основные субмодели двусложного именного полисиллаба: Субмодель 1: ЗК (Прил.) – ЦК (имя); Субмодель 2: ЗК (имя) – ЦК (имя); Субмодель 3: ЗК (глагол) – ЦК (имя). Субмодель 4: ЗК (числ.) – ЦК (имя).

Каждая из четырех субмоделей именного полисиллаба характеризуется определённым потенциалом семантико-синтаксической реализации атрибутивного признака. Так:

Субмодель 1 даёт различные виды качественного атрибутивного признака: *xinnian* 'новый год', *baiyi* (белый-одежда) 'халат врача', *heiyou* (черный-рыба) 'змееголов'.

Субмодель 2 представляет атрибутивные признаки, семантически основанные на различного рода отношениях между предметами – притяжательными, пространственными, предназначения и др.: *zhuomian* 'поверхность стола', *renxin* 'сердце человека', *shengao* (тело-высота) 'рост', *zhuobu* (стол-материя) 'скатерть', *xifu* (запад-одежда) 'костюм', *zaofan* (утро-пища) 'завтрак', *xinzhishi* 'бумага для писем', *tieqiao* 'железный мост', *qiuzhong* (осень-сев) 'сев озимых'.

Субмодель 3 выражает атрибутивные признаки, семантически основанные на отношении предмета и действия: *lainian* (приходить-год) 'будущий год', *guatu* (вешать-карта) 'настенная карта', *shuiyi* (спать-одежда) 'пижама', *xiaohua* (смеяться-слово) 'анекдот'.

Субмодель 4 представляет количественный атрибутивный признак: *wuyue* 'пять отраслей' (земледелие, лесное хозяйство, животноводство, подсобный промысел, рыбное хозяйство), *sizhou* (четыре стороны) 'кругом', *yiye* (один, весь-ночь) 'вся ночь'.

Выше речь шла о формальном аспекте организации двусложного именного полисиллаба, представленном определённым порядком следования компонентов полисиллаба.

Обратимся к другому аспекту формальной организации двусложного именного полисиллаба – фактору слитности компонентов.

Формальный признак слитности компонентов двусложного именного полисиллаба является прямым отражением определённого семантического свойства полисиллаба как результирующей единицы сложения моносиллабов – свойства **с м ы с л о в о й ц е л о с т н о с т и**, или **л е к с и ч н о с т и** (интеграция значений составляющих

полисиллаба в единое целое, выражение полисиллабом тех или иных понятий, представлений о предметах, явлениях действительности)

Смысловая целостность двусложного именного полисиллаба имеет весьма широкий семантический диапазон – от языковых образований той или иной степени узуальности употребления (осознаваемых как факт лексического фонда языка и на этом основании включенных в словарное описание) до единиц, свободно создаваемых в речи (не включенных или еще не включенных в словарь) Смысловая целостность, или лексическая, двусложного полисиллаба непосредственно сопряжена с синтаксической связанностью (отсутствие автономной, выходящей за пределы полисиллаба, сочетаемости) компонентов

Как носители грамматического свойства синтаксической связанности слогосемантемы, к которым восходят компоненты двусложного именного полисиллаба, обретают в структуре полисиллаба качество морфемы

Имеют место два основных типа синтаксической связанности

1) **Экзоцентрический**, исключающий возможность сведения двуслога как целого к его определяемому (именному) компоненту, структурно-семантическую недостаточность последнего в качестве автономного структурного сегмента предложения

2) **Эндоцентрический**, потенциально допускающий структурно-семантическую разложимость полисиллаба и сведение целого к его именному компоненту, однако реально воссоединяющий составляющие полисиллаба в одно целое

Синтаксическая связанность экзоцентрического типа наиболее естественным и адекватным образом отвечает феномену семантической целостности двусложного полисиллаба Ее реализации способствуют следующие условия существования и функционирования двусложного именного полисиллаба

1) Идиоматичность значения полисиллаба как целого *hema* (река-лошадь) ‘бегемот’, *dayi* (большой-платье) ‘пальто’, *xiaoxin* (маленький-сердце) ‘осторожно’

2) Широта значения определяемого компонента, лишаящая его свойства автономности и требующая того или иного уточнения или пояснения (ср ряд полисиллабов с общим элементом *qiu* ‘шар’ *diqu* ‘земной шар’, *ziqu* (нога-шар) ‘футбольный мяч’, *yanqiu* (глаз-шар) ‘глазное яблоко’, *xueqiu* (кровь-шар) ‘кровяные тельца’)

3) Структурно-семантическая недостаточность именного компонента, проявляющаяся на фоне существования в языке коррелятивной двусложной единицы, обладающей семантической и грамматической самостоятельностью (ср *laibin* ‘гость’ и *guibin* ‘дорогой гость’, *pengyou* ‘друг’ и *laoyou* ‘старый друг’, *yanse* ‘цвет’ и *haise* ‘белый цвет’) В этом случае имеет место процесс распада одной автосемантической двусложной единицы в пользу формирования иной двусложной автосемантической единицы В сфере образования двусложных полисиллабов чередование односложного и двусложного способов выражения одного и того же понятия широко распространенное явление и весьма продуктивный языковой процесс

4) Неименное функционирование именного полисиллаба (*Ta gaosheng shuo* ‘Он громко (букв громкий голос) сказал’)

Что касается синтаксической связанности эндоцентрического типа, то главное здесь состоит в том, что двусложный полисиллаб в этом случае так же, как и при синтаксической связанности экзоцентрического типа обладает смысловой целостностью, способностью выражать определенные понятия, представления о тех или иных предметах, явлениях реальной действительности Смысловая целостность полисиллаба держится в этих условиях на характере атрибутивного признака, реализующегося здесь как признак видоразличительный, постоянный, тесно связанный с определяемым предметом (*reshui* ‘горячая вода’, *liangshui* ‘прохладная вода’, *haoren* ‘хороший человек’, *huaren* ‘плохой человек’, *dagou* ‘большая собака’, *xiaogou* ‘маленькая собака’)

Итак, двусложный именной полисиллаб представляет собой слитное структурное образование, характеризующееся смысловой целостностью или лексичностью и отвечающей ей синтаксической связанностью, или морфемностью, компонентов

Существенно следующее Синтаксическая связанность, или морфемность, компонентов двусложного именного полисиллаба имеет собственно функциональный характер, являя собой свойство, обретаемое моносиллабом в структуре полисиллаба, в условиях определенной комбинации моносиллабов, а не свойство, данное моносиллабу и значально как некоторому элементу, сущности, субстанции

В принципе между синтаксической связанностью как собственно функциональной категорией (свойство компонентов определенного полисиллаба) и субстанциональными свойствами моносиллабов как некоторых элементов не существует одно-однозначного соответствия, функционально-синтаксическая связанность может быть реализована как на базе моносиллабов, потенциально не способных к самостоятельному употреблению (субстанционально связанных), так и на базе моносиллабов, потенциально способных к самостоятельному употреблению (субстанционально свободных) Так, функционально-синтаксическая связанность эндоцентрического типа, как правило, реализуется на базе субстанционально свободных моносиллабов (*liangshui* 'холодная вода', *dagou* 'большая собака' и т.п.)

Не исключает субстанциональной свободы моносиллабов и экзоцентрическая разновидность синтаксической связанности компонентов (например, в идиоматических полисиллабах [*hema* (река-лошадь) 'бегемот'], в полисиллабах, не имеющих как целое именного характера – типа *xiaoxin* (маленькое сердце) 'осторожно' и др)

Вместе с тем, существенно важной характеристикой процесса образования двусложных полисиллабов является тенденция к гармонии взаимодействующих факторов – собственно функциональной и субстанциональной связанностей компонентов полисиллаба

Существенно важным проявлением отмеченной тенденции является широко распространенное в сфере образования экзоцентрических двусложных полисиллабов явление структурно-семантической недостаточности (субстанциональной связанности) определяемого моносиллаба, имеющего в языке двусложный семантический аналог (явление двусложного и односложного способов выражения одного и того же понятия – примеры типа *pennyou* 'друг' и *laoyou* 'старый друг')

Другим важным проявлением гармонии собственно функциональной и субстанциональной связанностей моносиллаба в сфере образования двусложных именных полисиллабов является широта значения определяемого моносиллаба, требующая в целях выражения определенного смысла обязательного уточнения, конкретизации (см приведенные выше примеры на *qiu* 'шар' *diqu* 'земной шар', *ziqu* 'футбольный мяч' и др)

Синтаксическая связанность компонентов двусложного именного полисиллаба имплицитно определяет черты категории атрибутивного признака, определяющей синтаксические отношения внутри полисиллаба Эти черты следующие

1) Обобщенность, неконкретность, инактуальность семантики определяющего компонента, что является условием формирования статичного, тесно связанного с предметом атрибутивного признака, отвечающего смысловой целостности полисиллаба Например *zhuodeng* (стол-лампа) 'настольная лампа' – это не лампа, которая находится на том или ином определенном столе, это – предмет, в основу наименования которого положено представление о типичном, характерном для него местонахождении, *cidao* (брить-нож) 'бритва' – это не нож, который осуществляет данное конкретное действие "брить", это нож, которому свойственна способность к такого рода действию

2) Отсутствие на уровне субмоделей и их потенциально возможных семантико-синтаксических реализаций дальнейшей (по сравнению с типовой моделью ЗК–ЦК

/имья/) формально-грамматической дифференциации атрибутивного признака. Смысловая целостность полисиллаба исключает возможность введения в структуру полисиллаба каких бы то ни было употребляющихся на уровне синтаксиса предложения формальных средств, способствующих грамматической дифференциации атрибутивных отношений. Так, по причине сохранения смысловой целостности полисиллаба здесь не употребляется показатель определения *de*, широко употребляемый в предложенческих атрибутивных структурах. Не употребляются здесь и другие формальные показатели, такие как послелого и предлоги, широко употребляемые в предложенческих атрибутивных структурах с определяющим компонентом-именем; при определяющем компоненте – глаголе не наблюдается употребление элемента *suo*, в определенных случаях имеющее место в предложенческих атрибутивных структурах; недопустимо здесь удвоение определяющего компонента – прилагательного или наличия при нем наречия степени

Таким образом, отношения между компонентами именного полисиллаба характеризуются определенной спецификой, сущность которой имплицирована характером соотношения двух аспектов (а) слитность компонентов и б) порядок следования компонентов) формальной организации полисиллаба и стоящими за ними грамматическими значениями. В основе своей эти отношения синтаксические (синтаксические отношения особого свойства), а не асинтаксические (соотв. морфологические) или аграмматические (чисто семантические), а также – не грамматические и семантические как независимые друг от друга сущности, что, как мы видели выше, зачастую утверждается в литературе.

Основной итог данного выше анализа грамматического механизма образования двусложного именного полисиллаба может быть сформулирован следующим образом

Сложение значимых моносиллабов (соотв. образование двусложных именных полисиллабов) – это лексико-образовательный процесс, имеющий своим результатом единицу, обладающую свойством смысловой целостности, или лексичности (способностью выражать определенные понятия, представления о предметах и явлениях реальной действительности).

В основе этого процесса лежит грамматический механизм, п р е о б р а з у ю щ и й грамматически нейтральные слогосемантемы в компоненты полисиллаба, совмещающие в себе свойства с л о в а (в структуре именного полисиллаба, исходные слогосемантемы занимают определенные грамматические позиции и несут на себе типовые грамматические нагрузки соответствующих классов элементов) и м о р ф е м ы (в структуре полисиллаба исходные слогосемантемы характеризуются синтаксической связанностью).

Словесно-морфемная сущность компонентов двусложного полисиллаба – явление собственно функционального порядка, принципиально не зависящее от субстанциональных свойств исходных моносиллабов, что, однако, не исключает наличия тенденции к определенному рода гармонии функциональных и субстанциональных факторов.

Именно симбиоз словесных и морфемных свойств как собственно функциональных категорий, контрольная значимость морфемного фактора (синтаксической связанности компонентов), н е п о с р е д с т в е н н о сопряженного с лексичностью полисиллаба как целого и имплицитующего обобщенность и формально-синтаксическую нерасчлененность категории атрибутивного признака в структуре двусложного именного полисиллаба, определяют собой специфику последнего как грамматической единицы современного китайского языка.

Грамматические закономерности построения двусложного именного полисиллаба – это закономерности, общие для всего класса именных полисиллабов.

В принципе (в основном) **многосложные именные полисиллабы** характеризуются теми же свойствами, тем же соотношением грамматически значимых факторов, что и двусложные полисиллабы.

Многосложному полисиллабу, так же как и двусложному, присуща смысловая целостность (лексичность) и отвечающие ей особенности внутренней структуры, такие как 1) симбиоз словесности и морфемности в их собственно функциональном проявлении, 2) принципиальная независимость от субстанциональных свойств исходных моносиллабов, 3) контрольная значимость фактора морфемности (синтаксической связанности), имплицитная обобщенность, инактуальность атрибутивного признака, формальную недифференцированность его типовых семантико-синтаксических реализаций.

Наряду с этим, на почве многосложных полисиллабов общие свойства класса именных полисиллабов получают ряд специфических проявлений. Остановимся в этой связи на следующих вопросах.

1. О структурной организации многосложного именного полисиллаба

Как отмечалось ранее, синтаксическая организация полисиллаба подчинена структурному принципу деления целого на два компонента, независимо от количества слогов, образующих полисиллаб. И если двусложный полисиллаб делится на компоненты, каждый из которых равен моносиллабу, то компоненты многосложного полисиллаба, как правило, представлены неодносложной единицей, в свою очередь делящейся на части, вплоть до моносиллаба как конечного составляющего полисиллаба. Таким образом, структура многосложного полисиллаба иерархична, имея несколько ступеней членения (в зависимости от количества слогов, образующих полисиллаб). В число последних (ступеней членения) обязательно входят уровень непосредственно составляющих полисиллаба как целого (верхний уровень членения) и уровень непосредственно составляющих компонентов полисиллаба. Структура многосложного полисиллаба определяется верхним уровнем членения, внутренняя структура компонентов полисиллаба представляет интерес постольку, поскольку она влияет на отношения между компонентами полисиллаба как целого (верхний уровень членения)

Трехсложные полисиллабы имеют в качестве верхнего уровня членения односложные и двусложные составляющие.

$/1+2/$ или $/2+1/$ – две равновеликие возможности группировки моносиллабов в структуре трехсложного полисиллаба. Например, *luxishi* ‘комната отдыха’ (формула $/2+1/$), *daziran* ‘природа’ (формула $/1+2/$).

Четырех- и более сложные полисиллабы, как правило, имеют в качестве базовых (предельных) единиц членения двух- и трехсложные составляющие⁶, выделяемые или на уровне полисиллаба как целого или на уровне компонентов полисиллаба *feiren shenghuo* ‘нечеловеческая жизнь’ (формула $/2+2/$); *yousheng dianying* ‘звуковое кино’ (формула $/2+2/$), *nongye mandaihua* ‘модернизация сельского хозяйства’ (формула $/2+3/$); *guoji heping jiangjin* ‘международная премия мира’ (формула $/2+4(2+2)/$), *zhengzhi jiaoyu gongzuo* ‘политико-воспитательная работа’ (формула $/4(2+2)+2/$); *wuxiandian shouyinji* ‘радиоприемник’ (формула $/3+3/$); *zhongyang luhua weiyuanhui* ‘центральный комитет по озеленению’ (формула $/2+5(3+2)/$); *e-su zhongguoxue shouque* ‘справочник по русскому советскому Китаеведению’ (формула $/5(2+3)+2/$), *juzi chengfen fenlifa* ‘методика анализа по членам предложения’ (формула $/3+4(2+2)/$), *lindai hanyu guifan wenti* ‘проблема нормализации современного китайского языка’ (формула $/6(4+2)+2/$), *luoma yuli yuyanxuejia* ‘специалист-языковед по романской семье языков’ (формула $/4(2+2)+4(2+2)/$); *zhongguo kexueyuan xinli yanjiusuo* ‘отделение психологии Китайской академии наук’ (формула $/5(2+3)+5(2+3)/$)

⁶ Возможность односложного составляющего в принципе не исключена (например, *zong qingchengshu* ‘главный инженер’), но реализуется сравнительно редко

2. О влиянии многосложности полисиллаба на характер атрибутивного признака

Определяющие компоненты многосложных полисиллабов в силу неоднозначности внутреннего строения представляют атрибутивный признак более конкретным образом, чем односложные определяющие двусложных полисиллабов.

Существенно то, что конкретизация атрибутивного признака в структуре многосложного полисиллаба осуществляется в пределах, не допускающих нарушения его обобщенности, инактивности, статичности, в чем находят свое проявление общие закономерности класса полисиллабических структур, имеющих своим основанием смысловую целостность полисиллаба. Приведем примеры, в рубрикации которых учтен характер синтаксической связи внутри определяющего компонента многосложного полисиллаба – а) копулятивная, б) атрибутивная, в) глагольно-объектная, г) предикативная:

а) *lianliben* 'тетрадь для упражнений', *putong gongren* 'обычный рабочий', *gonggong tushuguan* 'общественная библиотека',

б) *dazibao* (большие иероглифы-газета) 'рукописная газета, листовка'; *changyongzi* 'часто употребляемые иероглифы'; *huibu maozi* 'шапка из серой материи', *baifa laoren* 'старик с седыми волосами', *nongye mandaihua* 'модернизация сельского хозяйства';

в) *sharenfan* (убивать человека-преступник) 'убийца', *huancheng tielu* (окружать город-железная дорога) 'окружная железная дорога'; *chuguo huzhao* (выходить за пределы государства-паспорт) 'заграничный паспорт'

г) *renxingdao* (человек идет-дорога) 'тротуар', *renzao naiyou* (человек делает-масло) 'маргарин', *renzao weixing* (человек делает-звезда) 'искусственный спутник'.

Особого внимания заслуживают следующие два случая:

а) в составе определяющего компонента имеется локативный конкретизатор (типа *nei* 'внутри', *wai* 'снаружи'): *dixia zhendong* (земля под-толчки) 'подземные толчки', *shinei zhiwei* (комната внутри-растения) 'комнатные растения' *shiwai wendu* 'наружная температура', *guowai yuyanxue* (государство снаружи-языкознание) 'зарубежное языкознание'. В указанном случае то или иное предметно-локативное отношение является базой относительно-качественного и тем самым – обобщенного, инактуального признака определяемого предмета;

б) в составе определяющего компонента имеется конкретизатор со значением степени качества (*zui* 'самый'): *zui gao jieduan* 'высшая стадия', *zuihou shengli* 'окончательная победа', *zuijin xiaoxi* 'последние известия'.

Употребление наречия степени *zui* 'самый' служит здесь целям образования нового качества, а не переменного состояния одного и того же качества. Таким образом, и в случаях, о которых идет речь, обобщенность, инактуальность атрибутивного признака, характерная для класса именных полисиллабов, сохраняет свою значимость.

3. О влиянии многосложности полисиллаба на соотношение функционального и субстанционального факторов синтаксической организации полисиллаба

Многосложные именные полисиллабы сохраняют характерный для класса именных полисиллабов симбиоз категорий словесности и морфемности, чисто функциональный характер этих категорий, их принципиальную независимость от субстанциональных свойств соответствующих единиц. Однако соотношение функциональных и субстанциональных факторов синтаксической организации именных полисиллабов в двусложных и многосложных полисиллабах имеет свою специфику.

Двусложный полисиллаб обнаруживает тенденцию к гармонии феномена морфемности в функциональном и субстанциональном планах, отражением чего является широко распространенное в языке явление существования двух коррелятивных форм – односложной и двусложной – выражения одного и того же понятия.

Многосложный полисиллаб, напротив, гармоничен в плане функциональной и субстанциональной словесности компонентов полисиллаба (в силу их неодносложности), и не гармоничен в плане их функциональной и субстанциональной морфемности. обнаруживая черты синтаксической связанности, или морфемности, компонентов, как правило, лишь в структуре полисиллаба, в чисто функциональном плане⁷

Известное отклонение от этой тенденции демонстрируют трехсложные полисиллабы в случаях с определяемым компонентом-однослогом (группировка моносиллабов по формуле /2+1/), воспроизводящих тенденцию двусложных полисиллабов к гармонии функциональной и субстанциональной морфемности определяемого компонента – на базе структурно-семантической недостаточности последнего, проявляющейся на фоне существования в языке коррелятивной двусложной единицы. См следующий ряд трехсложных полисиллабов с определяемым моносиллабом *yu* 'язык', имеющим двухсложный структурный аналог *yu**yan* 'язык': *wai**guo**yu* 'иностранный язык', *shi**jie**yu* (мировой язык) 'эсперанто', *qiz**he**yu* 'флективный язык', *han**ye**yu* 'профессиональный язык'.

Итак, сложение моносиллабов – это грамматический прием, имеющий своим результатом в рассмотренном нами случае образование двух-, трех- и более сложных именных полисиллабов, характеризующихся свойством смысловой целостности, или лексичности. Лексичность полисиллаба как целого сопряжена с определенными особенностями его внутренней грамматической организации, сущность которых в конечном счете сводится к симбиозу словесности и морфемности в их собственно функциональном проявлении.

Лексикообразовательный процесс – это явление более широкого диапазона, чем собственно словообразование. Результирующая единица лексикообразования – феномен более широкого плана, чем собственно слово.

Определенные различия в характере соотношения собственно функциональных и субстанциональных факторов грамматической организации именованного полисиллаба приближают двухсложные и трехсложные полисиллабы к сложному слову, и многосложные – к лексическому словосочетанию. Однако эти различия не являются достаточно всеобъемлющими, чтобы служить основанием для строгого разделения класса именных полисиллабов на подклассы сложных слов и лексических словосочетаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- БКРС 1983–1984 – Большой китайско-русский словарь в 4-х томах М. 1983–1984
Блумфилд Л 1968 – Язык М. 1968
Быстров И С и др 1975 – Грамматика вьетнамского языка Л 1975
Володин А П, Храковский В С 1991 – Типология классификаций морфем // Морфема и проблемы типологии М, 1991
Горгониев Ю А, Плам Ю Я и др 1963 – Общие черты в строе тибетских и типологически близких к ним языков Юго-Восточной Азии (к проблеме моносиллабизма) // Языки Китая и Юго-Восточной Азии М, 1963
Драгунов А А 1962 – Грамматическая система современного китайского языка Л, 1962
Иванов А И, Поливанов Е Д 1930 – Грамматика современного китайского языка М, 1930
Исаенко Б С 1957 – Опыт китайско-русского фонетического словаря М, 1957
Карпатьянц А М 1982 – Слово и слогоморфема в современном китайском языке // Теоретические проблемы восточного языкознания Часть VI М, 1982
Касевич В Б 1983 – Фонологические проблемы общего и восточного языкознания М, 1983
Коротков Н Н 1960 – К проблеме морфологической характеристики современного китайского литературного языка // XXV Международный конгресс востоковедов М, 1960

⁷ Исключения из правила все же имеются. Так, Люй Шусян приводит примеры четырехсложных полисиллабов (*цзыдун буян* 'автоматическая винтовка', *цзыдун кунчи* 'автоматический контроль'), определяющий компонент которых (*цзыдун*), согласно его оценке, не способен к изолированному употреблению [Люй Шусян 1989: 134].

- Коротков Н Н* 1963 – Проблемы слова в китайском языке (О неоднородности словарного состава современного китайского языка) // Спорные вопросы грамматики китайского языка М , 1963
- Коротков Н Н* 1968 – Основные особенности морфологического строя китайского языка М , 1968
- Кубрякова Е С* 1991 – Понятие морфемы в современных грамматических исследованиях за рубежом // Морфема и проблемы типологии М., 1991
- ЛЭС – Энциклопедический словарь М , 1990
- Люй Шусян* 1959 – Вопрос о слове в китайском языке // ВЯ 1959 № 5
- Люй Шусян* 1989 – О "свободных" и "связанных" // Новое в зарубежной лингвистике М . 1989
- Ошанин И М* 1947 -- О частях речи в китайском языке // Труды ВИИЯ 1947 № 3
- Рчмянцева М В* 1988 – Синтаксические свойства двуслогов различной структуры в современном китайском языке Автореф дис канд филол наук М , 1988
- Семенов А Л* 1992 – Лексикология современного китайского языка М , 1992
- Солнцев В М* 1963 – К вопросу о приложимости общеграмматических терминов к анализу китайского языка // Морфологическая структура слова в языках различных типов М . Л , 1963
- Солнцев В М* 1970 – Морфема и слово // Языки Юго Восточной Азии М , 1970
- Солнцев В М* 1978 – Язык как системно структурное образование М 1978
- Солнцев В М* 1995 – Введение в теорию изолирующих языков М , 1995
- Солнцева Н В* 1985 – Проблемы типологии изолирующих языков М , 1985
- Фролова О П* 1981 – Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка Новосибирск, 1981
- Шутова Е И* 1984 – Вопросы теории синтаксиса М , 1984
- Шутова Е И* 1991 – Синтаксис современного китайского языка М , 1991
- Шутова Е И* 1994 – Проблема выделения слова в Китаеведении // ВЯ 1994 № 4
- Ding Shengshu deng* 1963 – Xiandai hanyu yufa jianghua (Лекции по грамматике современного китайского языка) Beijing, 1963
- Li Jinx* 1933 – Suoyu xinzhu wenfa (Новая грамматика национального языка) Beijing, 1933
- Liu Shuxin* 1990 – Fuhesl jiegou-de cihui shuxing (О лексикологическом характере структуры сложного слова) // Zhongguo yuwen 1990 № 4
- Lu Zhun ei deng* 1957 – Hanyu goucifa (Словообразование китайского языка) Kexue chubanshe 1957
- Lu Shuxiang* 1954 – Yufa xuexi (Введение в грамматику) Beijing, 1954
- Lu Shuxiang* 1979 – Hanyu yufa fenxi wenti (Проблемы грамматического анализа китайского языка) Beijing, 1979
- Zhang Zhigong* 1981 – Xiandai hanyu (Современный китайский язык) Zhong ce / Zhubian Zhang Zhigong Renmin jiaoyu chubanshe, 1981
- Zhao Yuanen* 1968 – Yuen Ren Chao A grammar of spoken Chinese Berkeley Los Angeles, 1968

© 1997 г. М.М. МАКОВСКИЙ

ЯЗЫК – МИФ – КУЛЬТУРА*

Символы жизни и жизнь символов

Посвящается светлой
памяти Никиты Ильича
Толстого

I

Язык и слово – апофеоз человеческой культуры – издревле привлекали к себе пристальное внимание людей: они пытались разобраться в его сущности, понять те скрытые механизмы, которые регулируют жизнь и смерть языка и отдельных слов. определенный выбор и распределение его элементов и особенно – разгадать основную "загадку" языка: на основании каких закономерностей данное слово (первоначально – сакральная формула, понятная лишь жрецам и "колдунам"), состоящее из определенного набора определенных звуков, расположенных в определенном соотношении друг к другу в пространстве, находящихся в определенном "соседстве" друг с другом, "пропускает" только определенный участок семантического спектра, т.е. именно данные, а не другие значения (а иногда только одно единственное значение), с другой стороны, почему те или иные значения могут "одухотворять" только данное, а не другое "тело" слова, т.е. фонетический комплекс определенной протяженности? На этот вопрос ответа нет и поныне.

Чем больше человек узнает о языке, чем больше замечательных открытий делают лингвисты, социологи, антропологи, этнографы, тем больше "путаются карты", тем больше, как это ни парадоксально, возникает новых сложнейших вопросов, а иногда и ставится под сомнение то, что до определенного времени считалось бесспорным.

В языке нет ничего прямолинейного, одномерного, раз и навсегда данного: язык – это и система и антисистема, это саморегулирующее, самопорождающее и самодостаточное явление, напоминающее генетический механизм в живой природе [Маковский 1992], но вместе с тем и социальное образование, отражающее быт и нравы его носителей на том или ином историческом отрезке их существования.

Главное же состоит в том, что "несет" в себе слово: соответствует ли то, что в нем "является", определенной внутренней, упрятанной от глаз сущности, что именно "является" в слове, а что не "является" или "является" частично? Можно ли считать слово "вещью в себе"? И на эти вопросы до сих пор нет никакого ответа

Как мы пытались показать ранее [Маковский 1992], наряду с "видимой" структурой слова (корень, суффикс, окончание, преформанты и детерминативы) существует и "невидимая" его структура, в большей мере определяющая механизм языка. в пределах слова можно различить э л е м е н т ы - б л о к а т о р ы (обереги), не допускающие появления каких-либо значений, кроме тех, которые оправданы его качественной и количественной структурой, т о т е м н ы е э л е м е н т ы, не несущие какой-либо особой функции, но необходимые для существования слова как целостного

* Статья опубликована при поддержке РГНФ (проект № 95-06-17068)

единства, табуирующие элементы, меняющие значение данного слова на противоположное, но не являющиеся этимологическими элементами слова (наряду с начальным отрицанием *ne-, se-, ve-* в индоевропейском используются и табуирующие звуковые элементы внутри слова *sr* и *-e* **l-ub-* "любовь", но др-исл *ubbi* "ненависть", т.е. образование без табуирующего элемента *l*) При этом указанные элементы мыслимы только при определенном положении в слове, имеющем определенное качественное и количественное строение, и могут выражаться не только одними и теми же, постоянными фонетическими единицами, но и различными *sr* и *-e* тотемические элементы" **el-* "гнуть", но также **k-el-*, **m-el-*, **p-el-*, **s-el-* "гнуть", ср также англ *land* "определенная протяженность земли", но арм *and* 'поле', англ *glad* 'довольный' < **ge-laed*, но алб *ande* 'удовольствие' В слове существуют и элементы *ка т а л и з а т о р ы*, которые, в отличие от элементов-блокаторов, способствуют увеличению жизненных потенций слова и времени его существования в языке Это напоминает жертвоприношение, в котором язычники усматривали элемент облегчения и экстаза, чувство покоя и тишины, созвучной шуму морской раковины, чувство обретения единого архаического тела, синхронизации ритмов Космоса Интересно, что строение сакрального кода во многом совпадает со строением кода генетического [Маковский 1992] Определенные качественные, количественные и позиционные (топологические) характеристики сочетания фонетических элементов в слове регулируют возможность или невозможность экстраполяции на данную фонетическую форму того или иного участка (или участков) семантического спектра, т.е. ряда явных или скрытых метафоров, возникших на основе первоначаний "разрывать-гнуть" и стремящихся в своем развитии к исходным первоначаниям (онтогенез повторяет филогенез, центробежные тенденции соседствуют с центростремительными) При этом отрезки семантического спектра, способные экстраполироваться на плоскость формальных вариантов, качественно и количественно могут не совпадать с отрезками формального уровня, соотносимыми с теми или иными отрезками семантической плоскости, хотя обе эти плоскости комплементарны по отношению друг к другу

Еще древние отмечали, что гласные – это женское начало, оплодотворяемое мужским началом – согласными, сочетание с которыми и образует мельчайшую клеточку языка – значение, воплощенное в форме Гласные являются своеобразным переключателем" слов на различные регистры, или измерения Закономерная вариация вокалического ряда в слове может выступать как в роли кодона, так и антикодона, влияющего на значение, форму (порядок, количество и качество фонетических элементов в слове), продолжительность "жизни" слова и его энергетическую потенцию Поскольку лингвистический код – двухмерен (кодон–антикодон), один и тот же элемент слова, как и ген в живой природе, может одновременно порождать и омонимы, и синонимы *sr* и *-e* **el-* 'гнуть', но и *-e* **pel* 'лить', 'прятать', 'продавать', 'жечь', "краска" < "гнуть" (относительно "синонимов", возникших из **el-*, см выше)

Вместе с тем развертывание вокалического ряда в пределах слова в ряде случаев могло выполнять чисто тотемическую функцию

sr другие примеры тох *A aun-* "резать, гнуть", но тш *l'auns* "плохой, злой" < гнуть', нем *Laune* "настроение, нрав" < "гнуть", русск *лоно* < 'гнуть', гот *ga-leiþan* 'ходить', но русск *идти*, др-англ *eode* "шел" (тотемическое *l*), др инд *ahi* "змея" (символ божества и неба), гот *aha* "разум" (Мировой Разум, т.е. божество, символ неба), но литовск *dangùs* "небо" (тотемическое *d-* *sr* и *-e* **ang-* "гнуть"), и *e* **dei* "дерево", но хет *aras* "дерево" (тотемическое *d-*) Тотемическую функцию могли выполнять и целые слова (в пределах слова они впоследствии превратились в суффиксы *sr* др-англ *husel* "жертвоприношение" < и *-e* **kes-*, **kus-* "разрывать" + суффикс *-lo* разрывание жертвы считалось магическим актом), чеш *kouzlo* 'волшебство' (и *-e* **ke-* 'разрывать' + суффикс *lo*), но тох *A lu* 'зверь' (тотем) В индоевро-

пейском существовало и тотемическое b^{-1} ср и -е **ei-* **eid-* "связывать", но нем *binden* "связывать", англ *bad* "плохой" (букв "связанный злыми чарами"), англ диал *bad* "одежда" ("то, во что заворачиваются"), и -е **bhaud-* "огонь" ("сгибающиеся языки пламени") Нет сомнения в том, что фонетические элементы слова в древности имели фоносемантическую нагрузку известны так называемые "сакральные" звуки (например, *u* [Havers 1947]) Тотемическое *l*, как мы уже говорили, может отражать тох *A lu* "зверь" (тотем) или др -инд *loka-* "Вселенная", тотемическое *d*, видимо, соотносится с и -е **dhes-* "священный" или **deu-* "производить сакральные действия", ср **dheu-* "впадать в экстаз" (ср также лат *deus* "бог"), тотемическое *b* скорее всего отражало и -е **bhag-* "делить, распределять" (ср русск *бог*) или **bheu* "быть" > "свет, слово", так называемое *s-* mobile соотносится, видимо, с др -инд *swa-* "бог" (ср хет *swai* "бог"), тотемическое *k* – с и -е **qabeiro* "бог", а тотемическое *p* – с и -е *pauson* "бог" Функции этих элементов, очевидно, были различны в зависимости от того, стояли ли они справа или слева от гласной в слове [Juret 1960, Воронин 1990, Алексахин 1990]

Необходимо иметь в виду, что в целом ряде случаев в одном слове может быть скрыта тайна другого слова или целой семьи слов, а в этих словах может быть скрыта тайна человеческого мышления или даже тайна человеческого бытия Буквенные формулы-слова, имевшие изначально сугубо сакральный характер и отражающие в своем строении все категории магической ментальности [Havers 1947], хранят в себе тайну человеческой духовности, сущность различных ступеней и форм духовной энергии, глубоко скрытой от взгляда поверхностного наблюдателя Такие формулы создавались в древности именно для того, чтобы скрывать истинные и наиболее глубокие смыслы, уводить в сторону от них, поскольку они считались священными всячески уберечь от взгляда "непосвященных" истинные пружины и мотивы эволюции человеческой культуры

Очевидно, следует вместе с В Н Топоровым [Топоров 1988 22] говорить о ритуальном происхождении языка, имея при этом в виду, что именно ритуал был тем исходным локусом, где происходило становление языка как знаковой системы, в которой предполагается связь означаемого с означающим, выраженная в звуках Ритуал – древнее языка, предшествует ему и во многих важных чертах предопределяет его Ритуальная деятельность явилась основой появления наглядно-образного типа мышления С точки зрения своего генезиса, появление ритуального типа деятельности связано с сакрализацией, т е с безусловной обязательностью выполнения тех или иных действий как неперенным условием передачи коллективного опыта группы Как отмечает В Н Топоров, с точки зрения мифопоэтического мировоззрения, существенно, релевантно лишь то, что сакрализовано, а сакрализовано лишь то, что составляет часть Космоса, выводимо из него, причастно к нему Только в сакрализованном мире известны правила его сакрализации, относящиеся к структуре пространства и времени Вне его – Хаос, царство случайностей Поэтому ограничения на язык накладываются не законом, но посредством необходимости Сфера ритуализи

¹ Явление табу проявляется и в значении отдельных слов и в использовании начальных табуирующих отрицаний в слове (неэтимологических) Согласно языческим представлениям подсматривание – это мотив обнаружения хтонической природы бога Соответственно запрет на подсматривание имеет своей целью предотвращение всяких контактов, которые ведут к проникновению в мироздание разрушительных хтонических стихий В этой связи интересно, что значение видеть, смотреть соотносится с понятиями позора, ненависти ср и -е **yeid-* 'видеть', но и -е **od* ненависть, ненавидеть слав **zieti* видеть, но русск *пре-зрение*, но *зор*, литовск *regėti* 'видеть', но нем *Rache* месть и е **derk* видеть но др -инд *droach* зло, ирл *droch* зло, гот *saihan* видеть но др англ *saci* грех авест *las* смотреть но валлийск *kas* "ненависть", латышск *skati* смотреть, но и е **kad* зло, валлийск *gwelod* видеть но брет *gwail* злой плохой, ново-ирл (*do-)* *chit* видеть, но тох *A lctm* плохой злой Ср также русск *видеть*, но русск *не на видеть* (отрицание *не* в этом слове обусловлено соображениями табу) ср также др -англ *widl* 'грязь, загрязнение', др -инд *etala-* черт демон

рованного поведения связана с регулирующей функцией семиотических систем. С другой стороны, потребность в сакрализации, обязательности, использовании проверенных коллективной практикой приемов деятельности вызывается элементарной потребностью свести к минимуму вариативность неудач. Однако в пределах развития человеческой цивилизации это возможно лишь путем перехода к моделированию определенных ситуаций, что закономерно дает результат в эволюции семиотической системы: внешняя сторона знака уже не может совпадать с самим предметом, отражая уже не схему действий с предметом, а схему действий с самим знаком. Происходит выход за пределы конкретных признаков конкретного предмета в их совокупности в конкретной ситуации (или совокупности однотипного класса ситуаций). Возникает надситуативный образ, или представление. Парадоксально, но именно сакрализация форм деятельности создает возможность для человека надситуативной свободы.

По-видимому, лишь в ходе постепенного развития в недрах ритуала формировался язык, перенимая функции, принадлежащие ранее иным системам. Однако нельзя сказать, что все возможности, предоставляемые данным типом мышления, обязательно реализуются (принцип избыточности) одновременно и в полной мере. Так, в ритуальной жизни бесписьменного общества еще нет места для категориальной внеконтекстной речи; она не становится здесь обособленной системой кодов, выйдя за рамки ситуативности. Однако для ритуальной деятельности характерен один весьма существенный признак: ритуальная деятельность обуславливается на уровне действий субъективным смыслом, абстрагированным от реальности конкретной топологии. Именно в этом заложен тот потенциал, который дает импульс развитию высокоорганизованных знаковых систем для хранения и передачи информации – языка в первую очередь. Дело в том, что сообщением в ритуале является сам ритуал и уже постолько его можно считать коммуникативным актом. Тем самым можно утверждать, что ритуал являлся и каналом трансляции культуры, и деятельностью, порождающей ментально-парадигматические связи. Ритуал ни в коем случае нельзя сводить к театральному действию, иллюстрирующему миф. Ритуал является объективно и субъективно практической деятельностью, опосредованной в системе кодов. Другое дело, что ритуал – это форма "превращенного сознания" (термин В. Зомбарта) и тем самым не в состоянии разграничить причинно-следственные связи, объективно существующие в мире, от порожденных неверно истолкованным опытом.

В рамках магического мышления язычники ассоциации образуются не на основе сравнения некоторых признаков или их пространственного соположения, а на основе принадлежности к тому или иному полюсу бинарной оппозиции (свой–чужой, верх–низ, левый–правый, внутренний–внешний, жизнь–смерть и др.). Мифологические образы при этом конструируются как пучки различительных признаков, как поливалентные символы, соотносимые с другими символами по-разному на разных уровнях. Из всего многообразия знаковых систем наилучшим образом соответствует этой потребности звуковой язык как адаптивная асимметричная семиотическая система, не требующая одно-однозначного соотношения с денотатом, которым в принципе является все, что может быть предметом возможного человеческого опыта, что содержится в поле структур, данных в опыте, и является почвой как для мыслительных и эмоциональных обобщений, так и для практической деятельности². Такого рода мышление не может

² Интересно, что именно в лоне магического мышления развились так называемые первоначения, облеченные в определенную первоформу "согласный + гласный" или "неслоговой гласный + гласный"), которые фактически явились предшественниками разветвленной лексико-семантической системы индоевропейских языков на более поздних этапах эволюции. Речь идет о первоначениях "разрывать; гнуть" (они легли в основу большинства метафоризированных значений в индоевропейском), которые в свою очередь неразрывно связаны с древним мифом о сотворении Вселенной (божество разорвало Хаос фаллосом в середине Мироздания). Показательно, что в древнейших индоевропейских языках преобладает *п о л и с е м а н т и ч е с к а я д и с т р и б у т и в н а я м о д е л ь* соотношения формы и содержания в слове, т.е. одна форма вмещает в себя несколько значений, нередко соотносимых между собой на основе

базироваться на понятии, поскольку не вычленяет общих и специфических признаков в объекте и между объектами. Однако обобщение не обязательно связано с абстрагированием: оно может осуществляться посредством образа, в условиях, когда нет необходимости в выработке иерархии связей. При этом одно и то же высказывание может быть выражено в виде различных тропов данного семантического ряда или пучка, а различные высказывания могут быть соответственно выражены через один и тот же троп. Раз эмоции принципиально невозможно передать в абстрактных по своей сути понятиях, то на долю мифопоэтического творчества остается передавать обобщения ассоциативно через отдельное, которое не есть единичное, а есть образ с неограниченным числом возможных эмоциональных и познавательных ассоциаций. Вся жизнь древнего человека пронизана символикой: он живет, мыслит символами, воспринимает окружающий мир как совокупность символов. В то же время и сама символика не является пассивной: она изменяется приспособляясь к постоянно изменяющейся ментальности общества, переосмысливается, живет и развивается вместе с обществом.

Основной, или космогонический ритуал имеет своей главной целью возобновление истощенных энергий, которое достигается через возвращение к первоначальному состоянию (Хаосу, тьме, воде, бесформенному). Но само "бесформенное" перезаряжает бытие, обеспечивая дальнейшее формовозобновляющее и формообразующее движение. Достигая своей конечной точки, полюса максимальной оформленности, "совершенства", в котором космогонический процесс затухает, а бытие более не имеет необходимого энергетического резерва для дальнейшего роста, оно в силу объективной необходимости должно вернуться к противоположному полюсу "максимальной бесформенности".

Учитывая тот факт, что первоначения в индоевропейском известны ("разрывать", "гнуть": см. [Маковский 1996]) и что все дальнейшие значения являются лишь метафорами от первоначальных (последние неразрывно связаны между собой), можно утверждать, что количество качественно и количественно определенных метафорических переходов первоначения, способных экстраполироваться на качественно и количественно определенную форму (или несколькими формами), является с е м а н тической валентностью данной формы, а количество качественно и количественно определенных форм, способных "притягивать к себе" те или иные участки метафорического спектра первоначений, можно называть ф о р м а л ь н о й в а л е н т н о с т ь ю с о о т в е т с т в у ю щ и х з н а ч е н и й. Специфичность и количество значений, проявляющихся в форме, зависит от качественных и количественных особенностей формы, а специфичность и количество форм, способных "воспринять" те или иные метафорические варианты первоначений, зависят от особенностей (качественных и количественных, а также топологических) определенных отрезков метафорической цепи. В дальнейшем, уже внутри слова, могут произойти различного рода реактивные процессы: наложение нескольких значений друг на друга и становление нового значения (подобно тому, как наложение друг на друга нескольких различных цветов приводит к возникновению нового цвета), "растворение" значения в форме или формы в значении – изменение значения под влиянием формы или изменение формы под влиянием значения и др.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть некоторые слова современного английского языка (особенно такие, которые не имеют никакой этимологии или этимология которых спорна) сквозь призму человеческой культуры. Мы стараемся вскрыть символические связи рассматриваемых понятий и "скрытые" механизмы их взаимодействия, проследить историю соответствующих понятий сквозь призму судеб, интересов, нравов, обычаев, верований и способов мышления людей на протяжении

мифопоэтических представлений. В дальнейшем в индоевропейских языках произошло селективное перераспределение соотношения формы и значения: возникло несколько дистрибутивных моделей, неодинаковых в отдельных языках с точки зрения избирательности (ср. [Маковский 1996. статья "Узел"]).

веков и тем самым по возможности глубже проникнуть в изнанку" семантической канвы слова Вместе с тем мы пытались понять особенности развития лингвокультурных символов и их преломление в отдельных словах английского языка [Маковский 1996, Hughes 1991, Hawkes 1972, Pictet 1877, Quanter 1925, Sadovszky 1995, Walker 1983, Zischka 1977]

II

Je naher man ein Wort ansieht
desto ferner sieht es zuruck

K Kraus

BAD "плохой" Соотносится с и-е корнем **bhendh-* связывать (ср нем *binden*, англ *bind*) в смысле "связывать чарами, заколдовать, навлечь порчу" С другой стороны, следует учитывать и е корень **bhā-* "говорить" > "навлечь несчастье словами" > "проклинать" > "навлечь болезнь заговором, словесным волшебством" Значение "говорить" соотносится со значением "гнуть" (см подробно об этом [Маковский 1996])

Однако значение "гнуть" соотносится и со значением огонь Огонь, как и другой первоэлемент Вселенной – вода – мог выступать не только как спасительное или очищающее начало, но и как губительное, всеуничтожающее начало Ср в этой связи русск *беда*, литовск *bėdas* "голод", хет *had* "смерть", но и-е **bhed* "огонь" значение "огонь" нередко переходит в значение 'холод' (энантиосемия), а это послед нее может давать значение "отвратительный, плохой" ср типологически и-е **kei-* 'гореть', но также "мерзнуть", с другой стороны, ср ирл *doid* "зажигать огонь", англ сленг *dude* "огонь", русск *стыдуть*, но русск *стыд*, ср и-е **bhed-* "огонь", но лат *foedus* "гадкий", русск *мерзнуть*, но русск *мерзкий* Интересно, что значения "говорить" и "гореть" соотносятся между собой [во время сакрального ритуала язычников неизменно было сочетание костра и громких заклинаний – слово считалось символом творящего божества ср типологические и-е **rek-* "говорить", но **iek-* "огонь" (лат *logus* "огонь")]

Важно также и то обстоятельство, что, согласно представлениям древних, Вселенная расположена в центре Мироздания и со всех сторон окружена Хаосом, являющимся символом Зла В этой связи необходимо принять во внимание индоарийск *badhate* "перемещать вовне, на периферию" Ср также англ диал *bad* "скорлупа ореха", англ диал *bad* "оболочка, одежда", хет *bad* "стена"³

Наконец, следует принять во внимание и др-инд *bhadra* "благословенный, благостный", англ *better* "лучше", нем диал *batten* "преуспевать" В английском языке представлен семантический вариант указанного корня, возникший в результате поляризации значений, что, как показывает материал многих языков, типично для слов со значением "плохой–хороший" Типологически ср др-в-нем *sluht* "правильный, хороший, удобный", но нем *schlecht* "плохой", укр *худоба* 'бедность', но *худоба* богатство", англ *deft* 'ловкий', но англ *daft* безумный

BARE "голый"

Слова со значением "голый, пустой" соотносятся со значением "издавать звуки, говорить" (нагота в древности была символом святости, божественная святость же была непосредственно связана с Первопричиной божественного творения – Словом) ср англ *bare* "голый, пустой", но и-е **bhei* "говорить" (ср также и-е **bhei-*

³ Типологически ср и-е **ar* связывать (< гнуть ломать разрывать) но и е **ar* внешний (ср тш *arcs* внешний)

гореть'. звук соотносился язычниками со светом), к тому же корню относятся англ диал *hoz* "тупой, притуплять" ("религиозный экстаз"), др-англ *basu* 'красный' (красный цвет символизировал жизненные силы, молодость, бессмертие), русск *босый*

Подобным же образом немецкое слово *ledig* "пустой" соотносится с англ диал *leed* 'язык' (ср др-англ *līð* "яблочное вино" – сакральное возлияние), др-англ *ǣ-metig* (совр англ *empty*) "пустой, праздный" соотносится с русск диал *mat* "слово", хет *amati* "слово" (ср также литовск *matyti* "видеть" < "светить, гореть") русск *пустой* связано с греч *φῶς* "звук", "свет", нем *ode* "пустой, пустынный" соотносится с греч *ὄδος* "песня", русск *голый* соотносится с и-е **ghel-*, **kel-* "издавать звуки", но также с и-е **ghur-*, **kel-* "гореть, светить", лат *vacuus* "пустой" соотносится с и-е **uak-* "издавать звуки", др-инд *rikta-* "пустой" но и-е **iek-* "издавать звуки", лат *ignis* "костер, огонь"

Согласно мифопоэтической традиции отверстие (бездна, дверь, окно, сосуд, череп) имеет двойственную символику с одной стороны, это место, откуда все исходит, а с другой, – место, куда все возвращается. Это и творящее, деятельное начало, вечность и бесконечность, Мировой разум, но также и путь в потусторонний мир, дверь между различными мирами, дверь между неизвестным и известным, между видимым и невидимым, между светом и тьмой, между жизнью и смертью. Ср в этой связи др-англ *gad* "пустота, зияние", но литовск *zādis* "слово" (ср чеш *had* 'змея – символ Вселенной), русск *череп*, но прусск *geibin* "число", (символ Вселенной), др-инд *kr̥p̥ih* "дерево" (Мировое дерево – символ Вселенной), кельт **kr̥ab-* религия, набожность нем *Schadel* "череп", но тох *A laç* "число", авест *gāru-* "Вселенная" (ср выше др-англ *gad* "пустота"), нем *Loch* "дыра", но др-инд *loka-* "Вселенная", греч *σπηλαιον* "бездна, пещера", но и-е **peɪ-* "чудо" (ср арм *hrašk* "чудо"), ирл *spein* "небо", др-инд *karta-* "яма, бездна", но и-е **keɪd-* "середина", 'гармония, порядок', др-англ *heifan* "половые органы" (Первотворение как фаллические действия Божества), прусск *keidan* 'время', лат *specus* "пещера" но литовск *spėks* "(магическая) сила"

ВЕ "быть"

Понятие бытия, согласно языческим представлениям, связано с тем, что Божество рассекло (ср и-е **bhei-* "бить, рассекать") Хаос (ср и-е **bhē-* 'внешний, находящийся на периферии') своим половым органом (ср др-инд *bhu* вступать в почовые связи") С другой стороны, бытие связано с понятием "тянуться вверх, иметь вертикальное положение" (значение "вертикальный" обозначало все священное и божественное), а отсюда 'столб' > "половой член" ср арм *hu* столб палка (< **bhu ɪo*) и-е **bhu-* "тянуться вверх, раздуваться"⁴ Подобным же образом и тох *A tal* быть соотносится с и-е **(s)tha-* "стоять", а англ *ate*, швед *at* "есть, имеется" – с и-е **ei* **ɥei-* "стремиться вверх", ср также осет *soetun* жить, быть, но и е **lei* "стремиться вверх" Ср гот *bā* "оба, два" < разорванный пополам'

Значение 'бить', с которым непосредственно связано значение рассматриваемого слова, соотносится со значением "мыть, очищать, производить сакральное омовение" ср англ *ate*, швед *at* "есть, имеется", но хет *an-* "мыть", тох *A tal* "быть", но гот *þwahan* "мыть", англ *weie* "были", нем *wai* "был", но литовск *švairūs* "чистый"

Значение "быть" может также быть связанным со значением 'есть', "питаться" > "вводить божество в себя, приобщаться к божеству", ср и е **ues-* 'быть' (др-англ *wesan* "быть"), но и-е **ues* "есть, питаться", и-е **bhu-*, **bhe-* "быть", но греч *φαγεῖν* "есть, питаться" (и-е **bha-g*)⁵

⁴ Ср также с детерминативом и е **bhai-* **bhei* Hervorstehendes

⁵ Относительно перехода значения быть > рожать/производить на свет ср др-англ *wean* быть но осет *woes* женщина

Понятие бытия соотносится с первотворениями Божества – огнем и словом ср и -е **bhā*- "гореть" и и -е **bhā*- "издавать звуки" [значение "быть" связано не только со значением 'издавать звуки', но и с противоположным значением – 'молчать' ср тох А *tak* "быть", но гот *ṛahan* "молчать", и -е **men*- 'оставаться быть' (ср тох А В *mask*- 'быть'), но индоарийск *tonna*- 'silent']

Понятие "быть" связано, кроме того, с понятием "брать" > 'зачинать' ср и -е **bhū*-, **bhe*- "быть", но и -е **bhei*- 'брать', и -е **uei*- / **ues*- 'быть', но и -е **uei* 'брать', тох А *tak* "быть", но англ *take* "брать"

Наконец, значение "быть" может соотноситься со значением 'душа' > 'тень' ср лиговск *ra-veiz* "тень", но др -англ *wezan* "быть", и -е **uei*- / **ues*- 'быть', но авест *shvan* 'дух', и -е **men*- 'оставаться, быть', но авест *manvi*- 'дух'

Значение 'быть, бытие' связано и с противоположным значением – 'умереть' ср и -е **ues*- / **uei*- 'быть', но тох А *wal* 'умереть' гох А *tak* 'быть' но др -англ *diegan* "умереть", ирл *maim* 'быть, жить', но и -е **mei* "умереть" и -е **bhū*-, **bhē* 'быть', но др -сев *ban* "смерть"

Значение "быть" может коррелировать со значением "правильный, истинный" (< "сущий") ср и -е **uer*- / **ues*- 'быть', но лат *verus* "правильный, истинный", гол *sinja* "истина", др -инд *satya* "истинный" восходят к и -е **ev*- "быть, существовать" тох А *tak* "быть" но литовск *tikas* "истинный"

Корень **bhū*- "быть" (англ *be* "быть") соотносится с лат *fulvus* "улей" < "бездна полость" (типологически ср русск *улей*, но лат *alvus* "полость брюхо"), а также с лат *facere* "делать" (типологически ср и -е **uei*- / **ues*- "быть", но и -е **uei*- "делать совершать", осет *coeryl* "жить, быть", но и -е **uei* 'делаг')

Все первоэлементы Вселенной (вода, огонь, гора, камень, ветер) фактически означают "сущий", т.е. обозначаются так же, как и Божество ср греч *ὄντες* 'сущий', но лтш *ūdens* "вода", и -е **ond* "огонь, душа", и -е **ond*- "камень, гора", англ *wind* "ветер" [и -е **uend*- "ломать, гнуть" > "выгибать" [верх (как огонь, волна или гора) или низ (как Бездна)]

С другой стороны, понятие всего сущего связано с понятием разрыва ср нем *Dezen* "меч", др сев, *dqkl* "бездна", но тох А *tak* 'быть существовать' и -е **kel* "рассекать", но хет *kiša* "быть, существовать", др -англ *mete* "меч", но тох А *mask*- < **mek*- "быть, существовать", ср гох А *musk* "исчезнуть" (единство бытия и небытия ср тох А *tik* "сила"), и -е **kel*- "рассекать", но арм *linm* "быть, становиться" < **klina-m*

ВЕЕ "пчела".

Пчела отождествлялась в древности со словом (первотворение божества) и с огнем (с душой) В связи с этим др -англ *beo* "пчела" можно соотнести с и -е **bha*- "говорить, слово", а с другой стороны, с и -е **bha* 'гореть, огонь'. Пчела также символизировала Бездну, которая соответствует диаде начала и конца, жизни и смерти (ср гот *bā* "оба"), ср арм *havry* "бездна" К тому же корню огноится и и -е **bhu* "быть, существовать" Вариантом и -е **bhā*- является и -е **ab*- **eb*- **ob*- ср в связи с этим англ диал *oobit* "a long-haired caterpillar", лат *apis* 'пчела', но с другой стороны, тох А *orvac* "разум" (пчела – символ Божественного Разума) а также др -сакс *veho* "разум" (с отрицанием *ve*-, употребленным из соображений табу)

Подобным же образом перс *eng* "пчела" соотносится с арм *oqi* 'душа' и и -е **og* 'огонь', а также с и -е **ag*- "говорить, слово", а русск *пчела* – с др -англ *fæssa* 'дух, привидение' < и -е **pek*- "гореть" и др -англ *praesan* "говорить", валл *gwepunen* 'пчела', но и -е **uuen*- "песня", и -е **sun*- "гореть" и др -англ *menan* 'думать (Мировой разум) К рассматриваемому здесь корню (**bha* > **abh*-) относится и лат *abies* 'ель' – "Мировое древо" как символ божественного бытия Названия насекомых (символы жизни и постоянного перевоплощения душ) нередко соотносятся со словами

имеющими значение "женщина" ср лат *culex* "насекомое, мошка", но тох *A kul* "женщина", др -англ *wibbel* "жук", но др -англ *wip* "женщина" В этой связи становится понятным соотношение русских слов *бабочка* и *баба* "женщина"

BOY мальчик Как известно, в древности мальчик-первенец нередко приносился в жертву богам его обычно сжигали на костре В связи с этим следует принять во внимание и -е корень **bhā-*, **bhoi-* "гореть". Ср типологические параллели. лат *filium* "сын", но др -англ *bel* "огонь", лат *puer* "мальчик", но нем *Feuer* "огонь", др -сев *diengi* "мальчик, юноша", но греч φλόκη "пламя", ирл *mac* "мальчик", но кельтск **meg-* "огонь", др.-сев *pilti* "мальчик", но и -е **pel-* "гореть, жечь"⁶ Поскольку мальчика, приносимого в жертву богам, предварительно связывали целесообразно принять во внимание и лат *boia* "оковы"

BUG "жук, насекомое"

Насекомые считались вместилищем души, тотемами, ср англ *spook* "дух". хет *ruk* "ненавидеть" < "возмущение души", убийство насекомого приносило проклятие ср англ *bug* "насекомое, жук", но нем диал *buggeien* "проклинать" С другой стороны, насекомые отождествлялись с божеством ср англ *bug* "жук", но русск *бог*, типологически ср перс *diwak* "жук", но лат *deus* "бог" (речь могла идти и о женских божествах ср др -англ *wibbel* "насекомое, жук", но нем. *Weib* "женщина")⁷ Насекомое – предмет почитания (ср англ *bug*, но тох *A ruk* - "верить") Душа в древности уподоблялась огню ср англ *bug*, но и -е **bhok* "огонь" и нем диал *Bugei* "мальчик" (язычники в качестве жертвоприношения бросали в огонь сына-первенца) В качестве божества насекомое уподоблялось Звуку (ср англ *speak*, др -англ *spēcan* "говорить") Ср также литовск *haugùs* "angstlich, furchtsam" (боязнь божества)

Съедание пищи в древности считалось равносильным слиянию с божеством ср арм *hjis* "пища" Насекомое уподоблялось творящей божественной деснице (ср индоарийск **bukka-* "hand with fingers extended to hold grain") и Бездне (символу единства жизни и смерти, вселенских начала и конца, т е Божеству) ср др -инд *bhukah* "Loch, Offnung"

Интересно, что слова со значением "середина, половина" соотносимые со значением "Мироздание, божественное место во Вселенной", могут соотноситься также со значением "насекомое" ср англ *bug*, но прусск *raggan* "половина", типологически ср русск *пол*, *половина*, но лат *pulex* "блоха", др -англ *healf* "половина", но русск *клоп*, и -е **kerd-* "половина", но литовск *kučiųs* "насекомое, муха, муравей", латышск *pus* "половина", но англ диал *pus* (*mu'e*) "муравей", др -англ *midd* "середина", но англ *moth* "могилек"

В древности покойников сжигали, а прах рассеивали по воздуху считалось, что таким образом умерший как бы сливался с Божеством (с божественными первоэлементами – огнем, водой и воздухом) В связи с этим следует принять во внимание др -инд *bukā* "прах, порошок", "благовоние" (отметим, что запах считался "мостом в небо" евреи считали, что запах жертвоприношений щекошет ноздри Иеговы, кроме того, запах выступал в роли оберега от злых сил)

Поклонению божеству (оно, как мы видели, часто уподоблялось насекомому как носителю духа, души) сопровождалось религиозным экстазом, потерей чувств.

⁶ Ср также др -русск *от рок* 'мальчик', но лат *ignis* 'костер огонь' Значение "огонь" могло соотноситься еще со значением 'говорить издавать звуки' ср и -е **tek* 'говорить' типологически ср и -е **gei* 'говорить' но хет *zuis* 'жертвоприношение' Ср англ *boy* 'мальчик' и алб *buq* 'шум, крик' Следует также сопоставить и -е **bhū* 'создавать, рождать существовать'

⁷ Относительно перехода значения насекомого > божество ср следующие семасиологические параллели др -русск *лоумиръ* 'языческий божок' но русск *ломар* нем *Käfer* 'жук' но др -русск *капъ* 'изваяние, идол', карпск *mas* 'бог' но литовск *masalus* 'конская муха'

отупением (ср литовск *bukùs* "stumpf", алб. *beh* "surprise") и фаллическими действиями (ср др -сев *byggja* "heigaten", индо-арийск *bhòga* "enjoyment")

К рассматриваемому корню относится лат *fungus* 'гриб' согласно мифопоэтической традиции, насекомые часто превращаются в грибы

К тому же корню относится и др -англ *boc*, англ *book* "книга" (первоначально "гаинство" < "гнуть, сгибать", ср русск *бок* значение "гнуть" могло переходить в значение "чудо, загадка, нечто непонятное", типологически ср англ *side* "бок", но др -сев *seið* "колдовство")

Можно полагать, что англ *bug* "насекомое, жук" соотносится с и -е **bhū-(g)* "быть, существовать" (жук как божество "сущий" – наиболее распространенный эпитет божества)

CLEAN "чистый"

По поверьям язычников, фаллические действия имитируют творческие действия Божества и приносят очищение от скверны (подобно тому как творческие действия Божества привели к очищению от Хаоса) В связи с этим многие слова с фаллическим значением могут иметь значение "чистый, очищенный" ср англ диал *clean* "плацента, детское место", русск *член* "penis", но англ *clean* "чистый", типологически ср др -англ *teors* "penis", но литовск *tyras* "чистый", осет *waryn* "родить", но литовск *svarùs* "чистый", и.-е **kud-* "vulva" (лат *cunnius* "vulva" < **kud-nos*), но др -инд *çuddha-* "чистый", др -сев *ætt* "род" (< **æhtuz*), но нем *echt* 'чистый, неподдельный', и -е **moud-* "половые органы", но и -е **smoidos* "pure" (Mann, s v), ст -слав *исто*, др -сев *eisto* "мужское яичко", но русск *истинный*⁸

Значение "(духовно) чистый" непосредственно связано со значением "бытие" (букв "приобщенный к божеству") ср англ *clean* "чистый", но арм *linim* "быть, становиться" < **khi-na-mi* Очевидно, можно сопоставить и гот *Þwahan* "мыть" и тох. А *tak* "быть, существовать", русск *чистый*, но хет *kīša-* "быть, существовать", литовск *mazgoti* "мыть", но тох. А *mask-* "быть, существовать", др -сев *vaska* 'мыть', но др -в -нем *wesan* "мыть", литовск. *svaiùs* 'чистый', но нем *wai* 'был' (форма от глагола "быть")

Процесс зарождения жизни осмыслялся язычниками как очищение, как чудесное божественное и неотвратимое превращение. ср англ *clean* "чистый", но тох. А *klin* "долженствовать, происходить с неотвратимостью" Очищение от скверны нередко производилось путем прикосновения (ср др -англ *hūnan* нем диал *reinen* "прикаса́ться"), а также перепрыгиванием через костер (ср и -е англ *kiln* "печь", и -е **kel-* "жечь") или умыванием кровью (ср др -англ *heol-fi* "кровь") или возлиянием (др -инд *hala-* "вино", нем диал *Rein* "кубок"), а также священнодействием с числами (ср др -инд. *kala-* "число", но и "судьба"), путем съедания священной пищи, приносимой в жертву божеству (ср болг. *храна* "пища") Язычники верили, что все эти действия приведут к тому, что их желания сбудутся (ср др -сев *hina* "сбыться") Очищение рассматривалось как оберег от злых сил (ср др -сев *hauin* "щит") Своеобразным очищением считалась смерть, т е путешествие в лодке (ср русск *челн*) в загробный мир, проходя при этом через несколько "дверей" (ср норв *gaale* "ворота", тох. А *kal-* "conduit"). За смертью неизбежно наступала жизнь, т е состояние, очищенное от скверны (ср др -сев *harna* "recover, convalesce")⁹

Человек, очистившийся от скверны, приобщался к Божеству, т е к Вечности (ср греч *χρονός* "время, вечность") Очиститься можно было не только огнем (ср выше),

⁸ Отметим с другой стороны, что очищение с целью заклятия злых духов производилось при рождении ребенка

⁹ Ср противоположные значения этого корня лтш *keiņēt* be ailing, др сев *hrun* collapse др инд *kinah* 'paralysed

но и водой (ср литовск *kuinis* "болото, сырое место"), а также громким произнесением заклинаний (ср др -сев *hina* 'издавать звуки', лтш *kiunēt* "роптать") Очищение осуществлялось также принесением жертвы [ср хет *karnasi(ya)* 'алтарь'] Божеству [божество нередко понималось как дерево, 'упирающееся в небо (ср др -англ *hinn* "толстый ствол дерева"), как гигантское животное (ср др -англ *hian* "кит"), как гора (ср др -сев *hian* 'груда камней) или как Мировой разум (ср греч φρονεῖν 'думать')]

Наконец, очищение осуществлялось путем прикосновения к зубам, которые считались символом сверхъестественной силы, способной уберечь от действия злых сил (ср и -е **keino* 'dens molaris') Очищение знаменовало вселенский порядок, гармонию, единство космогонических начала и конца (ср авест *karana-* конец)

Очищение – символ божественного знания ср англ *clean* "чистый", но лат *serno* "созерцать", типологически ср русск *чистый* но др -инд *ṣisti* "мудрость"

СОМВ "гребень"

Гребень символизирует плодородие (фаллическое значение), воду, влагу и огонь, лучи солнца, а также звук, музыку (вселенский порядок) Гребень – неизменный атрибут Венеры, сирен и русалок, колдунов и ведьм (символ колдовства – черной и белой магии) В связи с этим гребень может символизировать узел (связи чарами) Ср англ *comb* "гребень", но сербско-хорв *kob* "судьба", ст слав *кобъ* "предчувствие, предзнаменование", англ диал *hub* 'a secret signal or hint', *hob* 'a sprite', *to hub* "to blame or hold guilty", арм *լեւմ ւեւել* (аорист) < **skubh-* 'bully, molest', литовск *geibeti* 'находиться в обморочном состоянии, в агонии', *geibti* 'чахнуть, хиреть' С другой стороны ср русск диал *кобец* 'сокол', англ *cob* 'чайка' (гадание по птичьему полету) Ср также тох А *a-kappi* 'evil', и -е **kob-* "knot, joint" (Манн, s v), англ диал *cob* "queen" ("относящийся к периферии, к Хаосу")

В связи с тем что понятие огня часто соотносится с понятием куча, гора" (типологически ср лат *collis* 'гора', но и -е **kel-* 'гореть', алб *mal* "гора", но и е **mei-* "гореть" русск *гора* но русск *гореть*), можно полагать, что рассматриваемое слово соотносится с и -е **kobh* 'куча, гора' > "огонь", букв "обжигающий, доставляющий боль (ср арм *Հայ* 'rain, sorrow', *Հայտ* 'rain, regret', литовск *skobas* 'sour') Вместе с тем рассматриваемый корень может обозначать и воду ср англ диал *coble* "пруд, водоем"¹⁰

В связи с тем, что лошадь и собака считались язычниками символами огня Преисподней, вполне возможно, что к рассматриваемому корню относятся такие слова, как русск *кобыла* и русск *кобель* Ср литовск *kėbū* 'gebraten werden, gebacken werden'

Относительно фаллического значения изучаемого корня ср англ диал *cohs testiculi* "индо-арийск *kumbha-* 'harlot', др -инд *gabhá* "vulva" алб *komb* "нация народ" (типологически ср лат *pecten* 'гребень' и "vulva")¹¹

¹⁰ Подобным же образом русск *гребень* но и е **klep* 'мокрые' англ диал *lash* 'гребень' но англ *lake* 'озеро' < **le(ɣ)l*

¹¹ Символика гребня как фаллического начала совпадала с символикой гриба ср русск *гребень* но русск *гриб* лтш *grībūt* 'хотеть желать' др англ *huf* Bauch Unterleib Genitalien с другой стороны ср лтш *šūbū* 'пьяный заторможенный' чеш *houba* 'гриб' и женские половые органы следует сопоставить с англ *comb* 'гребень' др инд *kankata* 'гребень' соотносится с лат *fungus* 'гриб' и и -е **lukos* 'vulva' англ диал *lash* 'гребень' < **le(ɣ)l* соотносится с др англ *laŋi* 'гриб' и среч *λεγκωσ* 'coire'

Интересно что слова со значением 'хотеть' часто соотносятся со значением 'число' (букв 'ворожить' т.е. выражать злое или доброе желание по числам) Ср и е **sel* 'хотеть' но хет *šmaz* 'первый' и е **ucl* 'хотеть' но дат *tol val* 'восемьдесят' русск *хотеть* но тох А *kaç* 'число'

(с английским словом *comb* 'гребень' > женский половой орган соотносится и польск *kobieta* 'женщина' второй элемент этого слова, если он не является суффиксом, может соотноситься с др англ *idz* 'женщина' (парное слово))

Колдовство, по поверьям древних, означало нарушение единства начала и конца (черная магия) или, наоборот, восстановление этого единства (белая магия). Вполне понятно поэтому соотношение рассматриваемого нами корня со словами, обозначающими все греховное и злое, но и, наоборот, со словами, обозначающими порядок, гармонию: ср. др.-инд. *śubhaḥ* "beautiful", ирл. *cuibhe* "seemly", хет. *supas* "чистый, святой". Понятно и соотношение изучаемого английского слова *comb* со значением "начинать, начало" или "кончать, конец", а также со словами, обозначающими числа (ворожба и гадание по числам): ср. алб. *hap* "начинать", *hapje* "начало", а также алб. *habi* "чудо", "удивление". Типологически ср.: и.-е. **sek-* "шесть", но лтш. *sakt* "начинать" [слова, обозначающие числа, могут соотноситься со значением "влага": вода как первоэлемент Вселенной, ср. англ. *soak* "пропитывать влагой"; и.-е. *ok-tu* "восемь", но и.-е. **ak-*, **ok-* "вода" (лат. *aqua* "вода"): прусск. *gerbin* "число", но и.-е. **k'lep-* "мокрый"; лат. (*n*)*umeros* "число", но и.-е. *imeo* "мокрый"; арм. *tek* "один", но русск. *мокрый*]. В этой связи англ. *comb* "гребень" можно сопоставить с и.-е. *sep-tem* "семь".

Колдовство было связано также с нарушением связи диады бытия и небытия: ср. гот. *skapjan* "творить, создавать", др.-сев. *skapinn* "penis", но с другой стороны, литовск. *šampri, šapti* "vanish".

Неизменным атрибутом колдуна был не только гребень, но хвост рыбы: ср. англ. диал. *soh* "a soal-fish". Типологически ср.: лат. *pecten* "гребень", но др.-англ. *facg* "камбала"¹².

Гребень мог служить и в качестве берега: ср. др.-инд. *gorayati, kopayati* "hütet, schützt", литовск. *gaubti* "überdecken, einhüllen".

Интересно с англ. *comb* "гребень" сопоставить и лат. *cubo* "лежать": по поверьям древних, горизонтальное положение, в отличие от вертикального, символизировало все греховное, злое.

Как уже говорилось понятие гребня могло соотноситься с понятием звука: ср. англ. *comb* "гребень", но англ. *soh* "рыдать". В других индоевропейских языках слова со значением "гребень" имеют подобные же мифопоэтические коннотации. Ср. арм. *sanr* "гребень", но тох. А *san* "враг".

FARM "ферма".

Важно принять во внимание, что др.-англ. *feormian* засвидетельствовано в значении "удалить, убрать, снять, смыть" > "очистить, очиститься (духовно)". Духовное очищение происходило обычно в храме, который представлял собой ограниченное пространство, отведенное общению с божеством (ср. тох. В *prum* "tenir dans les bornes, sauvegarder"). Можно полагать в связи с этим, что англ. *farm* первоначально означало "храм, священное место, отграниченное от остального мира". В свою очередь значение "духовно очищенный, святой" непосредственно связано со значением "ровный, некривой": в этом плане др.-англ. *feorm* "чистый" соотносится с русск. *прямой* (ср. типологически: тох. А *karme* "истинный", т.е. "лишенный скверны, избавленный от скверны, очищенный" и русск. *храм*, а с другой стороны, тох. А *karmet* "dirigé vers, tout droit"). Жертвы, приносимые в храме, обычно съедались: отсюда значение др.-англ. *feorm* "сакральная трапеза" (вполне возможна связь русск. *храм* и русск. *корм*).

Типологически ср.: гот. *hrains* "чистый", но англ. *shrine* "святыня; рака"; др.-сев. *vaska* "мыть", но др.-сев. *vē* "храм" (ср. гот. *weihs* "святой")¹³. Др.-англ. *feormian* можно

¹² Ср. также: ст.-слав. *чесало* "гребень", но нем. диал. *Giesen* "рыба" (ср. др.-инд. *ghosa-* "sound, noise": значение "гребень" соотносится со значением "звук").

¹³ Ср. также: лат. *februum* "Reinigung", но лат. *templum* "храм", нидерл. *dweenen* "dote on, idolize" (ср. др.-инд. *stupa-* "храм"); греч. *καθαρὸς* "чистый", но тох. А *ker(c)iyi* "palais" < "enclos".

соотнести с сербско-хорв. *prati* "мыть, стирать" – нем. *fromm* "набожный" – и.е. **per-* "чудо".

Латинское слово *pecten* "гребень" соотносится с латышск. *spēks* "(сверхъестественная) сила", с др.-англ. *fāesse* "привидение", с хет. *ruk* "ненависть". Ст.-слав. *чесало* "гребень" соотносится с польск. *gusla* "колдовство", русск. *число* (ворожба по числам). Русское слово *гребень* можно сопоставить с прусск. *gerbin* "число"; кельтск. *krah* "религия", прусск. *gerbi* "издавать звуки".

Литовское слово *žukos* "гребень" соотносится с хет. *henkan* "смерть" тох. А *suk* "счастье" > "судьба", а также с и.-с. *kukos* "vulva". К тому же корню относится и русск. *скука* (первоначально "завороженное состояние"), а также литовск. *keikti* "проклинать, клясть", русск. *сучить*; кроме того, следует учесть хет. *huek* "святой, чистый" (белая магия). Ср. также арм. *žunc* "дух, дыхание".

Санскритское слово *kankata-* "гребень" соотносится с лат. *cunctare* "остановиться, застыть от чар". Ср. также тох. А *kāc* "кожа" (гребень как оберег), тох. А *kaç* "число" (ворожба на числах), тох. А *kaci* "причина, первопричина". Интересно тох. В *kenek* "саван"¹⁴ (типологически ср. русск. *гребень*, но русск. *по-гребать*); ср. тох. А *kuñac* "luite, combat". С другой стороны, ср. фаллическое значение: тох. В *cañke* "giron".

В английских диалектах представлено слово *lash* "гребень" < **le(s)k-*. Ср. др.-инд. *lakṣma* "mark, sign"; др.-инд. *raghaḥ* "Ärger, Böses"; *raksas* "injury"; "demon"; литовск. *reiksti* "offenbaren, verkünden"; *ragana* "Hexe"; тох. А *lakle* "douleur, chagrin"; *lāk* "voig" > "колдовать".

FLESH "плоть"; "мясо".

Плоть – олицетворение всего неустойчивого, преходящего, бренного¹⁵. В этой связи следует учесть др.-англ. *flicce* (варианты *flæcce* и *flæsc*) "плоть", с одной стороны, и англ. *fickle* "неустойчивый, непостоянный" – с другой; др.-англ. *lira* "плоть", но нем. *verlieren* "терять". Ср. типологические параллели: лат. *musculus* "мускул, плоть", но тох. А *musk-* "исчезать"; др.-англ. *doc* "мускул, плоть", но англ. диал., англ. сленг *duck* "ничто". Плоть – символ всего злого, нечистого, опасного: ср. др.-англ. *rāge* "мускул, плоть", но др.-инд. *raghaḥ* "Ärger, Böses"; гот. *bi-reikei* "опасность"; лат. *caro* "плоть", но англ. диал. *car* "левый"; "зловещий"; ирл. *cearr* "несчастный", нем. диал. *vercharren* "портить" (возможно, что к тому же корню относится и русское слово *грех* с повторением начальной гласной в конце слова); тох. А *pusäk* "мускул, плоть", но нем. *höse* "злой, плохой"; швед. *kött* "плоть, мясо", но др.-англ. *codu* "болезнь"; греч. *σαρξ* "плоть", но тох. *sark* "болезнь"; лтш. *gaļa* "мясо, плоть", но и.-е. **gal-* "evil, harm" (Манн: 387); нем. *Wade* "икра ноги, плоть", но др.-инд. *vadhá-* "смерть".

С другой стороны, плоть – это своеобразная маска, облекающая дух¹⁶ (в частности, облекающая Слово, т.е. божественное первотворение): например, Иисус Христос – это божественное Слово, явившееся во плоти. Ср. в этой связи: др.-англ. *flicce*, *flæcce* "плоть"; но тох. А *plāc* "слово"; др.-англ. *rāge* "мускул, плоть", но тох. А *rake* "слово". Интересно сопоставить: англ. *hock* "сухожилие", литовск. *kenklė* "соединительное сухожилие колена", лат. *coxa* "бедро, ляжка, плоть", но литовск. *kaukė* "маска". Ср. далее: англ. *calf* "икра ноги, плоть", норв. *kropp* "туша", но арм. *krep* "маска" (ср., с другой стороны, англ. *calf* "икра ноги", норв. *kropp* "туша", но тох. А *klop* "боль, страдание").

¹⁴ Значение "саван" может означать "оберег".

¹⁵ Ср. также: русск. *плоть*, но и.-е. **pel-* "гореть"; др.-англ. *doc* "мускул, плоть", но и.-е. **dheg-* "гореть"; русск. *тело*, но русск. *тлеть*; др.-англ. *rāge* "мускул, плоть", но лат. *rogus* "костер"; др.-англ. *lip* "тело, плоть", но латышск. *līpt* "гореть"; латышск. *gaļa* "мясо, плоть", но русск. *зола*.

¹⁶ Типологически ср.: тох. А *pusäk* "мускул, плоть", но и.-е. **pauson* "бог, божество"; гот. *nimz* "плоть, мясо", но карийск. *mas* "бог"; лат. *sura-* "мягкая часть ноги", но др.-инд. *sura-* "бог".

Различные предметы и живые существа могут принимать различную плоть это относится прежде всего к тотемам Человек может принимать "плоть" дерева, дерево может принимать "плоть" камня, а этот последний "плоть" человека Ср в связи с этим греч σαρξ "плоть", но тох. В *sarwece "forme d'existence", тох В sarwana "visage" Ср также ирл *feoil* "плоть", но литовск *uola* "камень" и литовск *vele* "дух, привидение", др-англ *doc* "мускул, плоть", но алб *dukh* "явление, появление" [ср тох А *tak* "форма существования"] Латинское слово *persona* "маска" (возможно, из этрусского) соотносится с и-е *pel- "плоть" + англ *sinew* "жила, плоть" (ср с этим последним и-е *sen- "figure, image, phenomenon")¹⁷, лат *caro* "плоть", но тох В *kai-* 'быть похожим на кого-л.' К тому же корню, видимо, относится и тох А *kāite* 'истинный' (ср русск *храм* именно в языческих храмах обычно предавались плотским удовольствиям, следует учесть, что в древности сексуальное уравнивалось с сакральным ср и-е *isto "половые органы", но русск *истина*, др-англ *teois* "половой член", но лтш *tiesā* "правда, истина", литовск *tylas* "чистый", лат *verus* 'истинный', но *veretium* "половой орган", лат *veri* "дротик, палка") С и-е *pel 'плоть' следует также сопоставить тох А *raipe* "внешний" (о плоти) > ("тленный плохой, злой")

Характерной особенностью плоти является непостоянство, смена состояний ср др-англ *doc* "плоть, мускул", но и-е *do(s)k-, *to(s)k- нем *tauschen* "менять", лат *caro* "плоть", но и-е *ker "менять, обменивать", и-е *pel- "плоть", но и-е *pel "менять, обменивать", гот *timz* "плоть, мясо", но и-е *men- "менять"

Отметим также, что маска (в том числе и маска, представленная плотью лица и других частей тела) может служить средством колдовства ср тох А *pusak* "плоть, мускул", но валлийск *pisoc* "колдовство", валлийск *cig* "плоть", бретонск *kig* "плоть", но нем *Hexe* "ведьма", ново-перс *gušt* "мясо, плоть", но польск *gusla* "колдовство" (элемент *lo* в польск слове – суффикс), др-англ *iæge* "плоть, мускул", но литовск *ragana* "ведьма", нем *Wade* "икра ноги, плоть", но русск *ведьма*, лат *caro* "мясо плоть", но русск *чары*, литовск *keiai* "чары"

Понятие плоти связывалось язычниками с понятием тьмы (в диаде "тьма–свет") ср др-англ *iæge* "мускул, плоть" но гот *iqis* "тьма" (ср литовск *iėgeti* "видеть" < "светить"), швед *kott* "мясо, плоть", но греч σκotos "тьма", др-англ *doc* "мускул, плоть", но нем *dunkel* "темный",

Плоть человека и животных часто служила предметом жертвоприношения ср др-англ *flaesc* "плоть", но др.-в.-нем *fiscung* "жертвоприношение", др-англ *iæge* "плоть, мускул", но др.-англ *lac* "жертвоприношение", др-англ *doc* "плоть, мускул", но и-е *dhugh- "жертвоприношение", бретонск *kig* "плоть", но хет *hugais* "жертвенный", швед *kott* "мясо, плоть", но др.-инд *hotar* "жертвоприношение", ново-перс *gušt* "мясо, плоть", но др-англ *husel* "жертвоприношение"

FOX "лиса"

Лиса, согласно древним мифопоэтическим представлениям, считалась не только тотемом, но и воплощением души умерших, и нередко сопровождала души умерших в загробный мир Ср в этой связи англ *fox* "лиса", но англ *spook*, нем *Spuk* "дух, привидение", греч ψυχή "душа" Кроме того, лиса часто выступала в роли оборотня она превращалась в мужчину или женщину, а иногда и в дерево Ср англ *fox* "лиса", но и-е *pu (k) "человек, мужчина"¹⁸, швед *rige* "девочка, девушка", индо-арийск *punga* "мальчик", а также "девочка" С другой стороны, ср англ *fox* "лиса", но и-е *preuk- "хвойное дерево" (превращение в дерево) Типологически ср русск *лиса*, но

¹⁷ Ср также др англ *doc* мускул, плоть но тох А *tsek* plastic figure

¹⁸ Ср лат *puer* 'мальчик' англ сленг *punk* человек, последний элемент в греч ἀνθρωπος лат *pu* bel др-инд *pu* man

русск *лес*, а также лат *лес* "вещь" (тотем), англ *lass* "девушка" Ср в этой связи англ *fox* и исл *foggu* "Sachen"

Лиса у многих народов считалась колдуньей ср англ *speak* "говорить" > "колдовать, заговаривать" Ср также русск *пугать*¹⁹

Лиса – символ сексуальности во всех мифопоэтических традициях ср индо-арийск **rusca* "vulva", индо-арийск *phuha* "wantonness", индо-арийск *ruscha-* "the hinder part", англ *fuck* "coire" Ср также индо-арийск *pōsa-* "бездна"

Согласно мифопоэтическим представлениям, лиса обладала способностью исчезать и быть невидимой, ср лат *species* "form, likeness, vision"²⁰ Индоевропейский корень **ruk-* означает "гнуть, выгибать" > "колдовать" ср русск *вы-пук-лый* типологически ср др -сев *seīðr* "узел" (то, что согнуто) и др -сев *seīð* "колдовство", норв *vikja* "tuff away" – "conjure"

Интересно также латышск *ruke* "цветок в мифопоэтической традиции цветок символизировал душу и выступал в качестве тотема – вместилища души (ср подобную же символику лисы, а также ее способность превращаться в дерево и в растение), а также воплощал огонь (ср нем *Funke* "искра") В свою очередь понятие огня соотносится с понятием целостности (ср хет *panku* "весь") и имеет фаллическую значимость

У некоторых народов лиса является объектом почитания и воплощает божество ср др -инд *ruja-* "почитать божество, поклоняться божеству", тох А *ruk-* "stone, avoig confidence, se confier à, attendre"²¹ Символика лисы совпадает также с символикой Мировой змеи (ср и-е **reug-* "змея" нем диал *Piek* "змея, червь") Ср также др -англ *feoh* "скот" (корова – небожитель, символ божества)

В ряде мифопоэтических традиций лиса соотносится с понятием мести (ср хет *ruk* "ненависть") В качестве символа божества лиса может, как и змея, олицетворять космогоническую диаду "начала–конца" ср нем *An-fang* "начало"

Рассматриваемый корень (англ *fox*) соотносится со словами, имеющими значение быстрого движения (исл *ffuka* "schnell fahren"), а это значение обычно соотносится со значением колдовства, злых чар, движения огня и вод ср нем *feucht* "сырой" (**reuk-ta*) и нем *Funke* "искра" Значение "огонь" в свою очередь соотносится со значением "душа", местопребыванием души считалась гора ср польск *o-poka* "скала, утес" Наконец, рассматриваемый корень соотносится и со значением цвета, а это значение часто переходило в значение "колдовство" ср русск *пунцовый* и англ *fox* (типологически ср англ диал *tivei* "краска", но нем *Zauber* "колдовство")

HARE 'заяц'

Заяц и кролик считались в древности символами (детьми, братьями, сестрами) Луны ср в этой связи др -инд *śaśm-* 'луна', но др -инд *śaśa* 'заяц' Ср и -е **ker-* "гореть, светить" Как и луна, заяц мог быть символом смерти (хет *henkan* "смерть") и колдовства (ср арм *kač* 'колдовство, волшебство')²² Именно поэтому у многих народов зайца не разрешается убивать или применять его мясо в пищу (ср и -е **kenk* 'zogeru', хет *kars-* "cease")

¹⁹ Ср литовск *spėks* (сверхъестественная) сила Относительно перехода значения говорить > колдовать ср и е **yal-* **cek* говорить, но норв *vikja* колдовство

²⁰ Ср также англ *fog* туман

Значение туман, слепота исчезновение из поля зрения соотносится со значением быстрого движения (ср *ffuka* быстро двигаться) типологически ср лат *aquilo* северный ветер но литовск *āklas* 'слепой греч *κακίας* северный ветер" но лат *caecus* 'слепой"

²¹ Ср также символику числа 'пять' (и е **penk*) божество – олицетворение вселенской гармонии С другой стороны ср англ *panz* 'боль' (символ религиозного экстаза)

²² Олицетворением колдовства считалась трава (ср тох А *śāka* съедобная трава)

В мифопоэтической традиции заяц олицетворяет хитрость, сноровку: ср. др.-инд. *kuhakuḥ* "Schelm, Gaukler".

С другой стороны, заяц – божество или посланник божества, который вечно возобновляет, воскрешает то, что было разрушено вселенскими катаклизмами, заяц – символ жизни (ср. осет. *coeryn* "жить"). В этой связи следует сопоставить хет. *karimnas* (gen), *karimni* (dat.) "бог, божество"²³.

Вместе с тем заяц как символ вечного движения во Вселенной, как символ вечной смены и замены (ср. хет. *kassas* "substitute") может быть сопоставлен с бездной (ср. греч. *χρηδός* "дыра", арм. *xor* "пропасть, ров"). Как символ первопричины Вселенной и людского рода др.-инд. *ṣaṣa-* "заяц" соотносится с тох. *A kacī* "первопричина", а также с тох. *A kāk-mart* "majesté, domination", др.-инд. *kācate* "apparātre, briller, luire".

Заяц – олицетворение оберега (ср. тох. *kāc* "кожа", хет. *kariya-* "cover"), олицетворение божества, постоянно прислушивающегося к молитвам людей (ср. хет. *kari* "concession, yielding"). Именно заяц вносит порядок, гармонию во Вселенную (ср. тох. *B kar-* "rassembler", *on-kor* "ensemble")²⁴.

Заяц – символ плодovitости и плодородия (ср. др.-англ. *higan*, нем. диал. *heyen* "coire"; и.-е. **lak-*, **kuk-* "gebären"). Однако слова со значением "родить", "половые органы" нередко выступают со значением "правда" (ср. хет. *karsis* "true, certain", *karsaz* "truth"). Типологически ср.: лат. *testiculus* "мужское яичко", но латышск. *tiesā* "правда" + литовск. *tikras* "верный, правильный, истинный"; др.-сев. *serða* "coire", но лат. *certus* "true, sure"; ст.-слав. *исто* "мужское яичко", но русск. *истинный*.

Заяц – символ связи всех трех миров (верхнего, среднего и нижнего), которая олицетворяется волосом (ср. тох. *A ṣāku* "cheveux"). Понятие зайца соотносится еще с понятием серого цвета, серой краски. В мифопоэтической традиции серый цвет – символ воскрешения из мертвых, символ Вселенского Бессознательного (ср. франц. *gris* "серый", но франц. *se griser* "à moitié ivre, dans l'état de l'obscurcissement, de la demi-conscience"). Человек идентифицировался с серым цветом как с исконным цветом Вселенной (младенец живет в сером цвете). Серый – цвет траура (древние евреи покрывали себя пеплом как выражение траура). Однако смерть – лишь одна из сторон в диаде "смерть–жизнь". Именно эту диаду и символизирует заяц (ср. др.-англ. *hasu* "серый", а с другой стороны, др.-инд. *śāsti* "спать, находиться в экстазе"). Будучи тотемом, вместилищем душ (ср. латышск. *gars* "душа"), заяц (англ. *hare*) олицетворяет единство вселенских начала и конца: ср. авест. *kar-ana* "конец", ср. латышск. *sākt* "начинать" (типологически ср. англ. *rabbit* "кролик", но др.-инд. *a-rabh-* "начинать": бесприставочный глагол в древне-индийском означает "схватить, зачать"). Ср. также: греч. *κόνικλος* "кролик", англ. *coney*, нем. *Kaninchen* "кролик" < и.-е. **kon-* "начало" и "конец".

С другой стороны, заяц – символ вселенского Бессознательного: ср. лат. *lepus* "заяц" и то хет. *alpant-* "swooned", литовск. *leipas* "Ohnmacht, Schwachenfall".

Вместе с тем заяц – фаллический символ: ср. лат. *lepus* "заяц", но литовск. *lėpše* "weibliche Scham", *lopšna* "schwanger"; лат. *libido* "страстное желание".

Заяц, как уже говорилось, выступает как оберег: ср. лат. *lepus* "заяц", но др.-в.-нем. *liben, lippen* "schonen, schützen".

Заяц – тотем, вместилище души (ср. латышск. *elpt* "дышать", душа по древним поверьям находилась в горе: ср. ирл. *sliab* "гора"). Кроме того, заяц – символ бо-

²³ Ср. также иранск. **saš-*, **soš-* "дышать; дух".

²⁴ Являясь символом Вселенной, заяц соотносится с божественным первотворением – Словом: ср. др.-инд. *gṛh* "Wort; Ruf, Lob"; *kakuḥ* "Wechsel der Stimme". Интересны так называемые "танцы зайцев", которые в древности истолковывались как сакральные, тем более что они обычно проходили при лунном свете: ср. в этой связи англ. *hare* "заяц" и алб. *lercej* "танцевать", ср. также лат. *lepus* "заяц", но и.-е. **reb-* "танец".

жества: ср. литовск. *lepns* "гордый, величавый". В связи с этим интересно сопоставить также др.-в.-нем *gi-libida* "vow"; валлийск. *llwf* "oath".

Английское слово *rabbit* "кролик" (как и лат. *lepus* "заяц") можно сопоставить с др.-инд. *rabhaḥ* "Gewalt"; др.-инд. *rēbhati* "singt, preist; strahlt, glänzt"; др.-инд. *rupat* "Farbe, Form; Schönheit"; *rapati* "hilft"; др.-в.-нем. *riha* "Hure" (фаллическая символика кролика); нем. диал. *Repel* "шест" (кролик как божество, олицетворяемое шестом-фаллосом); и.-е. **reb-* "сакральный танец, сакральная игра" (ср. англ. диал. *rib* "шутка").

Символика зайца как божества отражена в тох. А *kāsu* "хороший, благоприятный" (ср. нем. *Hase* "заяц"). Отметим, что экстаз – символ восхождения на небо: ср. литовск. *lipti* "steigen"²⁵.

Английское слово *rabbit* "кролик", лат. *lepus* "заяц" также связаны с понятием светила – луны: ср. латышск. *lipt* "гореть" (из соображений табу этот корень иногда подвергался метатезе: тох. А *pāllent* "луна", ср. и.-е. **pel-* "гореть") Отметим, что луна – символ несчастья, смерти²⁵: ср. чеш. диал. *labavy* "плохой"; "пустой"; русск. диал. *либивый* "невзрачный"; литовск. *liebas* "hager, dünn". греч. *λύβη* "проклятие: вред". С другой стороны, заяц (кролик) – символ вселенского порядка, гармонии (ср. литовск. *liepti* "apordnen"; тох. А *rape* "порядок, гармония, музыка" и англ. *rabbit*). Ср. хет *alpa* "облако" < "небо, божество"²⁶.

BULL "бык".

Бык символизирует Вселенную, микро- и макромир (ср. индо-арийск. *bhūl* "бытие", тох. А *pal* "природа", а также алб. *hurrē* "человек" – символ микромира в антропоморфной модели Вселенной), единение неба и земли, верха и низа, начала и конца (ср. швед. *börja* "начинать"). Принесение быка в жертву выражало проникновение мужского элемента в женский, огненного (лучи Солнца – источник и причина плодородия) во влажное; бык символизирует Солнце и Луну, оплодотворяющее Небо (ср. ирл. *spēir* "небо"); лат. *sper-ma* "семя", индо-арийск. *buli* "vulva", литовск. *bulis* "Hinterer". С другой стороны, ср. нем. диал. *Böli* "костер, огонь"²⁷. Символика быка во многом совпадала с символикой рыбы: ср. др.-англ. *bul, bol* (название рыбы). Бык – тотем и олицетворяет самоотречение и целомудрие: ср. индо-арийск. *bhūlo* "simple, frank, honest"; **bholuo* "swear, bless"; др.-англ. *būl(a)* "Schmuck" (символ порядка, гармонии, сцепления), ср. др.-англ. *bōl* "Halskette"). Первопричина Вселенной – Слово олицетворяется быком: ср. индо-арийск. **bol-* "speak".

Бык – связующее звено между небом и землей, между посюсторонним и потусторонним мирами. Поскольку в древности покойники сжигались и их прах вместе с огнем уносился в небо, понятие праха непосредственно символизирует потусторонний мир, связь земли и неба (приносимый в жертву бык также сжигался). Интересно в связи с этим сопоставить англ. *bull* "бык", но индо-арийск. **būra-* "прах" (ср. подобное же развитие: лат. *taurus* "бык", но тох. А *taur, tor* "прах").

Бык – предмет ритуального поклонения, неизбежно связанного с религиозным экстазом: ср. индо-арийск. **bhull-* "to be led astray, be bewildered, to forget"; *bhola* "enchanted"²⁸.

²⁵ Символом зайца как божества является шест, кол, олицетворяющий Божественный Фаллос (язычники поклонялись столбам); ср. др.-англ. *sest*, нем. диал. *Chuechlein* "Stock, Klotz" Интересно учесть англ. *cake* "пирог" – символ надгробного холма (сгибание, выгибание – магический символ): диада "жизнь – смерть").

²⁶ Экстаз — символ восхождения на небо ср. литовск. *lipti* "steigen": **lep-* > **rep-* > нем. *Treppe* "лестница" (лат. *lepus* "заяц").

²⁷ Ср. индо-арийск. *bhōla* "daybreak, dawn".

²⁸ Сакральная и фаллическая символика быка отразилась на латинском наименовании гриба, который имеет ту же символику: ср. лат. *boletus* "гриб".

Следует учесть также хет. *puris* "a vessel into which one pours libations" (бычья кровь служила предметом ритуального возлияния); англ. *hawl* "чаша"; англ. диал. *boll* "to pour out". Ср. далее др.-сев. *bulr* "Baumstamm", хет. *pulpuli* "дерево" (Мировое дерево, лестница в небо). С другой стороны, ср. исл. *bjórr* "Brettergiebel".

Ср. также: исл. *bjorr* "кожа" (оберет), швед. диал. *bjor* "сильный" (ср. нем. диал. *Bure* "покрывало").

Интересны англ. диал. *boll* "an object of fear, a goblin" (бык как божество); и.-е. **bhel*, **bhol-*, **bhul-*/**bhev-*, **bhur-* "приносить в жертву" (ср. др.-инд. *balih* "жертвоприношение").

Возможно, к рассматриваемому корню относятся нем. *Spiel* "ритуальная игра"; англ. *spell* "чары".

Согласно представлениям древних, понятие быка соотносилось с понятием луны, а с другой стороны, с понятием змеи и земноводных вообще. В этой связи английское слово *ox* "бык" можно сопоставить с ирл. *esce*, *easca* "луна". Вместе с тем следует учесть англ. диал. *esk* "ящерица" (> "змея"). Подобным же образом англ. *bull* "бык" соотносится, с одной стороны, с тох. *A pällent* "(новая) луна", а с другой — с др.-англ. *bul* "рыба" (> "змея"); ср. также латышск. *būrt* "колдовать"²⁹, а др.-инд. *maha* "бык" соотносится с авест. *mah* "луна" и перс. *mahi* "рыба" (> "змея"). Ср. также русск. *вол*, но хет. *wallas* "звезда"; др.-корнийск. *odion* "бык", но др.-инд. *udu* "звезда". В греческом слове *σελήνη* "луна" элемент *σε-* представляет собой отрицание, употребленное из соображений табу, а оставшийся корень *-lena* соотносится с ирл. *rē* "луна" + суффикс *-na* (ср. хет. *ar-ma* "луна"): ср. брет. *aer* "змея". Ср. далее осет. *gal* "бык", но ново-ирл. *gealach* "луна" (также "свет"); англ. диал. *stirk* "бык", но др.-сев. *tuggl* "луна": **(s)tulk-* > **(s)turk-*. Интересно сопоставить др.-в.-нем. *ur*, др.-англ. *ur*, др.-сканд. *ur*, *uri* "бык" (ср. нем. *Auer-ochs*), а также тох. *A lu* "животное" с лат. *luna* "луна" (ср. тох. *A lu* + суффикс *na-*); ср. еще др.-корнийск. *odion* "бык", но оскск. *ediduis* "моон", др.-инд. *udu* "звезда" (типологически ср. др.-англ. *tungol* "звезда", но др.-сев. *tungl* "луна")³⁰.

Различные парнокопытные животные, как и луна, почитались как божество: ср. лат. *arius* "овен", но хет. *ar-ma* "луна", и.-е. **ar-* "почитать, поклоняться"; хет. *henē* "луна", и.-е. **kenm(d)-* "олень", но тох. *A kanm-* "совершать сакральную игру, действие"; др.-инд. *gāhi* "корова" (также "змея"), но и.-е. **ag-*, **jag-* "почитать, поклоняться"; осет. *gal* "бык", но др.-англ. *hālig* "святой"; литовск. *bandà* "скот", но др.-англ. *gebiddan* "почитать, поклоняться"; др.-англ. *fearr* "бык", но англ. *fear* "бояться" (> "почитать, поклоняться"); и.-е. **mel-* "скот", но литовск. *melsti* "молиться", также "почитать, поклоняться"; англ. *stirk*, *sterk* "бык", но русск. *српач* (почитание, поклонение); др.-англ. *hriðer* "скот", но др.-сев. *hraeða* "наводит страх", *hraeðla* "страх"; гот. *ogān* "бояться" (> "почитать, поклоняться"), но англ. *ox* "бык" (ср. др.-инд. *gāhi* "корова"), ср. также др.-англ. *ascian* "просить, молить"; арм. *vax* "страх, боязнь Бога", но лат. *vacca* "корова".

Английское слово *ox* "бык" соотносится с лтш. *aukšt* "ввысь", индо-арийск. *ukas-* "большой, тянущийся к небу, сильный". С другой стороны, важно принять во внимание лат. *vox* "голос, заклинание" (слово как первопричина Вселенной). Следует иметь в виду, что в древности глаз, как и бык, олицетворял Солнце и Луну (соответственно

²⁹ Ср. с другой огласовкой — др.-инд. *balin* "бык".

³⁰ Ср. также: и.-е. **k'enn(d)-* "stag", но алб. *hënë* "луна". Ср., однако, индо-арийск. *gōnā* "бык". Слова со значением "бык" часто соотносятся со словами, имеющими значение "мочь": ср. др.-инд. *maha* "бык", но и.-е. **mag-* "мочь"; осет. *gal* "бык", но и.-е. **gal-* "мочь"; и.-е. **k'enn(d)-* "олень", но англ. *can* "мочь".

Интересно соотношение значения "бык" и значения "небо": ср. исл. *hoefir* "бык-производитель", но др.-англ. *heofon* "небо" (ср. осет. *koef* "рыба"), др.-англ. *fearr* "бык", но ирл. *spèir* "небо"; др.-англ. *ur* др.-сев. *uri* "бык", но греч. *οὐρανός* "небо". Ср. также англ. *rani* "баран", но хет. *arma* "луна".

свет, огонь, божественную силу, плодородие, знание). В этой связи следует принять во внимание лат. *oculus*, русск. *око*. С другой стороны, необходимо учесть ирл. *og*, др.-англ. *oeg* "яйцо": яйцо уравнивалось с быком как первопричина всего сущего (в этом плане интересно указать на осет. *ox* "причина", литовск. *ogùs* ("сверхъестественная сила")³¹).

По своей мифопоэтической значимости бык уподоблялся змею: ср. тох. А *aik* "змея"³². Ср. также. греч. αἴϋη "ослепительный свет", и тох. А *okám* В *auki* "осторожность, благоразумие, житейская мудрость" ("Мировой Разум"), индо-арийск. *uha-* "consideration"; *uhati* "suppose".

Вместе с тем важно учесть арм. *ogi* "душа": ср. в индоевропейском название числительного "восемь" – **ok-tu* "первый элемент соответствует англ. *ox* "бык", а второй – и.-е. **tu(r)* – лат. *taurus* "бык". Число "восемь" – символ космического равновесия, вечности, микро- и макрокосма, олицетворяемых Божественным Духом. Ср. в связи с этим также фаллическое значение быка: англ. *ox* "бык", но швед. *önska* "желать".

Бык считался воплощением духовной чистоты. Важно иметь в виду, что понятие "чистый" может соотноситься с понятием "бросать": типологически ср. нем. *werfen* "бросать", но хет. *warg-* "совершать ритуальное омовение". В связи с этим англ. *ox* "бык" следует сопоставить, с одной стороны, с индоарийск. *ōkk-* "бросать, выбрасывать", а с другой с и.-е. **uks-* "мочить, мыть".

Бык и корова, считавшиеся "священными" животными, символизировали бессмертие. Многие слова со значением "старый" (> "вечный, бессмертный") соотносятся со словами, имеющими значение "бык" или "корова", "скот". Ср. нем. *alt* "старый" (> "бессмертный"), но хет. *alas* "the guardian bull" (ср. русск. диал. *алынья* "корова"); др.-сев. *gammal* "старый", но осет. *gal* "бык" + др.-сев. *mali* "скот"; тох. А *tok* "старый" (ср. тох. А *tuk* "сила"), но др.-инд. *maha* "бык"; авест. *hana-* "старый", но алб. *hene* "луна" (бык – символ луны); ср. лат. *sen-ex* "старый"³³, где второй элемент *-ex* соотносится с англ. *ox* "бык"; относительно первой части латинского слова ср. чеш. *žan* "дракон": по своей символической змея уравнивалась с быком; ср. далее лат. *vetus* "старый", но лат. *vitulus* "теленоч"; др.-англ. *fearr* "бык", но гот. *fairneis* "старый"; лат. *taurus* "бык", но русск. *старый*.

Понятие быка могло соотноситься, с одной стороны, с понятием огня, а с другой – с понятием числа: ср. хет. *uktari* "место разведения священного огня", но русск. *ог-онь* (и.-е. **ueg-* "гореть") + лат. *torrere* "сушить на огне", но также и.-е. **kuetyor-* "четыре" (ср. англ. *ox* "бык" + лат. *taurus* "бык"); типологически ср.: арм. *cul* "бык", но и.-е. **kel-* "гореть" и др.-инд. *kala-* "число"; и.-е. **teg-* "гореть" – англ. *stag* "олень" – нем. диал. *Stieg* "двадцать"; и.-е. **uel-/uer-* "гореть", но русск. *вол* и дат. *val, ol* "восемьдесят"; осет. *žag* "олень", но лат. *singulus* "один", нем. *sengen* "жечь, палить"; др.-англ. *fearr*

³¹ Следует учитывать, что слова со значением "причина" часто соотносятся со значением "наказание, скорбь, боль". В этой связи показательно исконно осетинское слово *ox* "скорбь, траур". Ср. далее: др.-сев. *ogn* "Schrecken", *ugla* "das Gesicht verdrehen", *yger* "furchtbar, verdächtig", хет. *ug* "смерть".

Понятие причины, первопричины может быть связано с понятием слова (божественного первотворения), а также с понятием скота (скот считался небожителем и приравнивался к божествам): ср. литовск. *žodis* "слово", но тох. А *kaci* "причина, первопричина" и русск. *скот*; ср. также: и.-е. **arsien-* "молодой бычок", но алб. *arsye* "причина" (ср. и.-е. **ar-, *er-* "говорить"), интересны формы с *s-mobile*: латышск. *s-akti* "начинать, зачинать" и др.-в.-нем. *s-acha* "причина", а также тох. А *s-uk* "счастье" (< "порядок, гармония").

³² Животные, способные "сбрасывать кожу", остаются "голыми", считались святыми. Это особенно относится к змее, которая по своей символической приравнивается к быку (ср. англ. диал. *aunch* "голый, пустой, порожний").

³³ Вполне возможно, что корень лат. *senex* совпадает с англ. *ox* "бык", но латинское слово имеет два отрицания (*se-* и *ne-*), употребленные из соображений табу

"бык", но и.-е. *pel "жечь" (ср. тох. А. *pallent* "луна"), а также русск. *пара* "два", валлийск. *eidion* "бык", но др.-англ. *ad* "огонь, костер", а также и.-е. *and- "один".

Интересно, что хет. *uktari*, наряду со значением "место разведения священного огня", означает "вечный, постоянный". Типологически ср.: валлийск. *eidion* "бык", др.-англ. *ād* "огонь, костер", но пали *addha(n)* "время, вечность" и.-е. *uel-/*uel- "гореть, жечь", но и.-е. *uer-men, русск. *время*, др.-сев. ирл. *uiri* "бык". Вместе с тем слова со значением "бык" и "баран" могут соотноситься со значением "очищенный" (огнем при жертвоприношении): ср. русск. *вол*, но литовск. *svarūs* "чистый", лат. *arius* "баран", но хет. *arr-* "мыть"; ирл. *ferb* "скот", но хет. *warp-* "мыть" (ср. хет. *warpallis* "сильный").

SLEEP "сон".

По поверьям древних, во время сна происходит отделение души от тела. В связи с этим английское слово *sleep* "спать; сон" можно сопоставить с англ. диал. *lib*, нем. диал. *lürpen* "отделять, отрезать". Типологически ср.: др.-англ. *mætan* "спать", но гот. *maitan* "отделять, отрезать"; англ. *snooze* "спать", но греч. *υισσω* "бить"; русск. диал. *кунеть* "засыпать", арм. *kun* "сон" соотносятся с др.-англ. *cinan* "резать, отделять"; греч. *καρώ* "заснуть", но и.-е. *ker- "отрезать, отделять"; др.-инд. *sas-*, *sāsti*, авест. *hahmi*, хет. *šēš* (*šaššai*) "спать", но др.-инд. *sāsti* "отрезать, отделять"; ср. франц. арг. *en écraser* "спать" (букв. "раздавить"), др.-англ. *sluma* "сон", но русск. *ломать*; др.-инд. *drāti* "спать" – русск. *драть*. Спящий человек считался замороженным. Словом ср. греч. *εἶδω* "спать", др.-англ. *swoðrian* "крепко спать", но др.-англ. *woð* "звук, голос, песня"; тох. В *sänmetse* "находящийся во сне, в трансе, в экстазе", но гот. *sigggwan* "петь": др.-англ. *dréam* "песня", но англ. *dream* "сон" (ср. чеш. *dremlit* "рвать, срывать").

В древности считалось, что во время сна (как и в том случае, когда человеком овладевает печаль или страстное желание), жизненно важные органы "уменьшаются", выделяя при этом жидкость. Сознание человека, ясное понимание окружающего мира, по древним представлениям, зависело от "сухости" вдыхаемого воздуха. Вот почему животные, которые вдыхают воздух "из земли" и едят более влажную пищу, отличаются меньшим интеллектом, чем человек. Ср. в связи с этим: др.-англ. *mætan* "спать", но лат. *mado* "быть мокрым, мочить"; и.-е. *suep- "сон", "спать", но тох. А *wip-* "влага, вода" (возможно сюда же хет. *suppas* "чистый": очищение соками организма, выделяемыми во сне); др.-англ. *slæpan* "спать", но и.-е. *lei- "лить, мочить"; англ. *dream* "спать, видеть сны", но англ. *stream* "поток"; греч. *ἄναρ* "сон", но др.-инд. *nar-* "вода". Вместе с тем сон, понимаемый как экстаз, как религиозная сублимация души, приравнивается к огню, который символизировал душу (сон как "танец огня"). С другой стороны, именно дыхание, легкие считались источником деторождения и связанного с этим сексуального экстаза. В связи с этим интересны следующие сопоставления: англ. *to sleep* "спать", но латышск. *lipt* "гореть, пылать", литовск. *liepsnà* "пламя", латышск. *elpt* "дышать", др.-инд. *pelah* "половые органы" (возможно, сюда же и арм. *surb* "святой"). Ср. типологические параллели: латышск. *gulet* "спать", но и.-е. *kel- "гореть", литовск. *pri-guleti* "соиге"; др.-англ. *swoðrian* "спать", греч. *εἶδω* "спать", но и.-е. *sueid- "гореть", др.-англ. *serðan* "соиге"; греч. *ἕπνος* "сон", но латышск. *kāpt* "soulder", др.-сев. *skopinn* "половой член", исл. *kópa* "Ermattung, Entkräften" (экстаз); греч. *καρώ* "спать, засыпать", но и.-е. *ker- "гореть", осет. *kuryn* "рожать". Ср. также франц. *rêve* "сон", но лат. *rabies* "ярость, бешенство"; греч. *εἶδω* "спать", но нем. *Wut* "ярость".

С другой стороны, сон, экстаз как приобщение к Божеству, приравнивался к звуку, первотворению Божества: ср. англ. *sleep*, но тох. А *rape* "музыка"; греч. *καρώ* "спать", но и.-е. *ker- "издавать звуки", греч. *ῥος* "сон", но и.-е. *uer- "издавать звуки" (ср. также *uer- "гореть").

WATER "вода".

Вода, как и огонь, – первоэлемент Вселенной.

Согласно мифопоэтическим представлениям, вода, как и огонь, может быть в е р х - н е й . н е б е с н о й [ср. понятие небесных морей (ср. русск. *vlaga*, но др.- инд. *svargah* "небо"), небесного огня] и н и ж н е й (ср. понятие погребальных вод, вод Преисподней в Ригведе). В этой связи можно указать на и.-е. **uet-* "верх", но тох. *A war* "вода" и и.-е. **uet-* "огонь, гореть". Вода и огонь могут быть внутренними, животворящими и в н е ш н и м и , относящимися к Хаосу. В связи с этим необходимо принять во внимание понятие живой и мертвой воды: живая вода – это вода на пути из высшего мира вниз, на землю, в земной мир; мертвая вода – та же живая вода, но уже отслужившая, сделавшая свое дело, отдавшая свою живительную силу земле. Можно сопоставить русское слово *нупро*, где начальное *n-* представляет собой отрицание, употребленное из соображений табу, а оставшаяся часть – **uetr-* как раз и представляет собой корень со значением "вода" [ср. алб. *urtë* "(мировой) Разум", русск. диал. *ватра* "огонь"]. Подобным же образом албанское слово *brendà* "внутри, внутри" соотносится с нем. *Brand* "огонь, пожар". Индоевропейский корень **leidh-* означает "жидкость, вода", но русское слово *лед* фактически, как показал В.Н. Топоров, означает "мертвая вода": ср. русск. диал. *ляда, леда* "болезнь", лат. *letum* "смерть", а также англ. диал. *led* "внешний, лишний". И.-е. **uet(e)r-* "вода" может быть также связано с и.-е. **suet-* "внешний, относящийся к Хаосу". Подобным же образом лат. *aqua* "вода" соотносится с хет. *ak-* "смерть" (ср. и.-е. **og-*, **ug-* "огонь", арм. *og* "душа", но хет. *ug* "смерть"). Ср. также: и.-е. **nar-* "вода" (начальное в этом слове – отрицание, употребленное из соображений табу), но и.-е. **ar-* "внешний" (ср. и.-е. **ar-* "огонь": ср. англ. *arson* "пожар"). Ср. также швед. *dåg* "мокрый", но др.-англ. *dieggan* "умирать" (с другой стороны, ср. **dheg-* "гореть, огонь"). Противопоставление "живая (новая)" и "мертвая (старая)" вода находит отражение в языке: ср. и.-е. **uet-* "вода", но лат. *vetus* "старый"; тох. *A war* "вода", но тох. *A wir* "новый, молодой": и.-е. **au-* (нем. диал. *Au*) "вода", но и.-е. **nau-* "мертвый" и **nau-* "новый" (образования с начальным отрицанием, употребленным из соображений табу.); нем. *Harn* "моча; жидкость", но индо-арийск. *kora* "новый, молодой".

Вода представлялась язычникам как женское начало, а огонь – как мужское: ср. др.-инд. *jala-* "вода", но тох. *A kul* "женщина"; тох. *A war* "вода", но осет. *woez, us* "женщина", а с другой стороны, и.-е. **āter-* "огонь" и греч. ἀνδρῶπιος "мужчина, человек" (последняя часть греческого слова соотносится с греч. πῦρ "огонь" и и.-е. **pus-* "мужской"); нем. *sengen* "палить, жечь", но др.-англ. *secc* "человек, мужчина".

Понятие воды, жидкости нередко выступает как материнское начало: ср. лат. *madeō* "быть мокрым". но и.-е. **mater-* "мать" (ср. арм. *matal* "молодой, свежий"). Подобным же образом англ. *wet* "сырой, мокрый" > **u-at-* (ср. др.-англ. *ād* "огонь, костер": понятия воды и огня – тесно связаны), но гот. *aifei* "мать". С другой стороны, тот же корень выступает в др.-инд. *adi* "начало" и гот. *andais* "конец" (единство космогонических начала и конца): типологически ср. лат. *aqua* "вода", но латышск. *s-ākt* "начинать"; др.-инд. *jala-* "вода", но литовск. *galas* "конец".

Понятие воды лежит в основе слов со значением "чудо": ср. и.-е. **ueter-* "вода", но англ. *wonder* "чудо" (ср., с другой стороны, тох. *A pārs-* "агросер", и.-е. **peuet-* "огонь", но и.-е. **per-* "чудо"). Ср. далее: лтш. *tume* "porridge", но греч. θαύμα "чудо".

Понятие воды легло в основу понятия души, дыхания (ср. и.-е. **ond-* "дышать", но и.-е. **uet(er)-* "вода"; типологически ср. др.-инд. *sincati* "pours out, sprinkles", но арм. *šunc* "дыхание", *šnčel* "дышать"; и.-е. **pel-* "течь, быть мокрым", но лтш. *elpt* "дышать"; и.-е. **uet(er)-* "вода", но осет. *udd* "душа").

Интересно соотношение: и.-е. **uet(er)-* "вода", но литовск. *vaduoti* "освобождать".

избавлять”, а также ”замещать, заменять” (ср. миф о ”живой воде”, замещающей ”мертвую воду”).

Вода понималась язычниками как ”божественное явление”, как ”вещь”, тождественная божественному первотворению – Слово: ср. англ. *water* ”вода”, но тох. *A wāntare* ”вещь” (ср. др.-инд. *vāndate* ”rendre hommage, témoigner du respect”; др.-инд. *vadati* ”dire, parler”, тох. *AB wen* ”dire” < **wend-*, ср. хет. *uen* ”coire”).

Вода в древности понималась как космогоническая ось, отождествляемая с путем, с дорогой, связывающей все три мира – верхний, средний и нижний: ср. др.-англ. *swaedi*, *swađu* ”Stapfe, Spur, Pfad”.

Вода могла иметь фаллическое значение (дождь – семя богов): ср. др.-англ. *sweota* ”Hodensack”; *sweet* ”Schar, Heer”.

Вода понималась как плетение: ср. др.-англ. *sweðel* ”Binde” (ср. [Топорова 1996; Маковский 1996: 76–78]).

WEATHER ”погода”.

Английское слово *weather* ”погода” относится с и.-е. *(*k*)*uetyor-* ”четыре” [ср. и.-е. **uet-* ”время, погода” + и.-е. **uer-(men)-* ”время, погода”]. Число ”четыре” в древности символизировало силу (ср. литовск. *kutrus* ”сильный”), мужество, духовное совершенство, целостность мироздания. Ср. и.-е. **ond-* ”душа” и и.-е. **ond-* ”камень, гора” (Мировая душа и Мировая гора). С другой стороны ср. ирл. *nawd* ”природа”, где начальное *n-* представляет собой отрицание, употребленное из соображений табу, т.е. неэтимологический элемент; ср. также лат. *uterus* ”матка” (природа как вечно творящее начало) и и.-е. **kuent-* ”святой” < *(*k*)*uent-* + и.-е. **ar-* ”соединять”, осет. *aryn* ”родить”. Погода (засуха, дождь) считалась у язычников тотемом: в честь нее устраивались ритуальные действия с принесением жертвы: ср. греч. εορτη, др.-сев. *verðr* ”ритуальная трапеза” и, с другой стороны, англ. *wether* ”баран” (предмет жертвоприношения). Погода могла принести людям как зло (ср. англ. *wither* ”вянуть”; русск. *вред*; в ряде славянских языков слова того же корня имеют положительные значения: ср. сербско-хорв. *вредност* ”ценность”), так и добро (ср. др.-англ. *wrætte* ”Schmuck”). Язычники представляли погоду как великана, обладавшего сверхъестественной силой (ср. тох. *A wrotstse* ”большой”). Вместе с тем сверхъестественная сила нередко сравнивалась со старостью: ср. англ. *weather* ”погода” и лат. *vetus* ”старый” + прусск. *urs*, литовск. *voras* ”старый” (ср. литовск. *oras* ”погода”). Типологически ср. ирл. *sin* ”погода”, но лат. *senex* ”старый” (относительно перехода ”старый” > ”сильный” ср. тох. *A mok* ”старый”, но тох. *A muk* ”сила, мощь”). Погода воспринималась как результат действия внешних сил, исходящих из Хаоса: ср. англ. *weather* ”погода”, но англ. *out* ”вне, снаружи” + литовск. *oras* ”ins Freie hinaus, heraus, äußerlich”.

С англ. *weather* ”погода” следует также сопоставить алб. *urtë* ”мудрость” (погода как Мировой разум).

Отметим, наконец, что погода считалась женским божеством, в связи с чем следует с англ. *weather* ”погода” сопоставить др.-сев. *vorð* ”женщина”.

Язычники представляли себе погоду в виде реального существа – духа и колдуна. Ср. в этой связи с этим англ. *weather* ”погода”, но англ. *wraith* ”дух” и англ. *wreath* ”венок” (узел – символ чуда и волшебства).

Погода – символ предсказания будущего, она как бы ”пишет”, ”рисует” то, что должно произойти, в связи с чем англ. *weather* ”погода” следует сопоставить с др.-англ. *writan* ”писать, высекать” (сам по себе рисунок считался магической сущностью).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексахин А.Н.* 1990 – Структура слога китайского языка как проявление системообразующих свойств согласных и гласных // ВЯ. 1990. № 1.
- Воронин С.В.* 1990 – Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л., 1990.
- Маковский М.М.* 1992 – Лингвистическая генетика. М., 1992.
- Маковский М.М.* 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
- Топоров В.Н.* 1988 – О ритуале. Введение в проблематику // Арханчальный ритуал в фольклорных и ранне-литературных памятниках. М., 1988.
- Топорова Т.В.* 1996 – Об архетипе "воды" в древнегерманской космогонии / ВЯ. 1996. № 6.
- Havers W.* 1947 – Zur Entstehung eines sogenannten sakralen U-Elements in den indogermanischen Sprachen. Ein Versuch über Lautbedeutsamkeit in indogermanischer Frühzeit // Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreich. Akademie der Wissenschaften. Wien, 1947. Hf. 15.
- Juret A.* 1960 – Les idées et les mots. Paris, 1960.
- Hawkes T.* 1972 – Metaphor. London, 1972.
- Hughes J.* 1991 – Swearing. A social history of foul language, oaths and profanity. Oxford; Cambridge (Mass), 1991.
- Mooij L.* 1976 – A study of metaphor. Amsterdam, 1976.
- Pictet A.* 1877 – Les origines indo-européennes, ou les Aryas primitifs. Essai de paléontologie linguistique. 1–3. Paris, 1877.
- Quanter R.* 1925 – Das Weib in den Religionen der Völker. Unter Berücksichtigung einzelnen Kulte und Sitten. Berlin, 1925.
- Sadovszky O.J.* 1995 – Fish, symbol and myth. A historical semantic reconstruction. Budapest, 1995.
- Walker B.* 1983 – The woman's encyclopaedia of myths and secrets. San Francisco, 1983.
- Zischka U.* 1977 – Zur sakralen und profanen Anwendung des Knoten-motivs als magisches Mittel, Symbol und Dekor. München, 1977.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Предлагаемая статья публикуется спустя два с половиной года после трагической кончины ее автора.

Лидия Владимировна Кнорина (1944–1994) прожила всю жизнь в Москве. В 1967 г. она окончила отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. По окончании университета она два года работала во Всесоюзном научно-техническом научном центре, а затем в 1969–1991 гг. в ВИНТИ. Последние три года жизни она проработала в Отделе языков Института востоковедения РАН.

Получив широкое лингвистическое образование, Л.В. Кнорина, как и многие другие выпускники, занималась разнообразными проблемами. Список ее научных трудов не слишком велик (около 50 работ), но среди них есть публикации по русской грамматике, семантике, стилистике и поэтике, истории европейской и еврейской науки о языке, библеистике и современному ивриту, прикладной лингвистике.

Первые работы Л.В. Кнориной, начиная от дипломной работы и кончая защищенной в 1978 г. кандидатской диссертацией, были посвящены словам русского языка с неполным (в том числе пустым) набором морфологических категорий: неизменяемым существительным и двувидовым глаголам. Помимо детального анализа фактического материала в них содержится анализ ряда теоретических проблем: освоения системой русского языка иноязычной лексики, развития строя русского языка от синтетического строя к аналитическо-синтетическому (здесь Л.В. Кнорина на новом материале подтвердила гипотезу, ранее высказанную В.В. Виноградовым), морфологической омонимии. Для двувидовых глаголов проведена детальная семантическая классификация. Позже, в 80-е гг. Л.В. Кнорина изучала генитивные конструкции в русском языке, прежде всего в плане их семантики. Одна из последних ее публикаций ("Научная и техническая информация", серия 2, 1993, № 3) связана с описанием семантики слов с наиболее общим значением типа 'действие', 'процесс', 'свойство', особенно плохо поддающихся словарному толкованию; на основе изучения контекстов их употребления предложена оригинальная классификация данного класса лексик.

Ряд работ Лидии Владимировны посвящены поэтическому языку, в основном на материале творчества Б.Л. Пастернака. Здесь ее интересовали прежде всего две проблемы: нарушения стандартной сочетаемости слов в целях создания поэтического образа и особенности индивидуального стиля поэта. Проблема индивидуального стиля интересовала Л.В. Кнорину и в более широком плане. Одна из наиболее интересных ее статей, опубликованная в 1989 г. в сборнике "Язык и личность", посвящена важной и плохо изученной проблеме индивидуального речевого стиля в обычной разговорной речи: автор старается выяснить, как инвентарь индивидуальных приемов разговорного словоупотребления создает языковой портрет конкретного человека.

В 80-е гг., не оставляя традиционную для нее тематику, Лидия Владимировна начинает изучать историю лингвистических традиций. Первой ее работой такого рода стал перевод лингвистического сочинения И. Ньютона "Об универсальном языке" вместе с комментариями к нему. Перевод и комментарии были опубликованы в 1986 г. в 28 выпуске "Семиотики и информатики". Наследие этого великого мыслителя до сих пор изучено не полностью, лишь недавно стал известен его труд, в котором предпринимается попытка создать универсальный язык человечества, основанный на рациональных принципах. Сочинение это весьма сложно для понимания, но Л.В. Кнорина успешно справилась со сложнейшей задачей его перевода и комментирования. Конструирование универсальных языков было свойственно не только И. Ньютону, но и ряду других ученых XVII в. Этот важный этап в развитии языкознания позднее был почти забыт. Его изучением Л.В. Кнорина занималась буквально до последних дней жизни.

Наряду с этим она заинтересовалась еврейской лингвистической традицией, еще менее у нас известной. Именно в связи с этим она бросила занятия прикладной лингвистикой и перешла в Институт востоковедения, где в начале 90-х гг. намечалась большая коллективная работа "Лингвистические традиции в Странах Востока". Помимо написания раздела по еврейскому языкознанию Лидия Владимировна должна была выполнять функции секретаря авторского коллектива; в связи с этим ей был организован постоянно действовавший семинар, на котором с докладами выступали многие специалисты по истории языкознания; к сожалению, после ее смерти семинар прекратил существование. Задуманный коллективный труд в большей своей части так и не написан и неизвестно, будет ли выполнен когда-нибудь, но Л.В. Кнорина успела написать свою часть работы, которая и публикуется здесь. В последние годы жизни она начала активно заниматься также изучением библейского и современного иврита, написала ряд статей, в основном пока не опубликованных, читала курсы по ивриту в московских вузах. Ряд работ она не успела закончить.

Лидия Владимировна Кнорина была талантливым человеком с разносторонними интересами, посмертно вышла книга ее стихов. Она кончила жизнь в скромной должности научного сотрудника, не успела при жизни издать ни одной книги. Она погибла, не дожив до 50 лет, не успев реализовать многие планы. В журнале "Вопросы языкознания" она впервые опубликовалась уже посмертно (статья "Природа языка в лингвоконструировании 17 века", 1995, № 2). Но созданное ей представляет несомненный интерес и, как нам кажется, останется в науке.

Подробнее о Л.В. Кнорини см. в подборке статей ее памяти: "Семиотика и информатика", выпуск 34, М., 1995, стр. 234–251. Там же, на стр. 244–247 – список ее научных работ.

В.М. Аллатов

Л.В. КНОРИНА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ КОММЕНТИРОВАНИЯ

Стремление правильно понять библейский текст – основное содержание еврейской культуры и традиции вообще. В связи с этим очень рано возникает традиция комментирования библейского текста. Собственно лингвистическая традиция развивается в рамках традиционного комментария.

Отдельные грамматические сочинения впервые появились у арабоязычных авторов, писавших под влиянием арабской грамматической школы [Bacher 1974]. Поэтому для понимания независимого развития еврейской лингвистической мысли особенно ценны комментарии к Библии. Лингвистические наблюдения составляют в комментариях небольшой процент, однако почти все они собраны в фундаментальных комментариях к Библии, составленных на базе более ранних комментариев известным комментатором Раши [Раши 1990]. Раши – аббревиатура имени рабби Шломо Йцхака, жившего в Германии и во Франции (1040–1105) и оставившего наиболее полный комментарий к Талмуду – многотомному средневековому тематическому комментарию к Библии.

Подробный разбор содержательной части лингвистических комментариев будет проведен ниже именно на материале Раши, но вначале необходимо дать представление о предшествующей ему традиции комментирования.

ТРАДИЦИЯ КОММЕНТИРОВАНИЯ

Элементы комментария – и, в частности, комментарий лингвистического по своей сути – наблюдаются внутри самого текста Библии. Это прежде всего стремление объяснить глубинный смысл названий (народная этимология). В каком-то смысле сход-

ны с комментарием разъяснения, иногда следующие за неоднозначными или метафорическими конструкциями – ср. *дерево плода, делающее плод* (Быт. 1:11).

Для пророческих текстов характерно обращение к Пятикнижию, пересказ предшествующих событий и помещение новых событий в известные категории: творения, исхода, завета и т.п. В ранее описанных актах выделяются типологические модели, элементы которых повторяются в описании новых событий.

Псалмы часто представляют собой пересказы, подразумевающие знание ранее изложенного, причем в интерпретации псалма можно усмотреть и элементы собственно анализа "исходного" текста. Например, в псалме 105 в изложении истории Иосифа идея о том, что "Господь послал" Иосифа в Египет, может опираться на многократное использование глагола *ŠLK*¹ (послал) в изложении этой истории в Быт. 37.

Явное цитирование библейского текста с его приложением к другой исторической обстановке² прослеживается в апокрифических книгах Товита, Юдифи и Маккавеев. Устная традиция собственно толкования текста начинается в эпоху Ездры, ознаменовавшуюся публичными чтениями из Пятикнижия (444 г. до н.э. – Неэм. 8) и разъяснениями "понимающих" (*mebinim*), сопровождавшими эти чтения. Разновидностью таких разъяснений могли быть устные комментарии на языке, более понятном для аудитории³.

Состав и порядок этих ранних публичных чтений не установлен, однако подбор отрывков, безусловно, определялся их логической завершенностью и предусматривал осознанный подход к анализу структуры текста.

По-видимому, к эпохе правления Антиоха, когда чтения Торы⁴ были запрещены, относится начало чтений отрывков из "Пророков", имеющих отношение к соответствующему недельному отрывку из Торы. Такое чтение (или чтение "Пророков" в сочетании с Торой и с толкованием) упоминается в Нов. Завете (Лук. 4:18). Практика, сочетающая чтение Торы с отрывком из "Пророков", упоминается во 2-ой книге Маккавеев, что позволяет отнести их по крайней мере ко 2-му в. до н.э.

Современное выделение разделов ("парафраз") недельных чтений Торы и их композиционных завершений ("гафтарот") – отрывков из "Пророка" – относится к несколько более позднему периоду начала нашей эры.

В эпоху "писца" ("софер") Ездры Храм становится центром письма, где обязанности писцов часто исполняли священнослужители. Деятельность писцов была сопряжена с толкованием текста и оказала влияние на технику экзегезы последующего периода.

Известны примеры, скорее всего относящиеся к деятельности писцов и фактически представляющие собой интерпретацию текста: речь идет о вставке местоимений между двумя географическими названиями, которые в таких контекстах означают "он же" или "это" и как бы разъясняют, что два названия относятся к одному и тому же географическому пункту. Это фактически первые глоссы, например "Шаве он долина царская" (Быт. 14:17), "исправления" (*тикуним*), направленные главным образом на устранение антропоморфизмов, а возможно, на замену непонятных слов (ср. описание одних и тех же событий в 2Цар. 7:10 и 1Пар. 17:9). Списки исправлений, относимых к деятельности писцов, содержатся в Талмуде. Отношение писцов, к тексту выразилось также в размерах и форме отдельных букв, в точках над некоторыми буквами.

¹ Прописными буквами передается транслитерация (запись без огласовок). Упрощенная фонетическая транскрипция (без количественной характеристики гласных) передана строчными буквами.

² Так построены и характерные кумранские комментарии "пешарим", о которых см. ниже.

³ История ранней интерпретации библейского текста подробно освещается в [Mikra 1988], где приведена и обширная литература по этому вопросу.

⁴ Слово Тора – буквально "закон" или "учение" – здесь, как это и принято, относится к Пятикнижию; впрочем иногда им называют еврейскую Библию в целом. Подробнее о делении еврейской Библии см. ниже.

Само слово *писец* (или *книжник*) связано с корнем, имеющем значение "считать". По традиции считается, что писцы подсчитали все буквы в Торе (Талмуд, трактат Кидушин 30а). Для борьбы с ошибками при переписывании [неверная буква в свитке сравнивалась с крушением мира (трактат Сота 20а)] писцами были собраны и расклассифицированы все случаи вариативного написания слов. Считается, что соответствующие списки на первых порах хранились в памяти, во всяком случае в изданиях Библии они появились значительно позже, образовав часть так называемой масоры – традиции передачи текста. В масору вошли и пометы "qri" и "ktib", регулирующие прочтение слова по вариантам, обсуждаемым в более ранней литературе.

В Талмуде слово масорет (буквально – "передача", хотя это же слово в библейском употреблении относят к другому корню – "связывать" (ср. *bemasoret habrit* "в узы завета" в Иезек. 20:37) используется по отношению к традиции чтения, однако впоследствии термином "масора" стали называть цельную систему примечаний, акцентуаций и огласовки библейского текста. Подготовленную многовековой традицией масору, как предполагают, начали фиксировать в списках Библии в VI–VIII вв. н.э. Завершается развитие этой системы в 1525 г. первым печатным изданием полного канонического масоретского текста Библии с приложением автономной масоры, содержащей компиляционные списки употреблений слов и словосочетаний, допускающих вариации в написании.

Функция масоры заключалась не только в нормировании, но и в интерпретации текста. Входящие в состав масоры примечания, отсылающие к другим употреблениям данного слова или словосочетания с возможными различиями в написании и компиляционные списки таких вариантов отразили важный этап в традиции лингвистического анализа текста. Они послужили переходной ступенью как к последовательным описаниям языка Библии, так и к ее комментированию.

Окончательная канонизация еврейской Библии и выделение в ней трех частей (Пятикнижие, Пророки, Писания) не могла произойти позднее 130 г. до н.э. – предположительно это событие связывается с 164 г. до н.э., когда Иуда Маккавей собрал все книги Библии, подвергавшиеся угрозе уничтожения во время преследований Антиоха.

Трехчастное деление явно представляет собой намеренный акт, основанный на рациональном понимании композиции. Граница Торы (Пятикнижия) отделяет Моисея как законодателя, а повествовательные книги в Пророках и Писаниях образуют рамочную конструкцию (причем события повествовательных книг, с которых открываются Пророки, происходят до Вавилонского пленения, а повествования, завершающие Писания, охватывают период ссылки и возвращения). Тем самым формирование канона подразумевает определенный уровень анализа текста.

Не менее рациональные соображения заметны и в дискуссиях по поводу степени святости отдельных книг Микры. В качестве аргументов против Экклезиаста, Песни Песней и др. (описания диспутов по поводу этих книг сохранились в более поздней раввинистической литературе) выдвигались наличие противоречий другим частям Библии и внутренняя противоречивость рассматриваемой книги. Выделение противоречий представляется очень важной вехой, поскольку именно попытки гармонизировать обнаруживаемые противоречия явились главным импульсом к последующему анализу текста.

Собственно еврейская традиция анализа текста в наибольшей степени нашла отражение в раввинистической литературе, зафиксировавшей предшествующую устную традицию – так называемую "Устную Тору", определяемую как закон ("галаха" – буквально "способ хождения", т.е. "образ жизни"), не сформулированный эксплицитно в Письменной Торе (под которой подразумеваются все книги Трех частей Библии). Практически же к "Устной Торе" относят все ранние экзегетические труды, записанные во II–VI вв. н.э.: мидраши, Мишну, Тосефту и Талмуды.

Из этих трудов только мидраши – своеобразные комментарии-притчи, воспроизводящие библейские сюжеты, – имеют установку собственно на толкование библейского текста и характерную для комментариев композицию – по порядку следования библей-

ских стихов (термин "мидраш" можно перевести как "толкование", слово образовано от глагола *дараш* – вопрошать). При выборе объектов комментирования мидраш прежде всего обращает внимание на видимые противоречия, неясности и т.п. Поскольку общая презумпция толкователей состоит в безусловной осмысленности каждой детали текста, внимание комментаторов привлекают любые виды варьирования – столпы современного подхода к лингвостилистическому анализу текста. Характерно обсуждение вариаций в написании, порядка слов, употребления кванторов. Эти темы остаются ведущими и в комментировании последующих этапов.

Однако анализ текста Писания в не меньшей степени характерен и для трудов, не ориентированных на комментирование. К последним относятся Мишна (букв. "проработка" или "повторение", детализированное изложение основанных на Торе установлений, организованное по тематическим разделам), Иерусалимский и Вавилонский Талмуды ("изучение", "наставление"), а также дополнения к Мишне, не включенные в Талмуды – Тосефта ("добавление").

Форма Мишны, в которой комментарий независим от текста и организован по темам, по-видимому, развилась из более ранней мидрашной формы комментария, следующего за фрагментом текста. Иерусалимский и Вавилонский Талмуды включают в себя Мишну и варианты "Гемарры" (т.е. "завершения"), комментирующей текст Мишны.

Характерны два экзегетических подхода, вначале употреблявшихся в раввинистической литературе без противопоставления, но позднее получившие статус терминов. Это "пшат" (исходный глагол имеет значений "обнажать", "вскрывать", к этому же корню относится и понятие простоты), подразумевающий буквальное прочтение текста и поиск его оригинального смысла, и "драш", допускающий небуквальное "вопрошание".

В рамках "пшата" применялся чисто филологический аппарат: исследование контекста для определения значения при лексической или грамматической неоднозначности, сопоставление с употреблением в других контекстах.

Вместе с тем "драш", к которому обычно переходили при неудовлетворенности слишком тривиальным или нежелательным (например, антропоморфным) "простым" смыслом или при столкновении с непонятными словами, допускал технику истолкования, сходную с истолкованием снов. К особенностям драша относятся попытки придания смысла каждой детали текста (вплоть до особенностей написания слова), склонность к анализу внутренней структуры слова, поиск логических взаимосвязей для объяснения композиции текста. В некоторых случаях допускалось прибегать к приемам "нотарикона" (представление слова как аббревиатуры или словосложения) и "гематрии" (вычисление значимости слова по числовым значениям входящих в него букв).

При выработке формулировок законов на основе библейского текста большую роль играли специальные правила вывода – явно сформулированные правила галахи, приписываемые рабби Гиллелю старшему (I в. до н.э.) и рабби Ишмаэлю (II в. н.э.).

Прослеживается два основных направления, отраженные в раввинистической литературе и связанные с именами рабби Ишмаэля и рабби Акивы. Рабби Ишмаэль отстаивал возможность обращения с Торой как с текстом, написанным на обычном человеческом языке. Этому направлению противопоставлена школа рабби Акивы, настаивавшего на извлечении законодательного содержания из каждой детали текста.

Самая ранняя письменная фиксация комментариев к Библии – кумранские комментарии ("пешарим" [Амусин 1971]). Каждый отдельный комментарий предваряется словом "пешер" (буквально "разъяснение"), следующим за толкуемой библейской цитатой. Главным объектом таких комментариев были тексты Пророков. Для кумранского подхода характерен поиск "скрытого" в Торе знания, содержащего новое откровение.

В кумранских документах законодательного характера применялись специальные правила "вывода" предписаний из библейского текста. Отдельные правила, например,

"от общего к частному" сформулированы в общих терминах и напоминают раввинистические формулировки аналогичных правил.

Правила традиционной еврейской экзегезы (в свою очередь во многом обязанной греческой риторике) частично отразились в творчестве эллинистических авторов. Влияние еврейской традиции отмечается в экзегетических работах Филона Александрийского (в целом опирающегося на греческую школу интерпретации Гомера) и в исторических произведениях Иосифа Флавия.

Еврейская традиция интерпретации отразилась и в первых переводах Микры. В Септагинте перевод редко встречающихся слов, буквальный смысл которых был неизвестен переводчикам, устанавливался по контексту или по внутреннему строению слова.

Анализ "неточностей" перевода позволяет установить влияние еврейской традиции толкования, отраженной в позднее записанных мидрашах и Талмуде. Характерно устранение большого количества выражений, создающих нежелательные антропоморфные представления о Боге. Так "лицезрение Бога" с помощью замены или вставки слова превращается в переводе в "лицезрение Славы (Бога)".

Самаритянский таргум (перевод), выполненный в I в. н.э., и отразивший бытование арамейского языка в самаритянской среде в отличие от других арамейских таргумов, принадлежащих иудейской традиции и допускающих довольно свободное перефразирование, последовательно выбирает пословный перевод, следуя при этом традиционной иудейской (мидрашистской) экзегезе.

Во многих случаях подбор переводных эквивалентов отражает попытки снижения антропоморфности образа Бога и "выгораживания" репутации патриархов (или, наоборот, "диффамации" отрицательных персонажей – Лавана, Нимрода и др., – что также соответствует мидрашистской экзегезе).

Арамейские таргумы еврейской традиции восходят к устным переводам-разъяснениям, сопровождавшим чтения Торы и относимым к Устной Торе. Один из сохранившихся переводов – таргум Онкелоса – был официально признан Вавилонским Талмудом. При анализе арамейских таргумов еврейской традиции помимо общей для всех переводов тенденции к смягчению антропоморфизмов отмечаются разъясняющие перифразы, в частности раскрывающие смысл символических обозначений.

Существовавшая традиция интерпретации допускала анахронизмы, т.е. толкователи зачастую опирались на современный им язык, претерпевший за прошедшие века значительные изменения. Характерные примеры подобноговольного обращения зафиксированы и в первом христианском переводе Библии на латинский язык, выполненном непосредственно с оригинала – Вульгате. Этот перевод, осуществленный Иеронимом в V в. н.э., в большой степени отразил еврейскую традицию толкования.

Сохранились письма самого Иеронима, свидетельствующие о его консультациях с еврейскими раввинами. Ссылки на точку зрения раввина приводятся Иеронимом для доказательства правильности перевода, однако некоторые переводные эквиваленты, использованные им на основании таких консультаций, явно основаны на постбиблейских значениях слов. Интересно, что иногда Иероним не транслитерирует географических названий, но переводит их в соответствии с еврейской традицией мидраша.

ЦЕЛИ И ВЫБОР ОБЪЕКТОВ КОММЕНТИРОВАНИЯ

Классическая традиция комментирования направлена прежде всего на объяснение трудностей в понимании текста, в частности на разрешение противоречий любого уровня.

Любая необычность выражения может быть основанием для поисков ассоциаций, аллегорий и т.п. Представление о тексте как едином целом приводит к постоянному сопоставлению смысловыражений. При этом затрагиваются все языковые уровни – и орфографический, и морфологический, и синтаксический, и лексико-семантический. Таким образом, в форме традиционного комментария оказываются отраженными разные лингвистические аспекты представлений их авторов.

Ничто не может оказаться неважным – от выбора написания и до композиции. Это связано с мировоззрением, согласно которому сотворение мира связано именно с буквами и цифрами [см. наиболее раннее каббалистическое произведение "Сефер Ецира" ("Книга творения"), созданное в первые века нашей эры].

Этот подход очень выпукло представлен в комментариях Раши, на примере которых строится дальнейшее изложение. Раши работал исключительно в русле классической традиции, постоянно ориентируясь на выявление прямого, простого смысла текста (пшат), однако не закрывая при этом возможности более глубокого видения.

В лучших традициях классического комментирования Раши останавливается на всех видимых противоречиях текста, зачастую цитируя комментарии Мидраша или Талмуда. Во всех отступлениях от обычного – повторах, вариантах смысловыражения и др. он видит возможность для выявления многозначности, дополнительной коннотации, эмфатичности.

Повод для уточнения, пояснения, устранения видимых противоречий и вскрытия дополнительного смысла может быть усмотрен в необычном написании или "нелогичном" выборе грамматической формы, в редком или неоднозначном способе построения фразы или словоупотреблении, во всех видах "избыточного" смысловыражения, в отступлении от формулировок, обычно применяющихся при описании сходных ситуаций, в видимом нарушении последовательности изложения.

Многие рассматриваемые Раши проблемы, традиционные с точки зрения традиции комментирования, перекликаются с более поздней собственно грамматической традицией, развившейся в еврейской среде под влиянием арабской грамматической мысли. Собственно грамматические сочинения не могли не влиять на последующее комментирование, так что в сущности комментарии Раши отражают сплав существовавших традиций. Источник комментариев указывается не всегда – по-видимому, многие цитаты из "классики" были известны его читателю. Возможно, указание на источник служит скорее средством отстранения, намеком на возможную спорность: однако иногда Раши явно полемизирует с содержанием приводимого им классического комментария: ср. "не знаю, как мидраш устанавливает это" (комм. к Быт. 32:14), "(пусть) Онкелос (автор тургума) перевел так, как перевел" (комм. к Быт. 20:13).

Однако с точки зрения оценки уровня лингвистичности проблем представляется особенно показательным не содержание комментария, а сам спектр анализируемых объектов комментирования. Приводимая же аргументация нередко выходит за пределы "классического" филологического аппарата, и некоторые внелингвистические доводы порой вызывают улыбку. Впрочем, при более внимательном рассмотрении и эти доводы иногда на поверку оказываются имеющими к лингвистике прямое отношение.

ТИПЫ КОММЕНТАРИЕВ

1. ВАРИАНТЫ НАПИСАНИЯ

Одна из главных традиционных тем – выделение различных вариантов написания. Главную проблему в этом отношении представляют собой так называемые "полное" (male') и "недостаточное" (haser) написания. Под недостаточным подразумевается написание без "недостающих" букв *W* и *Y* (иногда также и *H*), присутствующих в написании того же слова в "полном" варианте – если он является более частотным. Если же в частотном варианте эти буквы (указывающие на гласные звуки) отсутствуют, то вариант с этими буквами считается "избыточным".

В некоторых случаях необычный вариант просто отмечается, и указывается на его связь с вариантом обычным, например: *H'L* (необычное написание слова *ha'ele* "эти") "как" (т.е. то же, что) *H'LN* (комм. к Быт. 19:8).

Однако, как правило, необычный вариант написания связывается с разными причинами. Иногда и впрямь такой вариант указывает на неповерхностный смысл стиха. Например в Быт 1:14 в обороте "да будет: светила на своде неба" этимологическая связь "светил" со светом явно не должна быть подчеркнута, иначе выглядел бы тавтологией следующий стих: "и да будут они светилами..., чтобы светить на землю". Действительно, в стихе 14 слово *me'orot* "светила" имеет "недостаточное" написание ("не хватает" *W*) и из-за этого "не похоже" на слово *WR* "свет", от которого оно образовано, а в стихе 15 оно имеет нормальное "полное" написание *M'WRT*. В данном случае в комментарии к стиху 14 "недостаточное" написание "объясняется" не необходимостью "расподобления" со словом "свет", а ассоциацией со словом, образованным от другого корня – так же произносящимся словом "проклятие", пишущимся без *W*.

В некоторых случаях "недостаточное" написание приводит к неоднозначному – и так "задуманному" в тексте с точки зрения комментатора – пониманию формы. Так в Быт 1:28 форма *WKBšH* без огласовки и без учета контекста скорее понимается как форма единственного числа: "захвати ее", а не "захватите ее". Раши на этом основании делает вывод, что этот стих помимо основного значения – захвата земли людьми – связан также с покорением женщины мужчиной.

Любопытно, что к отмечаемой ассоциации могут привлекаться сами понятия "недостаточности" и полноты. Так, слово *TWMYM* "близнецы" в "недостаточном" написании совпадает со словом *TWMM* "цельный, наивный, непорочный". Такое написание представлено в Быт. 25:24 – в описании рождения Эсава и Ицхака, в характеристике лишь одного из которых (Ицхака) фигурирует непорочность (Быт. 25:27). При этом в Быт 38:37, где речь идет о детях Тамар, представлено "полное" написание слова *близнецы*. Раши связывает недостаточное написание с недостаточностью праведности (ее отсутствием у одного из близнецов), а полное написание – с праведностью обоих близнецов (комм к Быт. 38:27).

В других случаях с внеязыковой сферой непосредственно связывается количество употребленных букв. Так два *У* вместо одного в *WYYSR* "сформировал" (Быт. 2:7) ассоциируется с двумя сформированными мирами.

2. ВАРИАНТЫ В УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМ

Эта область также относится к традиционной проблематике. Если в специальных грамматических сочинениях обсуждаются колебания в формах *р о д а* и *ч и с л а*, то внимание комментаторов привлекает видимая непоследовательность в выборе формы. Выбор форм числа часто объясняется различными причинами, на первый взгляд (с точки зрения современного грамматиста) не имеющими к нему прямого отношения.

Например, ставится вопрос о закономерности формы множественного числа существительного *yamim* "моря" (Быт. 1:10) при том, что все моря составляют "единое море". Существование различия морей (при формулировке этого обоснования Раши ссылается на мидраш) подтверждается вкусовыми различиями между рыбами, выловленными в разных морях. Множественное число слова *damim* "крови" (Быт. 4:10) получает два объяснения: кровь всех потенциальных потомков или кровь множества ран. Оба эти комментария есть и в Талмуде (но ссылка на Талмуд указана только во втором случае).

С другой стороны формы единственного числа "вол и осел" ("мне достался вол и осел" – Быт. 32:5), явно употребленные по отношению к неединичному объекту, сопровождаются вполне рациональным языковым наблюдением о том, что "о многих волах принято говорить *вол*". Это наблюдение Раши подтверждает примером, не имеющем отношения к тексту Писания – "человек говорит приятелю: *ночью кричал петух*, и не говорит: *кричали петухи*".

Особую остроту вопрос числа приобретает в отношении форм, связанных с Богом. Известное выражение *na'ase adam* "создадим человека" (Быт. 1:26) по Талмуду

объясняется тем, что Бог держит совет с ангелами. Выражение "один из нас" в Быт. 3:22, где Бог высказывает опасение, что человек может стать как "один из нас") объясняется (от имени Бога!) довольно неожиданно тем, что человек может стать единственным в своем роде – как и Бог ("он единственный в нижних, как я единственный в верхних"), а множественное число отнесено к объединению Бога с Адамом.

Однако в комментарии к фрагменту "когда отправили меня" (где глагол во множественном числе как бы согласуется со словом "Бог" (Быт. 20:13) Раши отказывается от подобных объяснений. Отметив употребление формы глагола множественного числа (букв. "язык множественности"). Раши пишет «не удивляйся, ибо во многих местах выражение божественности (букв. "язык Бога") обозначают языком множественности». И приводит большую подборку подобных случаев.

Вообще различные обобщения довольно типичны. Так, при употреблении слова, имеющего колебания в грамматическом роде, приводятся примеры употребления и в женском, и в мужском роде не только этого слова, но и других слов, допускающих аналогичные колебания (комментарий к сочетанию *hamahane ha'ehat* "один стан" (Быт. 32:8).

Непоследовательность в выборе разных форм часто становится очевидной лишь при сопоставлении описаний сходных ситуаций. Так, за единственным исключением (в Быт. 1:5 "день один") в описании дней творения используются порядковые числительные. Со ссылкой на мидраш Раши обосновывает эту форму количественного числительного тем, что она подчеркивает одиночество Бога в этот день.

Особенности формы могут объясняться спецификой ситуации. Так, кажущаяся нелогичность формы "прошедшего времени" в контексте, относящемся к принятию обета ("я поднял мою руку" (Быт. 14:22)), объясняется принятым способом выражения клятвенной формулы ("язык клятвы"). Тут же приведена и подборка подобных случаев.

Раши обращает внимание и на чисто грамматические причины употребления разных форм слова. Так появление ранее не встречавшейся формы *hakutonet* "рубашка" объясняется тем, что слово впервые встретилось в своей основной форме ("это ее имя"). В других же случаях оно употреблялось в сопряженном состоянии – в сочетании с другими словами ["когда оно прилеплено к другому слову" (комментарий к Быт. 37:31)].

Употребление показателя направления (*h* в конце слова) вызывает пространный комментарий о том, что значение этого показателя "в конце" слова синонимично предлогу *l* "в начале" [это "правило" обсуждается и в Талмуде (трактат Евамот 136)]. Попутно Раши объясняет закономерности выражения определенности в этих двух способах обозначения направления (Быт. 14:10).

Интересны замечания Раши по описанию грамматического значения многозначной формы. Большое замечание вызвало, например, употребление формы глагола "прохаживаться" (*hiithalek*), которая может соответствовать как перфекту, так и императиву. Раши отмечает что в данной глагольной породе (букв. "в тяжелом языке") – этот "термин" принят для обозначения нескольких пород, включая рефлексивную породу, к которой и относится данный глагол – "для будущего" (т.е. для императива) и "для прошлого" (т.е. для перфекта) употребляется одна и та же форма. Для доказательства приводятся примеры употребления этой формы (а также аналогичных форм других глаголов этой породы) в разных грамматических значениях, причем в каждом примере наряду с омонимичной формой присутствует – в качестве однородного члена предложения – однозначная форма какого-либо глагола другой породы: "встань, пройдишь" и т.п. [отсутствие противопоставления между императивом и перфектом в других породах не допускается (примеч. к Быт. 6:9)].

В некоторых случаях указаны способы различения омонимии: так, совпадающие в некоторых случаях на письме формы причастия и перфекта различаются ударением (Быт. 15:17, 29:6, 34:29).

Несколько комментариев посвящено основам понимания грамматических форм – описанию общего соотношения грамматических показателей и их значений. Описаны, например, приметы и смысл некоторых глагольных пород (комм. к Быт. 24:21, 24:65, 34:15), употребление "переворачивающего W" (комм. к Быт. 29:15).

Может быть указана и принципиальная неоднозначность категории. Например, указывается на возможность понимания форм "прошедшего" и "будущего" как "настоящего" [имеется в виду – многократного действия (комм. к Быт. 29:3)], "ибо всякая вещь, что существует всегда, уже была и будет в будущем".

Сходные нюансы возможной интерпретации описаны при трактовке формы перфекта *kista* "закрыла" (Быт. 38:15). Раши подчеркивает возможность отнесения события к далекому прошлому: "закрывала" (когда-то), что меняет причину узнавания Тамар Иехудой, т.е. позволяет трактовать эту причину по Талмуду ("он не узнал ее не потому, что она в тот момент закрыла лицо, а потому что он не знал ее в лицо, так как она раньше его закрывала").

Многие комментарии вызваны просто неясными формами – так, обсуждается лишь несколько раз встречающийся в Писании (по-видимому, реликтовый падежный) показатель *l* (комм. к Быт. 31:39). Все примеры, которые Раши приводит для сопоставления со встретившейся в этом стихе "странной" формой, приведены и в соответствующем параграфе (901) наиболее полной грамматики библейского иврита [Gesenius 1974]. Впрочем, не все объяснения Раши выдержали такую проверку временем – так, не вполне убедительно выглядит отнесение *l* – явного показателя пассивной породы – к корневым согласным корня *MWL* "делать обрезание" (комм. к Быт. 17:11).

Часто приводится корень, от которого произведена встретившаяся форма. При этом возможны дискуссии с другими комментаторами, устанавливавшими другое происхождение. Свое мнение Раши подкрепляет общими наблюдениями над корнями той структуры, к которой возводится форма (см. комм. к Именам 2:10).

Некоторые комментарии связаны с неявной выраженностью принадлежности к части речи.

В таких случаях в комментарии обосновывается грамматическое значение формы. Так, указывается, что форма *kemišloš* "после трех" и "после того, как утроились" – глагольная, а форма *hara* "быть беременной, беременная" – именная (Быт. 38:24). В качестве доводов приводятся сопоставления с употреблением сходной (более ясной) формы или той же формы в более ясных случаях. Для обоснования глагольности первой формы приводится также ссылка на таргум Онкелоса (по-видимому, именно перевод этого места столь авторитетным автором – в данном случае довольно неестественный – послужил основанием для поиска других параллелей).

3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И РОЛЕЙ

Неясность синтаксической роли словоформы часто затрудняет трактовку стиха в целом. Например, понимание формы *berešit* "в начале" (существительное с предлогом) как обстоятельства ("в начале сотворил Бог небо и землю") или как части конструкции, раскрывающей "целое" ("в начале того, как..."), существенно влияет на общее понимание начала Пятикнижия (Быт. 1:1). В качестве доводов Раши приводит сопоставления с употреблением данной формы в других контекстах.

Характерен комментарий к некоторым формам, чья синтаксическая роль которых представляется необычной. Так, подробно объясняется значение формы *dabbero* "говорить с ним" и инфинитива с местоименным суффиксом, обычно не

обозначающим "косвенного" дополнения (Быт. 37:4). Впрочем, инфинитив с местоименным суффиксом вообще встречается не так уж часто – в другом случае приводится подборка таких форм с субъектным значением суффикса (комм. к Быт. 19:21).

Подробно анализируется возможность смешения в выражении адресата и темы при глаголе говорения (комм. к Быт. 28:15). Вызывает комментарий форма *'oto* ("его" – показатель прямого дополнения с местоименным суффиксом), управляемая "непереходным" глаголом "рефлексивной" породы *wayyitnaklu* "и замыслили" (букв. "замыслили его убить его" (Быт. 37:18).

Употребление после формы *lek* "иди" предлога *l* (показателя направления) с местоименным суффиксом 2-го л. м.р. (в значении, точно соответствующем употреблению русского возвратного местоимения в дательном падеже – ср. *иди себе*), так сказать, "лишнее" дополнение объясняется словами "тебе на пользу и во благо" [со ссылкой на мидраш (комм. к Быт. 12:1)].

С другой стороны, комментатор останавливается на недостающих, с его точки зрения, дополнениях – например, на отсутствии дополнения к глаголу *wayyef* "и отклонился" [Раши объясняет "от кого отклонился" (Быт. 38:1)].

В некоторых случаях комментатор отмечает правильную синтаксическую связь, установление которой затруднено из-за того, что связываемые слова удалены друг от друга. Например, в Быт. 39:17 ("пришел ко мне раб-иври которого привел ты к нам насмеяться надо мной") устанавливается связь "пришел насмеяться" (а не "привел насмеяться").

Особую трудность вызывают незавершенные или эллиптические конструкции с опусканием указательных местоимений, обозначаемые у Раши термином *qsr* (букв. "короткий"). Вот как, например, комментируется оборот *wekol yeš lo*. "все есть у него" ("дал в его руку") в Быт. 39:4: "Это выражение (букв. "язык") короткое, лишнее *'ašer* (т.е. в нем недостает слова *что* "все, что есть у него..."). Аналогичны замечания к стихам Быт. 4:15, 39:14.

Сопряженная конструкция (смихут – при переводе она обычно соответствует генитивной конструкции) комментируется обычно в тех случаях, когда она допускает неоднозначную интерпретацию. Если неоднозначность затрагивает собственно выделение конструкции как таковой, противопоставленное иному установлению синтаксических зависимостей, то в качестве выделяющего эту конструкцию термина используется выражение *dabug hu'* (букв. "это – приклеенное"). Так выделяется, например *šipor kol kanap* "птица всякого крыла" (Быт. 7:14).

Примерно ту же функцию несет и трансформация комментируемой сопряженной конструкции – в комментарии приводится синонимическая конструкция с предлогом *šel*. Поскольку спектр употребления предложной конструкции в постбиблейском иврите не полностью совпадает с употреблением смихута, то такую трансформацию можно частично рассматривать и как толкование. Через трансформацию, например, толкуется сочетание *nišmat ruah* "дыхание духа", выделяющееся тем, что оно является частью "двойного" смихута: "дыхание духа жизни" (Быт. 7:22).

В других случаях толкуется собственно смысл конструкции. Характерно, что в отдельных случаях значение сопряженной конструкции, так сказать, разъясняется в самом тексте Библии – с помощью синонимических сочетаний, создающих особую разновидность семантического повтора. В таких случаях Раши, следуя общему принципу поиска несовпадающих оттенков в элементах повтора, пытается найти истолкование, отличное от разъяснения в тексте.

Так, Раши противопоставляет значения сочетания *peri 's* "дерево плода" (Быт. 1:11) и "сопровождающего" это сочетание (в том же стихе) оборота "делающее плод". В исходной сопряженной конструкции он видит приравнивание дерева к его плоду, дерево, представляющее собой плод. Для сочетания *ben zequnim* "сын старости" (Быт. 37:3) Раши приводит обычную интерпретацию ("сын, родившийся у стариков"), а

также альтернативную интерпретацию по таргуму Онкелоса ("мудрый сын"). В комментарии к Быт. 35:27 Раши приводит общее правило выражения определенности в сопряженной конструкции (артикл во втором слове конструкции), а в комментарии к Быт. 31:13 подчеркивается отступление от этого правила: "лишний" показатель определенности – артикл *H* – в первом слове конструкции.

Употребление местоимений и местоименных суффиксов связано с классической проблемой референции и часто вызывает замечания Раши. Например, в Быт. 39:16 объясняется что *'adonaw* "его господин" нужно понять как "господин Иосифа" (а не "одежды"). Подобное (но не слишком убедительное) замечание приводится для пояснения слова *ha'ele* "такие" в Быт. 2:4, 39:19.

Порядок слов часто связывается непосредственно с описываемой действительностью. Порядок следования однородных членов предложения при перечислении рассматривается как показатель важности перечисляемых объектов или хронологического порядка. Например, в Быт. 31:17 фрагмент "посадил детей своих и жен своих" отражает по мнению Раши действительный порядок усаживания по значимости. Сочетание "переночуйте и омойте ноги ваши" в Быт. 19:2 вызывает у комментатора необходимость объяснить столь нелогичный порядок описываемых действий.

Инверсный порядок слов выделяется как средство изменения смысла. Например, предшествование субъекта глаголу (обычно глагол предшествует субъекту) Раши связывает с отнесением события к более раннему периоду времени (Быт. 4:1).

4. ОСМЫСЛЕНИЕ СТИХА В ЦЕЛОМ

Отсутствие формальных средств выделения прямой и авторской речи ставит проблему границы между ними. Обычно перед прямой речью ставится какая-либо форма глагола *'MR* "говорить". Однако возникают спорные ситуации при употреблении более многофункциональных глаголов, а также при определении конечной границы прямой речи. Так, фрагмент *wayyehalelu 'ota 'el par'o* (Быт. 12:15) "и хвалили ее фараону" трактуется следующим образом: "хвалили между собой, говоря: подходящая эта для царя" (предлог *'el* может иметь значение адресата или цели, при переводе опускается или передается предлогами *для*, *к*).

В комментарии к Быт. 37:20, к словам "и увидим, что будет с его снами" приведена ссылка на мидраш: «Сказал рабби Ицхак: эта микра толкуется по драшу, дух святой говорит так. Они (братья Иосифа) сказали "убьем его", а Писание завершает – "и увидим, что будет с его снами" – увидим, чье слово исполнится, ваше или мое! И невозможно, чтобы сказали они "и увидим, что будет с его снами" так как если бы они убили его, лишились бы значения его сны» (аналогично в комм. к Быт. 2:24).

Почти во всех случаях отмечается, что частица *H* употребляется для ввода в о п р о с а: *lašon teymah* (букв. "язык удивления", например, в комм. к Быт. 16:13). При этом бывают и вопросы "утверждающие" ("есть удивления, которые устанавливают"), т.е. риторические – это замечание высказано в комм. к Быт. 17:17, где приведена и подборка риторических вопросов.

Делается вывод о поразумеваемом отрицании в стихе с "ложной" посылкой Быт. 13:16: фрагмент "если сможет кто счесть прах земной – так же и твое потомство сочтено будет" трактуется следующим образом: "как никто не может счесть прах, так и твое потомство не будет сочтено".

5. СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ

Как правило, отмечаются редкие слова, толкуются их значения, например, толкуется единственный раз употребленное слово *mešek* [в сочетании *ben mešek*, которое переводится "управитель" (Быт. 15:2)].

Часто для сопоставления приводится употребление однокоренных слов – таковы пояснения слова *tenu* "сопротивление" в Чис. 14:34. В качестве других обоснований могут быть приведены ссылки на переводы, например, по поводу слова *kikkar* "равнина" сказано: "равнина как в Таргуме" (комм. к Быт. 13:11).

Особое внимание вызывают многозначные слова, обсуждается выбор значения в данном контексте – так, в комм. к Быт. 18:4 подчеркивается, что в контексте "приклонитесь под деревом" имеется в виду именно дерево (а не деревянный предмет). Выбор значения часто обосновывается отсылкой к другому употреблению слова в том же значении – такие отсылки приводятся при обсуждении выбора значений "ребро" и "сторона" в Быт. 2:21.

Десемантизированное во многих употреблениях слово *dabar* (первичное значение – слово) часто толкуется буквально – например сочетание *'ahar haddebarim ha'ele* может быть понято не только "после этих слов", но и "после этого". Для объяснения этого сочетания в Быт. 22:1 комментатор считает необходимым привести имеющиеся в виду "слова" (после которых якобы происходят описываемые события).

Приводимая этимология часто дается не для раскрытия значений, а для подчеркивания коннотаций. Это поэтическая этимология, часто настолько не претендующая на истинный историзм, что для объяснения одного слова допускается много "этимологий". Например, чтобы подчеркнуть близость звучания слов *šamayim* и *mayim* "небеса и воды", приводится три варианта "вложения" вод в небеса: *šam mayim* "там воды", *se' mayim* "неси воды", *š wemayim* "огонь и воды" (Быт. 1:8).

С коннотацией связываются нюансы словоупотребления. Так, выбор в Быт. 1:1 имени Бога (*'elohim*), одно из значений которого – "судья", связывается с намерением Бога сотворить мир на основе правосудия. Для ряда слов просто указываются их хорошие или плохие коннотации. Так, говорится, что "всякое оглядывание – к плохому" (комм. к 18:16).

Часто указываемая коннотация – просто отсылки к созвучному слову. Например, в Быт. 4:26 *huḥal* "было начато" связывается с *ḥulin* "профанация" – начавшиеся наречения имен связываются с идолопоклонством.

Много внимания уделено толкованию служебных и кванторных слов.

* * *

Многие замечания Раши посвящены смежным – лингвостилистическим проблемам – метафоре, повторам, игре слов, вопросам композиции текста. Комментарий Раши включался в библейский текст на протяжении веков, с ним издается Библия и по сей день. Таким образом, этот комментарий постоянно воспитывал и лингвистическое сознание читателей Библии. По насыщенности лингвистическими заметками этому комментарию нечего противопоставить вплоть до настоящего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Раши* 1990 – Пятикнижие с толкованием Раши. Иерусалим, 1990.
Амусин И.Д. 1971 – Тексты Кумрана. М., 1971.
Bacher W. 1974 – Die Anfänge der hebräischen Grammatik und die hebräische Sprachwissenschaft vom 10 bis zum 16 Jahrhundert. Amsterdam, 1974.
Gesenius 1974 – Gesenius' Hebrew grammar as edited and enlarged by the late E. Kautzch / Translated by A.E. Cowley, 2-nd ed. Oxford, 1974.
Mikra 1988 – Mikra: Text, translation, reading and interpretation of the Hebrew Bible in ancient Judaism and early Christianity / Ed. M.J. Mulder. Philadelphia, 1988.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1997 г. В.В. ДЕМЕНТЬЕВ

**ИЗУЧЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ:
ОБЗОР РАБОТ В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ**

1. КОНЦЕПЦИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Изучение речевых жанров (далее – РЖ), наряду со звукоцентризмом, словоцентризмом и риторическим направлением, является одним из основных подходов к исследованию устной диалогической речи (см., например [Шмелева 1992: 5–8]), причем в последние десятилетия жанроцентризм претендует на лидерство и универсализм. Это обусловлено целым рядом причин, наиболее важными среди которых являются следующие. Во-первых, сейчас очень активно ведется поиск базовой единицы речи, которая, по мнению большинства исследователей, должна быть достаточно емкой, или крупной (поиск ведется на пересечении общей теории коммуникации, коллоквиалистики, стилистики, прагматики, лингвистики текста). Во-вторых, этому способствует прагматизация современной коллоквиалистики в целом.

Оба эти момента представлены в трудах М.М. Бахтина. Как известно, Бахтин не только разработал учение о РЖ, связь которого с теорией речевых актов сегодня общепризнана [см. Wierzbicka 1983: 126; Земская 1988: 39; Шмелева 1992: 8], но и выделил такие признаки высказывания (минимальной единицы речи), как целенаправленность, целостность и завершенность, непосредственный контакт с действительностью и непосредственное же отношение к чужим высказываниям (через оппозицию "Автор – Адресат"), смысловая полноценность (способность "быть действием", в том числе определять активную ответную позицию "другого") и, конечно, типичная воспроизводимая жанровая форма [Бахтин 1979: 247–254]. Таким образом, Бахтин фактически охарактеризовал все основные признаки речевого акта.

В настоящее время в литературе представлено множество определений жанра. В целом эти концепции можно разделить на три группы:

1. Первую группу составляют концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (Аристотель, Н. Буало). Однако такой подход, по-видимому, малопригоден для лингвистического изучения речи, поскольку он лишен необходимой гибкости и динамизма. В этом случае жанр понимается или очень узко (например, в БСЭ – только применительно к произведениям художественной литературы и искусства), или, наоборот, слишком широко. Так, в Лингвистическом энциклопедическом словаре [Винокур 1990: 381], энциклопедии "Русский язык" [1979] и в коллективной монографии "Русская разговорная речь" [РРР 1973] речь идет лишь о жанрах монолога, диалога и полилога (впрочем, в последней работе перечислены "распространеннейшие жанры диалога – дружеская беседа, непринужденная болтовня, разговоры двух лиц в семье, с соседом и т.д." [РРР 1973: 35]).

2. Вторая группа исходит из описания отдельных аспектов жанровой организации речи. В этих работах, безусловно, содержится много ценного, однако в них нет целостной и четкой концепции РЖ. В частности, отмечается существование стереотипов, устойчивых форм речи и речевого поведения [Шведова 1960; Скребнев 1985; Тарасов 1977; Соковнин 1974; Kadow 1987]; соответствие речевых действий типу действительности [Верещагин, Костомаров 1976: 152; Лаптева 1976; Наер 1987; Белл 1980; Черемисина 1990], Фрейбургская школа [Texte... 1975]; структурность [Демьянков 1981; Руделев 1984; Евтихьева 1991: 11–34]; вторичность составных элементов базовой единицы [Пешковский 1938; Жинкин 1982: 108–194]; отношение к интерпретации и классификации (В.Я. Пропп – для фольклорных жанров [Пропп 1976: 34–35]), [Леви-Стросс 1983; Демьянков 1981; Колшанский 1983; Левинтова 1990]; связь с речевым этикетом [Акишина, Формановская 1986]. К этой группе можно отнести также теорию "холодных культур" [Иванов 1988; Леви-Стросс 1983] и "прецедентных текстов" [Сорокин 1987: 144; Караулов 1987: 54]. В целом такой подход характерен для тех лингвистов, которые изучают с разных сторон разговорную речь, а также для стилистов, психолингвистов, социолингвистов, философов, этнографов и антропологов. Интересно, что несмотря на значительные различия, существующие между конкретными направлениями и школами, большинство из них осознанно или неосознанно приближаются к концепции РЖ Бахтина, предполагающей изучение различных аспектов диалога, (коммуникативного) синтаксиса, когнитивных аспектов коммуникации. Прежде всего это касается "диалогического единства" (далее – ДЕ).

ДЕ, согласно Н.Ю. Шведовой, – это сочетание реплики-стимула и реплики-реакции "по определенным правилам синтаксической зависимости" [Шведова 1960: 281]. Выделено оно было исследователями русской разговорной речи на рубеже 50-60 гг. и вначале рассматривалось исключительно со структурно-грамматической точки зрения [Святогор 1960: 19; М.Н. Орлова 1968; Лаптева 1974; Чахоян 1979: 67; Скуидло 1987: 59]. По мнению Н.Н. Гастевой, при таком подходе ДЕ "вырывались из диалогической структуры, в которую они входят" [Гастева 1990: 15–17]. К концу 70-х гг., когда в результате активного изучения РР было доказано что (в РР) смысловая организация высказываний гораздо важнее формальной ("принцип прева-лирования смысла над формой" В. Барнета [Barnet 1970]), стали считать возможным выделение ДЕ на основе и / или только (вместе со структурной) смысловой связи [Девкин 1979: 25; Колшанский 1984: 93]. С 80-х гг. большинство исследователей в качестве основного признает прагматический критерий [Fritz, 1982; Müller 1984; Комина 1984; Макаров 1990; Матвеева 1990; Баранов, Крейдлин 1992; Гастева 1990]. При таком подходе ДЕ усложняется до многочленного (оно больше, чем просто сочетание "стимул-реакция"), и необязательно должно иметь вопросительную исходную реплику [Святогор 1967; Гастева 1990]. Это вновь чрезвычайно сблизило понимание ДЕ с концепцией РЖ Бахтина.

3. Третью группу составляют исследования, опирающиеся на концепцию РЖ М.М. Бахтина. К ним относятся работы самого М.М. Бахтина и его последователей (а также некоторых последователей Дж. Остина, Р. Якобсона и др.): А. Вежицкой, Н.Д. Арутюновой, Ст. Гайды, Л.А. Капанадзе, Е.А. Земской, О.П. Ермаковой, И.П. Сусова, В.Е. Гольдина, В.В. Богданова, Г.Г. Почепцова, Е.В. Падучевой, Т.В. Матвеевой, Т.В. Шмелевой, В.И. Карасика, М.Л. Макарова, С.А. Сухих, С.И. Гиндина, В.В. Колесова и др. Рассмотрим эту концепцию подробнее.

Согласно М.М. Бахтину, человеческая речь в типичных ситуациях отливается в готовые формы РЖ, которые "даны нам почти так же, как родной язык". Богатство и разнообразие РЖ так же необозримо, как "неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности" [Бахтин 1979: 237]. РЖ, будучи "в общем гораздо гибче, пластичнее и свободнее языка" [Бахтин 1979: 258], в то же время "безличны", ибо являются "типической формой высказываний, но не самими высказываниями" [Бахтин 1979: 268]. Типическими для РЖ являются: коммуникативная ситуация, экспрессия и

экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого) [Бахтин 1979: 267], концепция адресата и концепция "наадресата" [Бахтин 1979: 305].

Огромное значение для теории РЖ имеет противопоставление Бахтиным первичных и вторичных РЖ [Бахтин 1979: 252].

РЖ характеризуется триединством тематического содержания, стиля и композиции высказываний [Бахтин 1979: 237–238], при этом понимание Бахтиным темы, стиля и композиции отличается от традиционного лингвистического – оно прагматично.

Порождение (употребление) РЖ, согласно Бахтину, происходит так: вначале появляется *з а м ы с л* – он определяет, с одной стороны, *п р е д м е т* р е ч и и его границы, предметно-смысловую исчерпанность и сочетается с предметом речи как субъективный момент высказывания с объективным в неразрывном единстве, очевидно, и являющееся *т е м о й* РЖ. С другой стороны, замысел определяет выбор жанровой формы: "Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п." Затем происходит обратное влияние: замысел сам корректируется избранным жанром, "складывается и развивается в определенной жанровой форме". В результате этого взаимного влияния складываются стиль и композиция. Наряду с этим моментом существует второй – экспрессивный, т.е. "субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания". Он также оказывает влияние на стиль и композицию [Бахтин 1979: 256–264]. Оба эти момента чрезвычайно осложняются влиянием чужих высказываний, или "диалогическими обертонами" [Бахтин 1979: 271–276].

Как видим, *т е м а* – первый аспект триединства, ближе всех стоящий к замыслу, – существенно отличается от предмета речи, поскольку она, если можно так выразиться, уже почти готова быть высказыванием. Это предмет речи, который в результате отбора, построения и организации стал таким, что по отношению к нему возможна ответная позиция (говоря современным языком, тема прагматична). *С т и л ь* РЖ – это модель, типическая форма, в которую отливается индивидуальный стиль высказывания, выражающий индивидуальность автора, и экспрессия, с которой стиль непосредственно связан. Стиль также прагматичен: он существует не в языке, а в конкретных высказываниях, включенных в контекст конкретной ситуации. Стиль – это как бы "почти выраженная" экспрессия, стиль, как и тема, готов к выражению определенной (экспрессивной) позиции говорящего и к определению, вынуждению ответной позиции. Третий аспект – *к о м п о з и ц и я* РЖ, – согласно Бахтину, является "определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения" [Бахтин 1979: 242]. Видимо, "композиция" – это *о р г а н и з а ц и я* целого, своеобразный метатекст, сеть (метатекстовых) перформативов, которая и способствует связи высказывания с действительностью (хотя, как мы только что показали, и тема, и стиль сами по себе уже связаны с действительностью). Композицию, конечно, совершенно недопустимо понимать как лишь формальную и потому наименее важную сторону высказывания. Композиция, как не раз отмечал Бахтин, – важнейший аспект РЖ!

✓ Сейчас понятие РЖ относится к числу важнейших теоретических представлений прагмалингвистики, стилистики, лингвистики текста, социолингвистики (впрочем, следует отметить, что в каждом случае в понимание РЖ, как правило, вносятся свои коррективы). Практическое владение набором (основных) РЖ считается существеннейшим аспектом речевой компетенции, а согласно В.Е. Гольдину и О.Б. Сиротининой, – каждой из шести "внутринациональных речевых культур" [Гольдин, Сиро-

¹ Из этого видно, сколь значителен был вклад Бахтина и в развитие теоретической риторики [Пешков 1995: 61]; ср. [Рождественский 1995: 10]. Правда, до самого последнего времени этот аспект оставался почти незамеченным.

тина 1993] Обласно В И Карасику, "владение речевым жанром есть одна из статусных характеристик личности" [Карасик 1992 135] Когнитивные знания о РЖ организованы в концептуальные системы, которые в последнее время активно описываются в терминах фреймов (см [Минский 1988, Филлмор 1988, ван Дейк 1989])

Вопрос о том, что является базовой единицей речи: речевой жанр (а речевой акт тогда – вторичной, производной от него) или речевой акт, не нашел окончательного решения в современной лингвистике. В любом случае очевидно, что теория речевых жанров разработана гораздо меньше, чем теория речевых актов. В частности, несмотря на существование обширной литературы по данному вопросу, до сих пор не принято единой типологии РЖ и учения о внутренней структуре РЖ.

2. ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Композицию РЖ Бахтин понимал как монологическую, хотя и пронизанную диалогическими обертонами [Бахтин 1979 243–244]. Уже последователи Бахтина, развивая его идею "вечного диалога", стали рассматривать РЖ как диалогическое единство. В этом случае "первичные РЖ" выступают в роли структурных элементов ДЕ, действительно переосмысливаясь в его целом. Как отмечает А. Вежбицка, предложившая соединить понятие РЖ Бахтина с теорией речевых актов, нужны, с одной стороны, понятия более элементарные, чем речевой акт (структурные элементы РА), с другой стороны – более крупные (речевой жанр) [Wierzbicka 1983 134]. Это делает возможным изучение РЖ как системно-структурного феномена, представляющего собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом. Тем самым появляются самые широкие возможности для изучения структуры диалогических единств.

По мнению А. Вежбицкой, популярность теории речевых актов (например, по сравнению с идеей "языковых игр" Л. Витгенштейна) связана с аксиоматичным признанием существования какого-то, возможно, конечного набора речевых актов – маленьких и разнообразных единиц, близких традиционным объектам языкознания' [Wierzbicka 1983 128]. Выбор структурных элементов РЖ из этого набора соотносим со 'стилем РЖ' Бахтина.

Сейчас существует довольно много классификации РА, построенных на различных основаниях. Наиболее распространенным является иллокутивно-перформативный критерий, впервые примененный в ставших классическим типологиях Дж. Остина [Остин 1986], Дж. Серля и Д. Вандервекена [Серль 1986, Серль, Вандервекен 1986 180], см. также [Почепцов 1987, Апресян 1986 208–233, Козловская 1993] и др.

К классификациям, основанным на других критериях, относятся, например, таксономии Дж. Лича [Leech 1983], Т. Баллмера и В. Бренненштуль [Ballmer, Brennenstull 1981], Д. Г. Богушевича [Богушевич 1988], У. Стайлза [Stiles 1981].

У Стайлза разрабатывается 8-классная таксономия, основанная на трех принципах: источник опыта (отражает ли высказывание идеи, сведения, чувства и поведение говорящего или адресата), структура референции (описывается ли говорящим опыт со своей точки зрения или с точки зрения, которую он разделяет с адресатом), фокус (знание или незнание говорящим опыта или структуры референции адресата [Stiles 1981]).

Т. Баллмер и В. Бренненштуль строят классификацию по многоступенчатому иерархическому принципу. Выделяются шесть общих "моделей": волюнтаривная (воздействие на другого), языковой борьбы, дискурсивная (внешняя организация разговора, типы разговора), текстовая (производство, получение, манипулирование текстами) и др. [Ballmer, Brennenstull 1981 131].

Последние три классификации (Т. Баллмера и В. Бренненштуль, Д. Г. Богушевича и У. Стайлза), учитывающие адресата высказываний, являются таксономиями единиц речевого не действия, но взаимодействия, т. е. имеют дело с последовательностями (хотя бы на уровне последовательности "стимул-реакция") и объясняют не только

парадигматику, но частично и синтагматику РА как структурных элементов РЖ. Абсолютное большинство исследований последней посвящено именно двухчленным единствам, и прежде всего – вопросо-ответным [Чахоян 1979: 67, Бырдина 1985, М. Н. Орлова 1968].

Основатель "теории сложных речевых актов" В. И. Карабан, анализируя возможные отношения между иллокутивными целями (включенность, тождество и отношение способствования, по Л. Ельмслеву), выводит три типа сложных (двучленных) речевых актов: 1) комплексный акт с отношением субординации между компонентными простыми актами, 2) композитный акт с отношением координации между компонентами, 3) составной акт, в котором компонентные акты связаны отношением специфического способствования [Карабан 1989: 14].

Поскольку ДЕ "стимул-реакция" неизбежно вырывается из структуры целого диалога и отражает лишь одну локальную и однонаправленную связь между двумя линейно последовательными репликами, в настоящее время ведутся активные поиски другой единицы диалога, более содержательной и более соответствующей сути диалога. Поиски эти идут в нескольких направлениях.

Часть лингвистов отмечает соотносительность ДЕ со сверхфразовым единством в монологической речи [Валгина 1978, Москальская 1981, Ковалева 1980, Серкова 1978, Бурвикова 1981, Борботько 1981]. Сюда же можно отнести и работы Н. Д. Тамарченко предлагающего исследовать отпечатки диалогичности (внешняя адресованность, семантическая двойственность) отдельных реплик входящих в диалог [Тамарченко 1982: 40]. Эти исследователи изучают диалогические тексты в категориях 'последовательности', 'главы (абзаца)', 'ключевого слова'. Однако большинство исследователей исходит прежде всего из диалогической сущности разговорного текста.

А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин вводят термин "минимальная диалогическая единица (МДЕ)" [Баранов, Крейдлин 1992: 85], опирающийся на понятие иллокутивного вынуждения. "Минимальная диалогическая единица, или минимальный диалог – это последовательность реплик двух участников диалога – адресанта и адресата, – характеризующаяся следующими особенностями: (i) все реплики в ней связаны единой темой, (ii) она начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым речевым актом, (iii) в пределах этой последовательности все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены, (iv) внутри данной последовательности не существует отличной от нее подпоследовательности, которая удовлетворяла бы условиям (i) – (iii)". [Баранов, Крейдлин 1992: 94]. РА является независимым, когда его производит человек согласно своим интенциям, РА зависим, когда его появление в диалоге предшествующий РА.

Изучением закономерностей "вынуждения" появления РА [предыдущим(и) РА, собственной прагматической валентностью, контекстом ситуации, а также социальными и психологическими мотивами каждого из коммуникантов] занимались многие исследователи – например, Н. И. Жинкин ("уровни развертывания текста") [Жинкин 1982], Т. А. ван Дейк и В. Кинч (понятие "текстового структуратора") [ван Дейк, Кинч 1988].

Существует обширная литература о тема-рематическом развитии диалога, опирающаяся на идеи В. Матезиуса. О. Йокояма предлагает описывать развитие последовательности высказываний при помощи шкалы импозиции, т. е. навязывания собеседнику неадекватной темы разговора [Йокояма 1992: 95–98]. О. Йокояма использует понятие коммуникативного динамизма Я. Фирбаса – способность данного элемента к развитию дискурса, то, что "толкает" его вперед [Firbas 1971: 135–136]. Чем более контекстуально независим элемент, тем выше его степень коммуникативного динамизма.

В. Г. Гак, разработавший учение о "номинативной цепочке" [Гак 1972], Н. И. Серкова [Серкова 1978], И. Н. Сметюк [Сметюк 1994], И. Э. Давкова [Давкова 1994] и исследователи семантической когерентности текста (в том числе разговорного) из бывшей ГДР [Harweg 1968, Steinitz 1968, Isenberg 1968, Viehweger 1976, Heinemann

1982] опираются на понятия "основной предмет речи", "семантическое сходство" (часто тождество) и "отражение" высказываний в тексте, "тематическая петля", "подтема". Изучением тематических прогрессий занимаются Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн [Мурзин, Штерн 1994: 31], М.Л. Макаров [Макаров 1990: 44], О.Н. Селиверстова и Л.А. Прозорова [Теория функциональной грамматики 1992], Н.И. Теплицкая [Теплицкая 1984] и др. Т.В. Матвеева предлагает заменить термин "номинационная цепочка" В.Г. Гака термином "цепочка хода мысли" [Матвеева 1990: 22] и добавляет к "линейным" текстовым категориям (к которым относятся цепочки) "полевые" и "объемные" [Матвеева 1990: 16–20]. На порождение/структурирование текста ориентированы наиболее разработанные психолингвистические модели с центральной проблемой реализации целей и плана говорящего в конкретных условиях коммуникации в соответствии с определенной композиционной схемой [Леонтьев 1969; Зимняя 1976; Сорокин 1987; Ахутина 1989; Щедровицкий 1975]. В последнее время все более популярными становятся модели порождения текста "с прагматическим фокусом" – прежде всего тема-рематического типа [Fritz 1982: 51; Müller 1984; Viehweger 1984; Güllich 1985, Lindemann 1987; Макаров 1990].

Перечисленные модели порождения текста являются моделями "горизонтального" типа (согласно Р. Харвегу и Т.М. Николаевой [Harweg 1973; Николаева 1978]). Концептуально ближе к идее РЖ (фрейма) "вертикальные" модели [Ballmer, Brennenstull 1981; ван Дейк 1989; Макаров 1990; Гастева 1990; Черемисина 1990]. Коммуникант вначале "выбирает" определенный РЖ, в рамках которого он собирается вести коммуникацию². Избранный РЖ предоставляет в распоряжение коммуниканта корпус "своих" РА и некоторые "предписания" относительно их последовательности. Таким образом, коммуникант отбирает средства не просто из континуума коммуникативных актов, но из хранящихся в виде особых параметров фрейм-модели РЖ наборов (классов) средств, объединенных общностью (прагматической) роли в организации дискурса соответствующего речевого жанра – обязательные и факультативные РА, порождающие и непорождающие и т.д. Понятие порождающего РА используют М.Л. Макаров [Макаров 1990], С.Н. Черемисина (текстообразующая функция тезиса в композиционно-речевой форме РАССУЖДЕНИЕ) [Черемисина 1990], Н.Н. Гастева ("ДЕ-образующая" функция реплик) [Гастева 1990]. Это положение явно соотносится со словами Бахтина: "... во всякую эпоху есть свои слова и выражения, употребление которых воспринимается как известный сигнал говорить вольно, называть вещи своими именами, говорить без умолчаний и эвфемизмов ..." [Бахтин 1990: 207]. Обязательные РА также можно разделить на конституциональные и неконституциональные. Конституциональные РА выражают сущность РЖ, их прагматическая семантика без остатка входит в прагматическую семантику РЖ, например, РА приказ в РЖ ПРИКАЗ. Благодаря этому качеству конституциональных РА возможно описание целого РЖ через (один) конституциональный РА – в этом случае, конечно, нельзя претендовать на абсолютно точные результаты исследований, зато сами исследования чрезвычайно упрощаются. По этому пути идет А. Вежбицка [Wierzbicka 1983] – определяемая ею "глубинная структура" речевых жанров есть не что иное, как характеристика одного конституционального РА.

Понятие динамической структуры РЖ впервые встречается у Т. Баллмера и В. Бренненштуля, предлагающих структурную модель речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов. Взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме "порождение – нарастание до высшей точки – спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ" [Ballmer, Brennenstull 1981]. К "обязательному" в динамической структуре РЖ относятся не только РА, но их порядок. Об этой особенности структуры РЖ писал еще Бахтин: "... как высказывание (или часть высказывания) ни одно предложение, даже однословное, никогда не может повторяться: это всегда новое высказывание (хотя бы цитата)... В

² О проблеме, связанной с критериями выявления отдельных РЖ, см в следующем разделе статьи

пределах одного и того же высказывания предложение может повторяться..., но каждый раз это новая часть высказывания" [Бахтин 1979: 286–287].

В кандидатской диссертации Н.Н. Гастевой, посвященной диалогическим единствам, высказывается мысль, что "... в более или менее длительном разговоре" реакции на повествовательные высказывания "... типичны, характерны для ведения диалога, они принципиально обязательны ... и отражают его (диалога – В.Д.) сущность" [Гастева 1990: 96]. Н.Н. Гастева принимает прагматическое основание для выделения ДЕ и анализирует отдельные реплики с точки зрения их роли в целом ДЕ. Так, опираясь на И.П. Святогора [Святогор 1967] и частично переосмысливая его, она называет в и д е р е а г и р у ю щ и х р е п л и к (в порядке убывания частотности): 1) согласия, подтверждения; 2) "оценка"; 3) уточняющие вопросы; 4) несогласия, возражения; 5) "подхваты"; 6) переспросы; 7) "сопоставления" ("а у нас..."); 8) "уяснения" ("а-а, вон оно что!") [Гастева 1990: 101–103].

3. ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

В настоящее время не существует единой удовлетворительной типологии РЖ. В лучшем случае, это списки РЖ, по возможности подробные [Hymes 1977; Wierzbicka 1983]. При рассмотрении списков РЖ нельзя не упомянуть В.М. Панова, более тридцати лет назад назвавшего ряд РЖ как фактор, играющий важную роль в развитии русского языка [Панов 1962: 97–98; Панов 1963]. К разработкам в этой области также можно отнести "синтагматические" классификации РА (см. предыдущий раздел статьи). Во многом это объясняется объективной сложностью рассматриваемого явления, однако главная трудность, с которой сталкивается исследователь, строящий типологию РЖ, – поиск адекватного основания классификации. Каждому из использовавшихся оснований присущи определенные недостатки. С помощью иллюкативно-перформативного критерия, наиболее распространенного в прагмалингвистике, трудно свести воедино а) жанры с очень специфическими целями, например, флирт, розыгрыш, б) различные "пустые" разговоры, коммуникативная цель которых подчас весьма неопределенна. Методика компонентного анализа (например [Хаймс 1975; Hymes 1977]) удобна, когда один РЖ противопоставлен другому по одному дифференцирующему признаку (в реальной речи РЖ противопоставлены обычно целым комплексом признаков, например, флирт – дружеской беседе). У М.М. Бахтина нет ничего похожего на типологию РЖ. Если и приводятся подряд несколько (названий) РЖ, то в основном как иллюстрация того, как разнородны РЖ и как вследствие этого затруднено их изучение: БЫТОВОЙ ДИАЛОГ и БЫТОВОЙ РАССКАЗ, ПИСЬМО, ВОЕННАЯ КОМАНДА, РАЗВЕРНУТЫЙ ПРИКАЗ и СЛОВЕСНЫЕ СИГНАЛЫ НА ПРОИЗВОДСТВЕ, ДЕЛОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ и НАУЧНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ, ПОГОВОРКА, РОМАН и другие литературные РЖ, РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ УСТНОГО ДИАЛОГА – САЛОННОГО, ФАМИЛЬЯРНОГО, КРУЖКОВОГО, СЕМЕЙНОГО, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО, ФИЛОСОФСКОГО и др. [Бахтин 1979: 237–238], а также РЖ "непубликуемых сфер внутренней речи" [Бахтин 1979: 297]. Бахтин прямо говорит: «Номенклатуры устных» речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры» [Бахтин 1979: 259].

✓ Работа в этом направлении развернулась в основном после Бахтина [Кожевникова 1979; Brown, Yule 1983; Земская 1988: 42–43; Шмелева 1992; Арутюнова 1992; Н.В. Орлова 1995].

Т.В. Шмелева выделяет четыре класса РЖ: информативные, оценочные, перформативные (формируют события социальной действительности: ПРИВЕТСТВИЯ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ и т.д.), императивные ("содействуют" осуществлению событий с разной степенью императивности: ПРОСЬБЫ, СОВЕТЫ и т.д.) [Шмелева 1992 : 12–13].

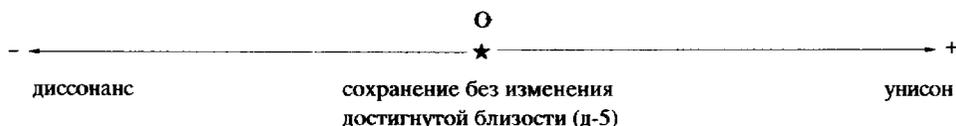
Кв. Кожевникова выделяет три класса РЖ (текстов, типизированных с жанрово-коммуникативной точки зрения): 1. Тексты, содержание которых строится по более или менее жестким, но всегда облигаторным информативным моделям (инструкция, рецепт, театральная афиша). 2. Тексты, содержание которых строится по узуальным информативным моделям (например, газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение). 3. Тексты не регламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со стороны жанрово-коммуникативной (например, частная переписка) [Кожевникова 1979 : 53–54].

Г. Браун и Г. Гюль выделяют три "вида SECE" (английской литературно-разговорной речи): Phatic 1 (контактоустанавливающие формы), Phatic 2 ("светский разговор" и т.д.), Meaningful talk (собственно трансакциональное общение, "информативная речь" [Brown, Yule 1983]).

Пятичленная типология Н.Д. Арутюновой основана на иллокутивном критерии. Выделяются: д-1 информативный диалог; д-2 прескриптивный диалог; д-3 обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (СПОР, ДИСКУССИЯ), д-4 диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений; д-5 праздноречевые жанры [Арутюнова 1992 : 53–55].

Во всех типологиях обращает на себя внимание отчетливое противопоставление жанров информативной речи и жанров фатической речи (далее ИРЖ и ФРЖ). При этом если при определении ИРЖ между исследователями нет больших разногласий (группы д-1, д-2 и д-3 выделяются практически всеми (см., например [Богданов 1989; Невзорова 1985; Макаров 1990; Богушевич 1988; Черемисина 1990; Архипов 1974; Стожар 1980]), то в понимании ФРЖ нет такого единства. Это связано с тем, что сам термин "фатическая коммуникация" до последнего времени употреблялся в двух разных значениях, которые условно можно обозначить как "линию Б. Малиновского" и "линию Р. Якобсона". Долгие дискуссии о сущности фатической коммуникации, в частности, противоречие между последователями Б. Малиновского и последователями Р. Якобсона (см. [Жумагулова 1983]), завершили работы Т.Г. Винокур (например [Винокур 1993]), в которых, однако, почти ничего не говорится о ФРЖ.

Анализируя ФРЖ с целевой точки зрения, Н.Д. Арутюнова выделяет среди них две группы жанров: фатические, или праздноречевые, жанры, не имеющие непосредственной цели (д-5), и жанры, имеющие целью установление или регулирование межличностных отношений (д-4), распределенные по шкале А.Р. Балаяна (от унисона, или искренних признаний и комплиментов, до диссонанса, или ссор и выяснений отношений) [Арутюнова 1992: 52–56; Балаян 1971]. Другие исследователи обращают внимание на то, что у жанров д-4 и д-5 много общего: все истинное содержание коммуникации составляет вступление в контакт, организация ситуации общения и личности коммуникантов (остальное можно понимать как косвенность). Жанры д-5 так же, как д-4, направлены на межличностные отношения: они сохраняют достигнутую близость. Все ФРЖ можно расположить на шкале А.Р. Балаяна, при этом жанры д-5 занимают одну точку посередине шкалы:



Шкала межличностных отношений является наиболее распространенным основанием типологий ФРЖ. М.М. Бахтин писал: «Новый тип общения всегда порождает и новые формы речевой жизни: новые речевые жанры, переосмысление или упразднение некоторых старых форм и т.п.... Например, когда двое вступают в близкие приятельские отношения, дистанция между ними уменьшается (они на "короткой ноге"), и потому формы речевого общения между ними резко меняются: появляется фамильярное "ты", меняется форма обращения и имени..., появляются бранные выражения,

употребляемые в ласковом смысле, становится возможным взаимное осмеяние (где нет коротких отношений, объектом осмеяния может быть только кто-то "третий"...» [Бахтин 1990 : 22]. Т.В. Матвеева считает "катеорию согласия-несогласия" одной из главных "линий целостности" непринужденных диалогов – "тональным единством диалога" [Матвеева 1994 : 138] и связывает понимание диалога А.К. Михальской, вовлекающей в речеведческий оборот концепцию этногенеза Л.Н. Гумилева ("гармоничный диалог, нацеленность на его психологический результат – радость от общения – рождают ... общие эстетические переживания на основе общего ритма речевого поведения") и Ш. Балли, трактующего разговорный диалог как борьбу за преобладание в преодолении препятствий психологического порядка [Матвеева 1994 : 127, Михальская 1992; Балли 1961 : 325–332]. Близким к указанным является противопоставление "коммуникативной зоны доброжелательного контактирования" "анти-этикету" – зоне разного рода разрыва речевых контактов [Формановская 1995 : 193] и теория проксемики [Hall 1969]. Т.Г. Винокур также делит фатическую роль на виды в зависимости от оппозиции "близкие-неблизкие отношения", правда, ее шкала по сравнению со шкалой А.Р. Балаяна не имеет "левой части": "...между незнакомыми людьми – завязать знакомство, скоротать время в условиях вынужденного совместного пребывания (в транспорте, в очереди)..., между мало знакомыми – укрепить знакомство, при случайном знакомстве – соблюсти правила вежливого поведения, когда молчать неловко..., между хорошо знакомыми людьми – сохранить сложившийся тип отношений..." [Винокур 1993 : 139–140]. Праздноречевые жанры, или SMALL TALK, широко описаны в лингвистической и этнолингвистической литературе, литературе по речевому этикету и т.д. [Malinowski 1936; Драздаускене 1970; Формановская 1989 : 20–21; Капанадзе 1989; Wodak 1986: 134; Kaplan, Manners 1972 : 58; Гольдин 1986; 1987; Соловьева 1965]. Относительно хорошо изучены ФРЖ "правой" части типологии: ПРИЗНАНИЯ, КОМПЛИМЕНТЫ, ИСПОВЕДИ / ПРОПОВЕДИ и т.п. Так, "неформальное, интимное общение" описывается Н.И. Формановской. Отмечается, например, что ИСПОВЕДЬ и РАЗГОВОР ПО ДУШАМ "не выносят присутствия постороннего" [Формановская 1989 : 26]. Существует большая литература о КОМПЛИМЕНТАХ [Pomerantz 1978; Manes 1983; Wolfson 1983; Петелина 1985; Herbert 1989 : 23; Lewandowska-Tomaszczyk 1989; Chaika 1989; Иссерс 1995]. Структура ИЗВИНЕНИЯ описана [Goffman 1972; Cohen et al. 1981]. О ФРЖ "левой" части говорят, например, В.И. Жельвис (ИНВЕКТИВЫ) [Жельвис 1985]: отмечается, что цель инвективы связана с причинением морального урона оскорбляемой стороне, и Н.А. Чекменева (СПОР, ССОРА) [Чекменева 1986]³.

*

Итак, "проблема речевых жанров", о которой говорил Бахтин, еще далеко не решена. Отметим в заключение, что проблема эта не исчерпывается рассмотренными здесь аспектами. Например, не получил окончательного ответа вопрос об идентификации РЖ. "Жанры постоянно текут, следуют, переплетаются естественно и быстро" [Капанадзе 1988 : 230], и важнейший вопрос о членении дискурса на отдельные РЖ остается пока открытым. В современной прагматике господствует иллюкутивный критерий. Основанием идентификации РЖ считаются цели: есть новая цель – есть новый РЖ. Подобный схематизм, крен в сторону иллюкутивного компонента речевого акта и привел прагматику, как писала Т.Г. Винокур, к

³ Ср. также выделенные В.И. Карасиком способы выражать отрицательное отношение к партнеру "обходя" эмоциональный самоконтроль и соблюдение этикета на персональной и социальной дистанции [Карасик 1992]. "косвенные вопросы, имеющие иллюкутивную силу упрека, порицания, выражения недовольства, нанесения обиды", рассматриваемые Е.А. Земской как разновидности проявления невежливости [Земская 1994], понятия манипулирования [Yokoama 1988] и "лингвистической демагогии" [Николаева 1988].

некоторому кризису, когда в центре внимания оказались модели и прагмалингвистика перестала соответствовать своему назначению – быть наиболее личностно-ориентированной и наиболее связанной с действительностью внешнелингвистической дисциплиной [Винокур 1993 20–21].

Интерес исследователей к изучению речевых жанров сейчас явно повышается. За последние пять-восемь лет появилось больше работ по этой проблеме, чем за предыдущие пятьдесят. Актуальность изучения речевых жанров обусловлена, как нам представляется, прежде всего тем, что современная научная парадигма в языкознании имеет в целом функциональный характер. Более частными причинами можно считать становление антропологической лингвистики и "возрождение" российской риторической школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишина А А *Формановская Н И* 1986 – Русский речевой этикет М 1986
- Апрелян Ю Д 1986 – Перформативы в грамматике и словаре // ИАН СЛЯ 1986 № 3
- Арутюнова Н Д 1992 – Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация модальность денксис М, 1992
- Аршипов А Ф 1974 – Синтаксические особенности речевого жанра радиointервью (на материале радиовещания ГДР) Автореф дис канд филол наук М, 1974
- Алутина Т В 1989 – Порождение речи нейролингвистический анализ синтаксиса М 1989
- Балаян А Р 1971 – Основные коммуникативные характеристики диалога Автореф дис канд филол наук М, 1971
- Балли Ш 1961 – Французская стилистика М 1961
- Баранов А Н *Крейдлин Г Е* 1992 – Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ 1992 № 2
- Бахтин М М 1979 – Эстетика словесного творчества М, 1979
- Бахтин М М 1990 – Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса М 1990
- Бела Р 1980 – Социоллингвистика цели, методы и проблемы М, 1980
- Богданов В В 1989 – Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения Калинин 1989
- Богшневич Д Г 1988 – Опыт классификации эпизодов вербального общения // Языковое общение процессы и единицы Калинин 1988
- Борботько В Г 1981 – Элементы теории дискурса Грозный 1981
- Бурвилова (Зарубина) Н Д 1981 – Закономерности линейной структуры монологического текста Автореф дис докт филол наук М 1981
- Бырдина Г В 1985 – Конструктивная роль исходной реплики в диалогическом вопросе-ответном единстве Автореф дис канд филол наук Воронеж 1985
- Валгина Н С 1978 – Синтаксис современного русского языка М 1978
- Верещагин Л М *Костомаров В Г* 1976 – Язык и культура // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного М, 1976
- Винокур Т Г 1990 – Полилог // ЛЭС М 1990
- Винокур Т Г 1993 – Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения М 1993
- Гак В Г 1972 – Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972 М 1973
- Гастева Н Н 1990 – Диалогическое единство в разговорной речи Дис канд филол наук Саратов 1990
- Гольдин В Е 1986 – К проблеме системного представления функций языка // Язык и общество. Отражение социальных процессов в лексике Саратов 1986
- Гольдин В Е 1987 – Обращение теоретические проблемы Саратов, 1987
- Гольдин В Е *Сиротинична О Б* 1993 – Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики Вып 25 Саратов 1993
- Давкова И Э 1994 – Отраженная речь при диалоговом взаимодействии Автореф дис канд филол наук М, 1994
- Девлин В Д 1979 – Немецкая разговорная речь Синтаксис и лексика М 1979
- Дейк Г А ван 1989 – Язык познание, коммуникация М 1989
- Дейк Г А ван *Кинч В* 1988 – Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике Вып 23 М, 1988
- Демьянков В З 1981 – Прагматические основы интерпретации высказывания // ИАН СЛЯ 1981 № 4

- Драздаускене М-Л А* 1970 – Контактостанавливающая функция речи Автореф дис канд филол наук М, 1970
- Евстильева Л Ю* 1991 – Структура и терминология свадебного обряда Дис канд филол наук Тамбов, 1991
- Жельвис В И* 1985 – Инвектива опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения Л. 1985
- Жинкин Н И* 1982 – Речь как проводник информации М 1982
- Жмагулова Б С* 1983 – Категория контактности между партнерами коммуникации // Прагматика и структура текста Сб науч трудов МГПИИЯ им М Тореза Вып 209 1983
- Земская Е А* 1988 – Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи М 1988
- Земская Е А* 1994 – Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка Язык речевых действий М, 1994
- Зимняя И А* 1976 – Психолингвистическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения М, 1976
- Иванов В В* 1988 – Семантика, этнолингвистика и фольклор О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых форм фольклора // Этнолингвистика текста М, 1988
- Иссерс О С* 1995 – Речевая тактика комплимента в разговорной речи // Речь города Тезисы докладов Всероссийск межвузовск науч конференции Омск 1995
- Июкова О* 1992 – Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // ВЯ 1992 № 6
- Капанадзе Л А* 1988 – О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи М 1988
- Капанадзе Л А* 1989 – Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность М 1989
- Карабан В И* 1989 – Сложные речевые единицы Прагматика английских асиндетических полипредикативных образования Киев, 1989
- Карасик В И* 1992 – Язык социального статуса М, 1992
- Караулов Ю Н* 1987 – Русский язык и языковая личность М, 1987
- Ковалева Л М* 1980 – К вопросу о выделении единицы объединяющей последовательность предложения в тексте // Сб науч трудов МГПИИЯ им М Тореза М 1980 Вып 151
- Коженикова К* 1979 – Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста М 1979
- Козловская Г Л* 1993 – Экспрессивные формы с суффиксами ласкательности и уменьшительности в коммуникативном аспекте Автореф дис канд филол наук М, 1993
- Колчанский Г В* 1983 – Коммуникативные основы адекватной интерпретации семантики текста // Содержательные аспекты предложения и текста Калинин, 1983
- Колчанский Г В* 1984 – Коммуникативная функция и структура языка М, 1984
- Кочина Н А* 1984 – Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи Автореф дис канд филол наук Киев, 1984
- Лаптева О А* 1974 – Устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка и другие его компоненты // Вопросы стилистики Вып 8 Саратов, 1974
- Лаптева О А* 1976 – Русский разговорный синтаксис М, 1976
- Леви Стросс К* 1983 – Структурная антропология М 1983
- Левинтова Е Н* 1990 – Место жанра в интерпретации // Общая стилистика теоретические и прикладные аспекты Калинин, 1990
- Лонтьев А А* 1969 – Язык, речь, речевая деятельность М 1969
- Макаров М Л* 1990 – Коммуникативная структура текста Гверь, 1990
- Матвеева Т В* 1990 – Функциональные стили в аспекте текстовых категорий (Синхронно сопоставительный очерк Свердловск 1990
- Матвеева Т В* 1994 – Непринужденный диалог как текст // Человек – текст – культура Екатеринбург 1994
- Мишский М* 1988 – Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике М 1988 Вып XXIII
- Михальская А К* 1992 – Пути развития отечественной риторики утрага и поиски речевого идеала // ФН 1992 № 3
- Москальская О И* 1981 – Грамматика текста М 1981
- Мурзин Л Н Штерн А С* 1991 – Текст и его восприятие Свердловск, 1991
- Наер В Л* 1987 – К проблеме жанра в системе функционально-стилевой дифференциации языка // Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации Вып 286 М, 1987
- Невзорова Г Д* 1985 – Коммуникативная направленность вопросительного высказывания // Проблемы коммуникативной лингвистики Грозный, 1985

- Николаева Т М* 1978 – Лингвистика текста Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике М 1978 Вып X
- Николаева Т М* 1988 – Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности М 1988
- Орлова М Н* 1968 – О характере соотношения вопроса и ответа в диалогической речи // Вопросы синтаксиса русского языка Уфа 1968 Вып 29
- Орлова Н В* 1995 Прагматика стилистика риторика смежных речевых жанров // Речь города Тезисы докл Всероссийск межвузовск научн конференции Омск 1995
- Остин Дж Л* 1986 Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике М 1986 Вып XVII
- Панов М В* 1962 – Русский язык и советское общество Проспект Алма Ата 1962
- Панов М В* 1963 – О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка М 1963
- Петелина Е С* 1985 Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести // Синтагматический аспект коммуникативной семантики Нальчик 1985
- Пешков И В* 1995 – Подступы к типологии речи Аристотель и Розеншток Хюсси (о)познание времени или время говорить? // Риторика 1995 № 1 М 1995
- Пешковский А М* 1938 – Русский синтаксис в научном освещении М 1938
- Полецов Г Г* 1987 – Коммуникативные аспекты семантики Киев 1987
- Пропт В Я* 1976 – Фольклор и действительность М 1976
- Рождественский Ю В* 1995 О термине риторика // Риторика 1995 № 1 М 1995
- РРР 1973 Русская разговорная речь М 1973
- Рудев В Г* 1984 – Принципы сегментации поэтической речи // Фольклор и поэтика Воронеж 1984
- Русский язык 1979 – Русский язык Энциклопедия М 1979
- Святогор И П* 1960 – О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи Калуга 1960
- Святогор И П* 1967 – Типы диалогических реплик в современном русском языке Автореф дис канд филол наук М 1967
- Серкова Н И* 1978 – Предпосылки членения текста на сверхфазовом уровне // ВЯ 1978 № 8
- Серль Дж Р* 1986 Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике М 1986 Вып XVII
- Серль Дж Р Вандервекен Д* 1986 – Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике М 1986 Вып XVIII
- Скрбнев Ю М* 1985 Введение в коллоквиалистику Саратов 1985
- Скшидло А Я* 1987 Синонимия в диалогической речи Иркутск 1987
- Смтук И Н* 1994 – Диалогический текст коммуникативно динамический и лингводидактический аспекты Пермь 1994
- Сокловин М В* 1974 О природе человеческого общения Опыт философского анализа Фрунзе 1974
- Сотоявья А К* 1965 – О некоторых общих вопросах диалога // ВЯ 1965 № 6
- Сорокин Ю А* 1987 – Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста М 1987
- Тамарченко Н Д* 1982 – Художественный диалог и проблема завершения реалистического романа // Жанр и проблема диалога Махачкала 1982
- Тарасов Е Ф* 1977 – Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально культурная специфика речевого поведения М 1977
- Теория функциональной грамматики 1992 – Субъектность Объектность Коммуникативная перспектива высказывания Определенность / Неопределенность СПб 1992
- Тепицкая Н И* 1984 – Диалог с позиции теории актуального членения // ФН 1984 № 4
- Филтмор Ч* 1988 – Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике М 1988 Вып XXIII
- Формановская Н И* 1989 – Речевой этикет и культура общения М 1989
- Формановская Н И* 1995 – Учение В В Виноградова о междометиях и речевой этикет // Международная юбилейная сессия посвященная 100 летию со дня рождения акад Виктора Владимировича Виноградова Тезисы докладов М 1995
- Лалич Д Х* 1975 – Этнография речи // Новое в лингвистике М 1975 Вып 7
- Чахоян Л П* 1979 – Синтаксис диалогической речи современного английского языка М 1979
- Чекменева Н А* 1986 Речевые акты взаимного неодобрения со значением спора и ссоры в современном английском языке // Речевые акты в лингвистике и методике Пятигорск 1986
- Черемисина С Н* 1990 – Текстобразующая функция тезиса в композиционно речевой форме рассуждение // Текстобразующие потенции языковых единиц и категории Барнаул 1990
- Шведова Н Ю* 1960 – Очерки по синтаксису русской разговорной речи М 1960
- Шмелева Т В* 1992 – Повседневная речь как лингвистический объект // Русистика сегодня Функционирование языка лексика и грамматика М 1992

- Шедровицкий Г П* 1975 – Исходные представления и категориальные средства теории речевой деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем проектирования М 1975
- Ballmer Th Biennenstull W* 1981 – Speech act classification A study in the lexical analysis of English speech activity verbs Berlin 1981
- Barnet Vl* 1970 – Jaky je lingvisticky status hovorove ruštiny? // Československa rusistika 1970 № 2
- Brown G Yule G* 1983 – Discourse analysis London Cambridge 1983
- Chaika E* 1989 – Language The social mirror 2 nd ed Cambridge Newbury 1989
- Cohen A D et al* 1981 – Cohen A D Olshtain E Rosenstein D S Advanced EFL apologies what remains to be learned? // International journal of the sociology of language 27 1981
- Furhas J* 1971 – On the concept of communicative dynamism in the theory of functional sentence perspective // Sbornik prací filosofické fakulty brněnské university A (19) Brno 1971
- Fritz G* 1982 – Kohärenz Grundfragen der Dialoganalyse Tübingen 1982
- Goffman E* 1972 – Relations in public Microstudies of the public order Harmondsworth 1972
- Gulich E* 1985 – Konversationsanalyse und Textlinguistik Koreferat zum Beitrag von W Kallmeyer // Gulich E Kotschi T (Hrsg.) Grammatik Konversation Interaktion Beiträge zum Romanistentag 1983 Tübingen 1985
- Hall E T* 1969 – The hidden dimension N Y 1969
- Harweg R* 1968 – Pronomina und Textkonstitution München 1968
- Harweg R* 1973 – Text grammar and literary texts Remarks on a grammatical science of literature // Poetics 1973 № 9
- Hagemann W* 1982 – Textlinguistik heute Entwicklungen Probleme Aufgaben // Wissenschaftliche Zeitschriften der Karl Marx Universität Leipzig 1982 Gesellschaft und sprachwissenschaftliche Reihe Hf 3
- Herbert R K* 1989 – The ethnography of English compliments and compliment responses A contrastive pragmatics / Ed by W Olesky Amsterdam 1989
- Hymes D* 1977 – Foundations in sociolinguistics An ethnographic approach London 1977
- Isenberg H* 1968 – Überlegungen zur Texttheorie // ASG Bericht 2 Berlin 1968
- Kadon S* 1987 – Sinnkonstruierung und Kommunikative Strategien Die Sinnklammerungsstrategie an aufgabendeleiteter Beschreibungsversuch // Strategien und Prinzipien sprachlicher Kommunikation Berlin 1987
- Kaplan D Manners R A* 1972 – Culture theory Englewood Cliffs 1972
- Leech G N* 1983 – Principles of pragmatics L N Y 1983
- Lewandowska Tomaszczyk B* 1989 – Praising and complimenting // Contrastive pragmatics / Ed by W Olesky Amsterdam 1989
- Lindemann P* 1987 – Kohärenz in mündlicher interaktionaler Kommunikation // Strategien und Prinzipien sprachlicher Kommunikation Berlin 1987
- Malinowski B* 1936 – The problem of meaning in primitive languages // Ogden C K Richards The meaning of meaning L, 1936
- Manes J* 1983 – Compliments A mirror of cultural values // N Wolfson E Judd (Eds.) Sociolinguistics and language acquisition Newbury 1983
- Müller K* 1984 – Rahmenanalyse des Dialogs // Aspekte des Sprachverstehens Tübingen 1984
- Pomerantz A* 1978 – Compliment responses notes on the co operation of multiple constraints // Studies in the Organization of conversational interaction / Ed by J Schenkein N Y 1978
- Steinitz R* 1968 – Nominale Pro Formen // ASG Bericht 2 Berlin 1968
- Stiles W* 1981 – Classification of intersubjective illocutionary acts // Language in society 1981 V 10
- Storkan K* 1980 – Publicistické žánry Praha 1980
- Texte* 1975 – Texte gesprochener deutscher Standardsprache III Alltagsgesprache München 1975
- Viehweger D* 1976 – Semantische Merkmale und Textstruktur // Danes F Viehweger D (Hrsg.) Probleme der Textgrammatik Berlin 1976
- Viehweger D* 1984 – Kohärenz Interaktion der Module (Vervielfältigung) Berlin 1984
- Yokoyama O* 1988 – Disbelief lies and manipulation in a transactional discourse model // Argumentation 2 1988
- Wierzbicka A* 1983 – Genry mowy // Tekst i zdanie Zbiór studiów Wrocław 1983
- Wodak R* 1986 – Language behavior in therapy groups Berkeley Univ of California Press 1986
- Wolfson N* 1983 – An empirically based analysis of complimenting in American English // N Wolfson E Judd (eds.) Sociolinguistics and language acquisition Newbury 1983

РЕЦЕНЗИИ

Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. М.: Изд-во "Отечество". 1995. 368 с.

"Словарь образных выражений русского языка" представляет собой совершенно новый, коммуникативно ориентированный тип словаря идиом, который не имеет аналогов в мировой лексикографии.

Исходя из понимания идиом как образно мотивированных сочетаний фразеологического характера, которые воспроизводятся в готовом виде – в строго определенном составе слов и в закреплённом за ними целостном значении, авторы включили в словарь около тысячи идиом (с учетом лексических вариантов). В состав словаря вошли идиомы, наиболее активно употребляющиеся в современной обиходно-бытовой речи, в речи средств массовой информации, в литературе и публицистике. Словарь включает также идиомы-неологизмы, еще не вошедшие ни в один из существующих словарей, а также иллюстрации из произведений русских классиков прошлого века, содержащие идиомы, которые позволяют судить о предметности их употребления в прошлом и в настоящем.

Теоретические посылки, лежащие в основе нового, коммуникативно ориентированного типа словаря идиом, основаны на свойстве идиоматичности. Это свойство обусловлено тем, что в основе когнитивно-семантического синтеза, порождающего идиоматичность сочетания, лежит метафора (часто во взаимодействии с другим тропом или символом). Взаимодействие номинативного замысла и метафорической аналогии приводит в большинстве случаев идиообразования к новому выводному значению о свойствах обозначаемого, поскольку оно совмещает в себе некоторые типы знания, существенные для этого взаимодействия. Речь идет об информации о семантических и прагматических предусловиях формирования идиом; рационально- и эмоционально-оценочных отношений субъекта номинации

к обозначаемому и к социально-маркированным условиям речи. Речь идет также об уместности/неуместности использования в высказываниях Я, ТЫ, ОН – подлежащих. Все эти типы выводных знаний семантизируются в семиологическом процессе образования идиом и, следовательно, участвуют в закономерностях функционирования идиом при их выборе и комбинации или их блокировке в том или ином процессе коммуникации. Можно согласиться с авторами словаря, что словари идиом могут претендовать на адекватность только при описании закономерностей этого функционирования.

Материал в словаре расположен по идеографическому принципу. Авторы словаря учли размытость, диффузность значения идиомы и нашли прекрасный способ толкования оттенков значения идиом следующим образом: 1) толкование самого значения, т.е. дефиниция; 2) смысловое подтолкование значения, связанное с образным основанием; 3) ситуативное подтолкование, т.е. указание на стереотипическую ситуацию, в которой та или иная идиома может быть употреблена.

Весьма полезными для пользователя словарем являются три указателя, прилагающиеся к словарю. "Тематический указатель идиом", "Алфавитный указатель идиом" (по первому компоненту) и "Алфавитный указатель слов-компонентов". Наличие этих указателей для идеографического словаря трудно переоценить, поскольку пользователю не всегда удастся определить к какому семантическому полю может относиться конкретная идиома.

Лексикографическое описание идиом в словаре строится на основе такой макро-модели значения, которая эксплицирует все возможные для того или иного типа идиом виды информации. Теоретические основа-

ния этой модели были разработаны коллективом авторов под руководством В.Н. Телия с целью создания Макета словарной статьи для Машинного фонда русской фразеологии (см. [ФПМ 1988]).

Модель в той ее версии, которая была использована для "Словаря образных выражений русского языка" содержит четыре блока макрокомпонентов.

Фонетико-грамматический блок, описывающий план выражения идиомы: поверхностно-морфологический макрокомпонент; поверхностно-синтаксический; поверхностно-лексический, представляющий лексические варианты идиом.

Семантико-прагматический блок, описывающий план содержания идиомы. Каждый из входящих в него макрокомпонентов описывает на соответствующем его содержанию метаязыке (во многом сходным с "языком семантических примитивов" А. Вежбицкой) следующие аспекты значения:

- денотативный, содержащий дескрипцию обозначаемого, в том числе - его глубинно-морфологическое и глубинно-синтаксическое содержание;

- пресуппозитивный, указывающий на предусловие реализации;

- рационально-оценочный, выражающий ценностное отношение говорящего, использующего идиому, к денотату;

- мотивационный, указывающий на те признаки образной гештальт-структуры, которые присутствуют в идиоме на фоне денотата и оценки;

- эмоционально-оценочный (эмотивный), выражающий эмоциональное отношение к образной мотивированности;

- стилистический, указывающий на уместность использования идиомы в социально-маркированных, связанных с ролями коммуникантов - говорящего и слушающего, условиях речи, других типов информации, выделенных в остальных макрокомпонентах;

- номинативно-парадигматический блок, в котором собираются воедино все варианты идиомы, тождественные по денотату, но различающиеся категорияльно-грамматическим значением;

- коммуникативно-регламентирующий блок, содержащий информацию об иллокутивной силе идиомы (ее вариантов и/или номинативно-парадигматических форм) при ее реализациях в высказываниях с Я vs. Ты vs. Он подлежащим. Идиомы, как знаки характеризующие, обладают высокой степенью экспрессивности, которая, как считают авторы словаря, создается благодаря

взаимодействию рациональной и эмоциональной оценкам. Именно экспрессивность придает идиоме ту или иную иллокутивную силу.

Материал в словаре расположен по идеографическим полям типа "Характеристика человека", "Физическое состояние", "Физическое действие и перемещение", "Чувство-состояние", "Чувство-отношение", "Деятельность", "Поведение" и др., в том числе "Пространство", "Время", "Мера". В словаре представлено 14 идеографических полей, выделенных индуктивно - на основе корпуса словаря (около тысячи активно употребляющихся в современном русском языке идиом) и в соответствии с содержанием денотативного макрокомпонента идиом. Порядок расположения внутри каждого поля - алфавитный. Пользователь может также найти идиому в словаре по алфавитному указателю.

Словарная статья строится по макету, основанному на макромоделном представлении идиом, однако максимально приближенному к классическому описанию идиом в одноязычных словарях, что облегчает читателю пользование этим словарем. Вместе с тем порядок описания идиомы в словарной статье представляет пользователю гораздо больше информации по сравнению со всеми существующими словарями, которая эксплицируется примерами. Макет словарной статьи строится по следующей модели:

- Идиома-вокабула представляет собой лемматизированную форму лексико-грамматических, экспрессивных и стилистических вариантов идиомы (в одном из ее значений при наличии многозначности), последовательность компонентов в которой определяется частотностью их встречаемости в примерах в статье словаря.

- Поверхностно-синтаксические валентности идиомы.

- Слова-сопроводители, образующие устойчивое лексическое окружение идиомы.

- Толкование-дефиниция, указывающая на денотативный аспект значения и эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемому.

- Подтолкование-пресуппозиция, указывающее на предусловие употребления.

- Ситуативное подтолкование, описывающее типовые ситуации, в которых идиома употребляется.

- Глубинно-семантическая расшифровка синтаксических актантов, указывающая на те классы слов, которые эти актанты заменяют.

– Морфологический комментарий, содержащий сведения о запретах на реализацию тех или иных морфологических форм.

– Синтаксический комментарий, указывающий на синтаксические функции идиомы, предпочтительные для нее конструкции, на порядок слов в идиоме.

– Зона иллюстраций с разбиением примеров на указанные выше коммуникативные режимы (с ЯТЬБЛОН-подлежащим).

– Зона номинативно-парадигматических форм (если они имеют место), описываемых на правах вокабулы словарной статьи.

– Этимологический или страноведческий комментарий, раскрывающий смысл образного основания идиомы, если в этом есть необходимость.

Для наглядности изложенного выше приведем несколько словарных статей, опустив иллюстрации:

Губа не дура у кого. У кого-л. недурной вкус (говорится с одобрением и оттенком иронии). Подразумевается, что кто-л. умеет выбрать для себя самое хорошее, красивое, вкусное. Фам. у кого – у лица (т.к. ед.ч.). • Неязм. • Порядок слов фиксир.

Заваривать\заварить кашу кто. Создавать своими действиями неожиданно сложную и неприятную ситуацию (говорится с неодобрением). Подразумевается ситуация, в которую вовлечено большое количество людей. Часто имеются в виду необдуманные, неверные действия. Речевой стандарт. кто – лицо, группа лиц • Именная часть неизм. Несов. в. только в инфинитиве • Порядок слов нефиксир.

Расхлебывать\расхлебать кашу кто. Справляться с многочисленными неприятными последствиями чьих-л. необдуманных, неверных действий (говорится с неодобрением). Имеется в виду ситуация, в которую вовлечено большое количество людей. Реч. стандарт • Именная часть неизм. • Порядок слов нефиксир.

Теоретические положения, лежащие в основе словаря образных выражений русского языка и отобранный и разработанный на этой основе материал, свидетельствуют о высоком научном подходе к материалу и об умении мастерски воплотить научную теорию в практику. Остается лишь высказать некоторые собственные раздумья по частным моментам, не затрагивающим основные теоретические положения, с которыми мы полностью согласны.

Вопрос о том, является ли идиома языковым знаком, теперь уже у фразеологов сомнений не вызывает. Однако может ли

языковой знак обладать рациональной оценкой в полном смысле этого слова? Ответ на этот вопрос едва ли может быть положительным. По нашему мнению, идиому можно сравнить с эмоционально-окрашенными словами такими как *дурень*, *пройдоха* и т.п. Однако подобно тому, как эти слова могут быть использованы в контексте не только в отрицательном, но и в ироническом, и в положительном смысле, эта возможность есть и у идиом. Так, например, вряд ли возможно считать, что идиома НИ В ЗУБ НОГОЙ в таком примере как: – *Я в математике ни в зуб ногой – Это ты-то в математике ни в зуб ногой, да ты задачи решаешь лучше меня!* произносится с неодобрением. Видимо, любая идиома, обладающая эмотивностью, способна, подобно эмоционально-окрашенному слову, передавать высокую, а точнее самую высокую, степень характеристики, действия, качества, свойства. В отличие от коротких фольклорных текстов, таких, как пословицы или поговорки, идиома вне контекста не выражает рациональной оценки. Формула, принятая для экспликации рациональной оценки (и говорящий считает, что это плохо/хорошо) предполагает речевую или неречевую ситуацию, которая либо актуализована, либо уже представляет собой текст. К идиоме же, как и к слову, вне контекста такая формула неприменима.

Разумеется, когда идиома дана в контексте, можно судить о том, что считает говорящий. Так, во фразе: *Этот товар гроша ломаного не стоит* говорящий считает, что товар плохой. Тем не менее в другом контексте: – *Я гроша ломаного не стою?!* – *Да если бы ни я, что было бы с вами?* В этой идиоме эмотивная оценка преобладает над рациональной.

Отметим несколько конкретных нечетностей.

Авторы словаря предлагают вниманию пользователя 14 идеографических полей. В своей основе этот принцип возражений не вызывает. Однако при конкретной разработке материала и его распределении возникают некоторые накладки. Так, идиома КАК, (ПЫЛЬНЫМ) МЕШКОМ (ИЗ-ЗА УГЛА) УДАРЕННЫЙ (ПРИБИТЫЙ) помещена в поле IX "Интеллектуальные способности и состояние" с такими пояснениями: *кто*. Плохо и медленно соображает, со странностями (говорится с неодобрением) подразумевается замедленная реакция на какую-л. ситуацию. На наш взгляд, эта идиома скорее могла бы быть отнесена к полю "Поведение". Человек может выгля-

деть как пыльным мешком ударенный отнюдь не всегда, а об этом судят по его поведению в какой-то конкретный момент. Идиому ВЗЯТЬ БРАТЬ СЕБЯ В РУКИ тоже скорее следовало бы отнести к полю "Поведение", а не полю "Деятельность".

Идиомы БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ и НЕТ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ даны в отдельных статьях, хотя они скорее могут рассматриваться как варианты, о чем можно судить и по их толкованию в словаре.

Идиома ВДОЛЬ и ПОПЕРЕК в зависимости от того, с помощью какого глагола она актуализуется, может попасть в разные поля. Так, если эта идиома в словаре относится к полю "Пространство", то идиома ЗНАТЬ ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК вряд ли может входить в это поле. Поля "Деятельность" и "Труд, безделье" очень близки одно к другому, деятельность и труд нелегко разграничить, однако безделье не деятельность, а отсутствие ее. Идиома ПАЛЕЦ (ПАЛЬЦЕМ) О ПАЛЕЦ НЕ УДАРИТЬ не может относиться к полю "Деятельность", ее место в поле "Труд, безделье".

Справедливости ради следует сказать, что при разграничении полей такие накладки неизбежны, поскольку смысл слова и идиомы всегда шире их значения. Видимо в следующих изданиях авторам все же следует подумывать над этой проблемой.

"Словарь образных выражений русского языка" — значительное явление в области лексикографии и лингвистики вообще. Об

этом можно говорить хотя бы потому, что теоретические предпосылки, изложенные в статье "Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка" и в "Предисловии", предваряющих словарь, автор которых В.Н. Телия, представляют собой сжатое изложение концепции фразеологии, разработанной автором. Ее учениками и единомышленниками на уровне современных достижений науки о языке. Кроме того, впервые материал, представленный в словаре, полностью отражает концепцию фразеологического состава языка на современном уровне лингвистической науки и словарного дела.

Словарь доступен и понятен не только лингвистам, им несомненно будут пользоваться не только русисты в нашей стране и за рубежом, но и самые широкие круги литераторов и школьников, студентов и преподавателей, переводчиков и читателей литературы на русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ФПМ 1988 — Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. М., 1988.

Т.З. Черданцева

J. Petermann, R. Hansen-Kokorus, T. Bill. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch / Hrsg. von J. Matešić. Wissenschaftliche Redaktion: A. Bierich, O. Dobrovol'skij. Redaktion: E.L. Rymaševskaja. Leipzig; Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt-Enzyklopädie, 1995. — XXX + 946 S.

Интенсивный теоретический интерес к фразеологии, стимулированный докладом акад. В.В. Виноградова "Об основных типах фразеологических единиц в русском языке" в 1946 г., далеко не сразу стал и стимулом для фразеографической практики. Несмотря на обилие одноязычных и двуязычных фразеологических словарей русского языка, капитальных по объему словника трудов было немного. В семье одноязычных словарей монополию здесь с 1967 г. держал пятикратно переиздававшийся "Фразеологи-

ческий словарь русского языка" под редакцией А.И. Молоткова, в состав которого включено лишь около 4 тысяч фразеологических единиц (далее — ФЕ). Недавно этому словарю составил, наконец, конкуренцию "Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII—XX в." в двух томах под ред. А.И. Федорова с 6,5 тысячами ФЕ. Из двуязычных в этом отношении пальму первенства имели "Русско-армянский фразеологический словарь" (1966 г.) и "Русско-болгарский фразеоло-

гический словарь" под ред. С. Влахова (1980 г.) с 6,5 тысячами ФЕ и "Русско-китайский фразеологический словарь" под ред. Чжоу Цзишень (1976 г.), словник которого – свыше 8 тыс. ФЕ.

Рецензируемый "Русско-немецкий фразеологический словарь" (РНФС), составленный фразеологической группой Мангеймского университета (Ю. Петерманн, Р. Ханзен-Кокорущ, Т. Биль) под руководством проф. Й. Матешича, уверенно перехватил эту палму первенства. Число ФЕ, отраженных в нем, – свыше 24 тысяч оборотов. Репрезентативность материала здесь обеспечена тем, что составители включили в свой словарь словники более чем 40 лексикографических трудов предшественников, провели большую коррекционную и унификационную работу, постоянно обращались к современной русской литературе и публицистике, имели возможность опросить информантов-носителей языка и получить консультации у специалистов-русистов. Более того, составители (сотрудники Славянского семинара Мангеймского университета) предварительно прошли трудную фразеографическую школу, работая над научно-исследовательским проектом "Фразеологические словари" и выпустив "Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika" (Zagreb, 1982) и "Hrvatsko-njemački frazeološki rječnik" (Zagreb, 1988). Принципы двуязычной фразеографии, апробированные в процессе работы над этими словарями, и стали основой рецензируемого труда. Каковы же эти принципы?

Ключевым понятием словаря является фразама. Этот термин принят Мангеймской фразеологической школой и определяется такими параметрами, как воспроизводимость, раздельнооформленность (с переосмыслением хотя бы одного из компонентов) и синтаксической незавершенностью (неспособностью образовывать собственный текст). По словам составителей, это фразеологизмы в узком смысле слова, т.е. идиомы, собственно фразеологизмы (с. XI) типа *делать из мухи слона, ставить кому-н. налки в колеса, у кого-н. каменное сердце, злые языки*. Дополнительно к этому "материальному" ядру авторы включают в словник некоторые другие типы устойчивых словосочетаний: а) безобразные перифрастические развертывания глагола, не имеющие идеоматичности (*дать ответ, прийти к власти, принимать что-н. во внимание, взять кого/что-л. под надзор*);

б) так называемые минимальные фраземы предложного характера (*за спиной чьей-л. у кого-л., на минуту, с места*); с) многокомпонентные составные термины различных отраслей, ономастические номенклатуры и т.п. с фразеологическим или частично идиоматическим значением (*молочный зуб, Белый дом, Ближний Восток, куриная слепота*); д) определенные специфичные для русского языка коллокации со связанным значением (особенно с уникальными компонентами), которые буквально непереводимы на немецкий язык и трудны своей межязыковой идиоматичностью (*молодой месяц, полная вода, собака служит, круто солить*).

Принципы такого отбора словника, как видим, во многом определяются двуязычным характером словаря: он во многом ориентируется на потребности немецкого переводчика, читателя, студента. Такой прагматический подход вполне оправдан, хотя и таит в себе трудности при отделении "чисто" фразеологического материала от нефразеологического. Конечно, придиричивому читателю всегда легче предъявить претензии к составителям словаря такого типа, как рецензируемый, чем к словнику, отобранному с чисто "узких" фразеологических позиций.

Особо размытыми могут показаться в "коллокационном" словаре границы двух групп ФЕ – устойчивых составных терминов и ономастических словосочетаний. Первая группа в рецензируемом труде представлена полно и многообразно: *кукушкины слезки, морской лев, муравьиный лев, ведьмины колеса, падучая болезнь, сахарная болезнь, ботинки на шипах, английская булавка, бумага в клетку, бумага в линейку* и т.п. Близки к ним и обороты, отражающие традиционную сочетаемость типа *принять ванну, принять душ*. Несмотря на их несобственно фразеологический статус, однако, нельзя отрицать, что с точки зрения транслятологии их регистрация полезна, особенно в тех случаях, когда немецкие эквиваленты имеют другую структурную или образную основу. Так, *английская булавка* эквивалентуется нем. *eine Sicherheitsnadel*, *переводная бумага* – *Kohlepapier*, а *ботинки на шипах* – *Rennschuhe*.

Список такого рода несоответствий, однако, для любой пары языков намного превышает возможности их регистрации в специальном, даже широко ориентированном фразеологическом словаре. И в

рецензируемом справочнике можно в этом отношении зарегистрировать некоторые лакуны. Так, при наличии сочетаний *бумага в клетку, бумага в линейку и переводная бумага* заметно отсутствие *цветной бумаги*, не говоря уже о *туалетной бумаге*, а при фиксации автормой *обходной лист, скорбный лист* нет *авторский лист, похвальный лист, опросный лист, исполнительный лист* и т.п.

Такой же "открытостью" характеризуется и ряд словосочетаний второй группы ФЕ в широком смысле – ономастических номенклатур типа *Белое море, Большая Медведица, Вербное воскресенье*. При фиксации сочетаний *Белое море, Черное море, Красное море, Мертвое море, Немецкое море* выглядят несколько "лакунно" не отраженные *Желтое море, Северное море, Средиземное море, Норвежское море, Баренцево море, Саргассово море, Чукотское море* и мн. др.

Некоторую "открытость" словнику придает и включение в него ряда словосочетаний с гораздо более свободной валентностью, чем предполагается для идиоматики. Таковы, например, сочетания *перехворать всеми болезнями* (с. 24), *чертова боль* (с. 24–25), *бравировать опасностью* (с. 469) и т.п.

Такого рода "расширенность" словника вполне объяснима как уже указанными транслатологическими установками, так и максималистской ориентацией составителей. Для любого большого словаря она неизбежна и вполне уместна уже потому, что фразеологическая система находится в постоянном движении и точно очертить границу устойчивого (идиоматичного) от несобственно фразеологического весьма сложно. Регистрация маргинальных групп поэтому при всей своей неполноте может быть признана полезной: она позволяет ознакомиться с некоторыми типовыми моделями устойчивых и полустойчивых словосочетаний русского языка, которые являются резервом собственно идиоматического ядра. Здесь лучше "передать", чем "недодать" читателю материала, представляющего такие модели.

При некоторой лакунности маргинальных групп фразеологии Словарь с максимальной полнотой отражает и д и о м а т и ч е с к и й ф о н д русского языка, который обычно и служит камнем преткновения для переводчиков и изучающих язык. И этот собственно идиоматический материал здесь представлен с полнотой,

намного превышающей его регистрацию предшественниками. Одним из достоинств словника является учет многих новых оборотов, до сих пор отраженных лишь выпусками "Новых слов и значений" или вообще не зарегистрированных. Таковы, например, *ФЕ вешать лапшу на уши, фирма веников не вяжет, что-л. кому-л. до фени*. Вообще представленность просторечной и жаргонной фразеологии в рецензируемом словаре вполне соответствует "духу времени" и уже потому делает его ценным источником злободневного материала. Ценен и материал, находящийся "на грани" собственно фразеологического, но необходимый для ознакомления с современной русской прессой. Таковы перифразы типа *железный занавес*, номенклатурные обороты типа *вещная болезнь, боевик сезона, первая ракетка, брак по-шведски* или крылатые выражения типа *а Васька слушает да ест, с корабля на бал* и т.п. Актуальность употребления в современном русском языке оправдывает включение этих оборотов в словарь, несмотря на то, что не все они соответствуют понятию ф р а з е м а, из которого исходят составители.

Богатство словника во многом накапливается составителями и за счет ФЕ, которые принадлежат к книжному стилю. Среди них немало и устаревших, но известных русскому читателю по классической литературе: *запускать брандера, препоясаться на брань, брать кого-л. ли цугундер*. Среди них и семантические архаизмы типа *мамевкин сынок* в значении "der Mutter wie aus dem Gesicht geschnitten (vom Sohn)". Такой "расширитель" словника не только оправдан установкой составителей на п а с с и в н о е понимание предлагаемого материала (с. XII), но и общей культурологической его ценностью.

Фразеологическая система современного русского языка отличается, как уже отмечалось, особой мобильностью. Поэтому, разумеется, даже для такого полного словника, как словник РНФС, можно найти резервы возможного расширения. Таковы возможности пополнения отдельных гнезд. Например, в гнезде компонента *боль* даны обороты типа *кому-л. до боли жалеть кого/что-л.* (с. 24), но нет *кому-л. до боли знаком*. Особо перспективными для пополнения словника в будущих изданиях словаря, как кажется, являются две группы русской фразеологии – бранная идиоматика и устойчивые сравнения. Элиминация первой в словаре (возможно, "инспирированная"

требованиями издательства "Русский язык", по договоренности с которым первоначально работала группа, и его московским редактором словаря Э.Л. Римашевской) заметна на фоне "раскрепощенности" русской словарной и литературной практики постперестроечного периода. Такие слова, как *дерьмо, говно, жопа, задница* и т.п., уже нашли свое отражение, например, в последнем издании словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Они образуют весьма активные фразеологические гнезда, уже описанные специальными словарями [Буй 1995; Мокненко 1995 (рец.: Pfandl 1995); Pastyńk 1995–1996]. Назрело, как кажется, и время их фиксации в больших фразеологических словарях. В любом случае, как кажется, в Словарь можно было бы включить те бранные ФЕ, который продолжают ряд, в нем уже зафиксированный. Так, при зарегистрированных бранных обозначениях старых женщин *старая перещипца* (с. 513) и *старая хрычовка* (с. 894) необходима и фиксация не менее актуальной ФЕ *старая карга*. Ср. и шуточный фразеологический эвфемизм *божий одуванчик* (о безобидной аккуратной маленькой старушке), который также не нашел отражения в РНФС (возможно, из уважения составителей к прекрасному полу и пожилому возрасту).

Устойчивые сравнения вообще весьма разноречиво фиксируются как общими словарями русского языка, так и специально фразеологическими. В словаре под ред. А.И. Молоткова, например, отражено всего около 200 такого рода оборотов, т.е. 5% от общего словника. И в этом отношении СРНФ выгодно отличается от других больших фразеологических словарей русского языка. Ср. ряды сравнений *бояться кого/чего-л. как (пуще) огня, бояться кого/чего-л. как черт лапана, бояться кого/чего-л. как чумы; вертеться волчком, вертеться вьюном, вертеться вьюном около кого, вертеться как белка в колесе, кто-л. как сороки на колу вертится; как шелковый, ходить как по ничотке; ходить гоголем, ходить тучей (чернее тучи), смотреть волком, смотреть бирюком, смотреть сентябрем, смотреть букой, смотреть именинником* и т.п.

Вместе с тем, в фиксации и лексикографической обработке устойчивых сравнений можно обнаружить некоторые пропуски и непоследовательности. Таково отсутствие довольно распространенных оборотов типа *толстый как бочка, сражаться как лев, жить как два голубка, плевать как верблюд, сиять как медный самовар,*

чистый как слеза, прозрачный как слеза, глуп как осел (при наличии *упрям как осел*), *работать как лошадь, пить как лошадь*. Обнаруживаются также некоторые лакуны и в отражении устойчивых сравнительных оборотов по "горизонтали" (*ходить как оплеванный* и *ходить как в воду опущенный* есть, а *ходить как потерянный* нет; *упрямый как бык, упрямый как осел* есть, а *упрямый как баран* нет; *кто-л. как тростинка* есть, а *кто-л. как тростник, кто-л. как лозинка* нет и т.п.) и по "вертикали" (*бледный как смерть* есть, а *худой как смерть* нет; *бледный как мертвец* есть, а *худой как мертвец* нет и т.п.). Можно пополнить и список лексических вариантов для зафиксированных в Словаре устойчивых сравнений: *дрожать как овечий хвост* (с. 881), например, допускает и вариацию с компонентами *трястись, трепетать*

Лексикографическая обработка сравнений также могла бы быть более экономной. Поскольку в русском языке сравнительный союз выступает в нескольких лексемных "ипостасях" (*как, будто, словно, точно*), то однотипные варианты сравнений в словаре постоянно дублируются со всеми немецкими эквивалентами, например: *кого/что-л. будто ветром сдуло* [*сдунуло*] (с. 50), *кого/что-л. как ветром сдуло* [*сдунуло*] (с. 50), *кого/что-л. словно ветром сдуло* [*сдунуло*] (с. 51), *кого/что-л. точно ветром сдуло* [*сдунуло*] (с. 51). Достаточно было бы, как кажется, такого рода варианты сконцентрировать в одном месте, а в других местах дать отсылки. Нужно подчеркнуть, что высказанные соображения по поводу обработки устойчивых сравнений – лишь соображения "пожелательные", поскольку их лексикографирование – особая проблема, которая трудна уже с первого шага (выделения их корпуса). До сих пор не создано большого словаря русских сравнительных оборотов (есть лишь небольшой учебный словарь для иностранцев В.М. Огольцева), поэтому и здесь РНФС дает весьма ценный опыт, требующий теоретического и практического осмысления.

Очень важен для двуязычной фразеологии и опыт систематизации глагольного вида в РНФС. Известно, сколь трудна эта категория для германо-, англо- и романо-язычных читателей. Именно поэтому составители отнесли к фиксации видовых отношений внутри фразеологических рядов

очень ответственно. Ими успешно преодолены немалые трудности, порождаемые этой проблемой. Одна из них – в достаточной большой непоследовательности отбора того или иного глагольного вида в составе конкретных ФЕ. Словари, как правило, ее либо игнорируют, либо подгоняют фразеологические аспектные отношения под общеязыковой "копыл". Составители РНФС попытались их представить в максимальной полноте, с некоторым (имплицитным) учетом частотности того или иного вида. Каждая видовая пара ФЕ выделяется в словаре отдельной строкой, хотя полная лексикографическая разработка обычно дается под совершенным видом глагольного компонента. Такое решение (отличающееся от традиционного, особенно – в одноязычных словарях русского языка) следует признать объективным уже потому, что, во-первых, совершенный вид действительно является для фразеологии более частотным, и, во-вторых, он семантически более эффективен для ФЕ, категориально тяготеющих к экспрессивности. Оно корректно еще и потому, что такое предпочтение совершенного вида не становится правилом без исключения. Когда того требует особая глагольная избирательность или структура ФЕ, составители учитывают такого рода специфику. Так, для оборотов *добиваться* (нес.), *чьей-л. руки* и *добиться* (сов.) *чьей-л. руки* или *ездить верхом* и *ехать верхом* они предпочитают дублировать эквивалент, а для пары *чья-л. звезда* *закатилась* и *чья-л. звезда* *закатывается* несколько изменяют дефиницию-эквивалент "j-s (große) Zeit ist vorüber" и "j-s Stern ist im Sinken". Такая дифференциация оправдана функциональной спецификой русской глагольной фразеологии. На этом фоне пропуски отдельных глагольных вариантов (например, *не брезговать* при фиксации *не брезгать никакими средствами*) – неизбежные для капитального труда шероховатости.

Дальнейшей перспективой лексикографической обработки русской глагольной фразеологии остается более детальная фиксация конкретных форм, закрепленных в составе фразеологизма, например, *убил бобра!* (в РНФС он приводится в форме инфинитива: *убить бобра*, с. 20) или *когда ты еще под стол пешком ходил* (в РНФС – *кто-л. под стол пешком ходит*, с. 784). Ввиду реальной "расшатанности" личных форм глагольных ФЕ составители вынуждены следовать за источниками и потому иногда однотипные обороты здесь фикси-

руются различно: *они живут как кошка с собакой* (с. 323), *но жить душа в душу* (с. 207), *жить как в раю* (с. 643) и т.п.

Последовательна и информативна в Словаре подача ближайшего окружения описываемых ФЕ. Как и паспортизация вида, она дает четкое представление о возможностях включения конкретных оборотов в контекст и тем самым указывает на синтаксическую специфику русского материала по сравнению с немецким. Важно и то, что указания на управление даются именно для той синтаксической позиции, которая реально существует в русском языке, что характерно далеко не для всех фразеологических словарей. Ср. различную реакцию оборотов *делать кому-л. глазки* и *протереть глазки кому-л.* (с. 125) или *кто-л. на сносях* (с. 753), *кто-л. правая рука чья-л.*, *у кого-л.* (с. 670).

Реальную жизнь русских ФЕ РНФС воспроизводит и благодаря детализированной фиксации и систематизации вариантов. Строго алфавитный порядок расположения ФЕ в гнезде, правда, заставляет составителей описывать некоторые группы таких вариантов (например, лексических) как самостоятельные, отдельные ФЕ: ср. *бросать деньги на ветер*, *кидать деньги на ветер*, *швырять деньги на ветер* (с. 176–177), *болтать на ветер*, *говорить на ветер*, *бросать слова на ветер* (с. 50, 735). Таково же и описание грамматико-вариантных рядов типа *глаза на лоб лезут – глаза на лоб полезли* – *глаза на лоб вылезли* (с. 118) или *у кого-л. отнимается язык* – *у кого-л. отнялся язык* (с. 942), а также дублирование структурных вариантов типа *ищи ветра в поле* и *ищи-свищи ветра в поле* (с. 50). Подобное описание влечет за собой, естественно, и дублирование эквивалентной части словарной статьи, которое (особенно если словарные статьи соседствуют, как в случае с двумя последними вариантами) может показаться избыточным. Несмотря на некоторую неэкономность такой подачи вариантов, она способствует более детализированному описанию семантики и структуры фразеологических гнезд. Отсылки же практически ко всем компонентам ФЕ позволяют читателю самому "собрать" весь вариантный ряд, – если такая необходимость, конечно, возникнет.

Известно, что одним из малоразработанных аспектов фразеологии является стилистическая маркировка ФЕ. И в этом отношении РНФС во многом дает большую и более корректную информацию, чем предшествующие словари. Понимая пробле-

матичность точной стилистической характеристики ФЕ (ср., например, замечание о разночтении пометы "просторечное"), составители исходили не только из лексикографического опыта (не очень богатого) предшественников, но и необходимости сбалансировать стилистику русских ФЕ с их немецкими эквивалентами. Система помет дает представление и об основных функционально-стилистических зонах употребления русской фразеологии (*разг., грубо-разг., прост., грубо-прост., нар., нар.-поэт., офиц., книжн., публ.*), и об их социальной маркированности (*воен., геогр., дет., зоол., карт., мор., шахм., юр.*), и об их актуальности (*уст., устарев.*), и об их экспрессивно-стилистической градуированности (*высок., бран., ирон., презр., пренебр., неодобр., эфем., поэт.*). Естественно при этом, что левая, "русская" часть Словаря стилистически более дифференцирована, чем правая, эквивалентная. В некоторых случаях, однако, остается, как кажется, необходимость более активного включения "правого регистра". Так, *что-л. остается мертвой буквой* верно квалифицируется пометой *книжн.*, в то время как нем. *etw. steht nur auf dem Papier* стилистически немаркировано, что может создать впечатление о полной эквивалентности. Нужно еще раз подчеркнуть при этом, что составители используют любую возможность, чтобы семантически и стилистически уравновесить левую и правую части словарных статей. Нередко поэтому в правой части даются уточнительные глоссы, имеющие функцию стилистических маркеров. Таковы, например, глоссы (*über die eigenen Kinder gesagt* – "говорится о собственных детях") к ФЕ *отрезанный ломоть* (с. 356) или (*von Kindern* – "о детях") к ФЕ *мал мала меньше* (с. 362).

Эквивалентная часть Словаря вообще – одна из самостоятельных и наиболее сильных его сторон. Не случайно сами авторы подчеркивают, что ее составление стало их "важнейшей и труднейшей задачей" и потребовало особого внимания (с. XIV). Здесь составителем приходилось из славистов превращаться в германистов и искать эквиваленты в многочисленных словарях немецкого языка. В ходе работы над РНФС поэтому были уточнены многие эквиваленты и дефиниции, найденные составителями в русско-немецких, немецко-русских и одноязычных словарях. В результате ко многим ФЕ приводятся большие ряды ярких образных эквивалентов – например, к *они*

два canoga napa – *sie sind vom gleichen Kaliber; sie sind von der gleichen Sorte; die sind vom gleichen Schlag; sie sind eine Sippschaft; die haben sich gesucht und gefunden* (с. 680). Причем часто читатель находит не только такие ряды, но и тонкую, нюансированную попытку дифференцировать семантику русских оборотов с помощью немецкой фразеологической "лакмусовой бумажки". Типична в этом смысле словарная статья к просторечной ФЕ *валять ваньку*: "1. den Hanswurst machen [spielen]; den dummen August spielen; herumkaspern; Possen reißen; Quatsch machen 2. Dummheiten machen; dummes Zeug machen 3. sich dumm stellen; den Dummen spielen 4. faulenzten; auf der faulen Haut liegen; Däumchen drehen" (с. 38). Конечно, самый совершенный список фразеологических эквивалентов оставляет место для дополнений или коррекций. Так, к популярной русской ФЕ *изобретать велосипед* составители, не найдя эквивалента, приводят описательную дефиницию "eine übertragende Entdeckung machen/ iron." (с. 41), хотя в разговорной немецкой речи существует прямое соответствие *das Rad (Fahrrad) neu (zum zweiten Mal) erfinden*. Но и в таких случаях можно понять осторожность авторов: немецкое выражение о "колесе" (или "велосипеде") хотя и известно носителям языка, но – как это ни парадоксально, – не зафиксировано ни одним немецким словарем (в том числе и фразеологическим).

Можно было бы продолжить обсуждение важных для фразеологии проблем, которые получили в РНФС самостоятельное и успешное решение: регистрация так наз. слов-сопроводителей, оформление факультативных компонентов, фиксация ФЕ-конвертивов и т.п. [Мокиенко, Никитина 1994]. И здесь составители смогли найти удачный баланс между традиционным и нетрадиционным потому, что руководствовались принципом лексикографической целесообразности и видели перед собой конкретного германоязычного читателя. Взыскательность последнего обусловила и безукоризненные полиграфические качества Словаря, в котором практически нет опечаток.

Выход в свет словаря мангеймской группы фразеологов – новый этап не только в русской и немецкой, но и в общей фразеологии и лексикографии. Из него будут черпать материал и для сопоставительных исследований, и для лингвистических описаний, и для диахронических штудий. Он много дает, в частности, для понимания мало осознаваемого языковедами факта, что русская

фразеология входит в широкий круг европейской идиоматики, созданный общекультурными "переживаниями". Рецензируемый Словарь имплицитно сделал этот факт едва ли не аксиомой, которую теперь остается лишь эксплицитно обосновать. Нет сомнения, что этот капитальный труд найдет свое продолжение и в подобных лексикографических тезаурусах русской фразеологии, где она будет столь же интенсивно просвечена сквозь призму французского, английского и других европейских языков. Нет сомнений и в том, что рецензируемый русско-немецкий фразеологический словарь будет еще не раз переиздаваться и обновляться. Вечно обновляющееся древо современного русского языка будет этому, несомненно, способствовать.

Буй В 1995 – Русская заветная идиоматика. М., 1995.

Мокиенко В.М. 1995. – Словарь русской бранной лексики (матизмы, общенизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями. – А–Я. Berlin, 1995.

Pfandl H. 1995 – Revue des études slaves. Paris, 1995. Т. 67. Fasc. 2–3: Rec. Мокиенко В.М. Словарь русской бранной лексики. Berlin, 1995.

Pastyřík S 1995–1996 – Nad slovy nemytým a nečesanými // Češtinař. 1995–1996. Č. 4.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 1994 – Словарная разработка русской фразеологии // Studia slavica Savariensia. 1994. № 2.

В.М. Мокиенко

J. Edwards. Multilingualism. London; New York, 1994. 237 p. *Power and inequality in language education* / Ed. by J.W. Tollefson. Cambridge University Press. 1995. 212 p.

Начиная с 60-х гг. социалингвистика на Западе переживает несомненный расцвет. Публикуется множество монографий и сборников статей как общетеоретического, так и конкретно-прикладного характера. К сожалению, у нас большинство из них известно очень мало. Две рецензируемые работы последних лет достаточно типичны с точки зрения общей направленности западных социалингвистических исследований, их методики и сферы интересов. В обеих книгах очевидно стремление критически оценить языковые ситуации в современном мире и выработать те или иные рекомендации на будущее: в качестве теоретической основы в книгах используются, с одной стороны, лингвистические теории последнего времени, прежде всего связанные с дискурсом, с другой стороны, социологические концепции. Среди последних, как видно из двух рецензируемых и ряда других книг, по-прежнему приоритетными остаются концепция М. Вебера и идеи разных течений марксизма и неомарксизма (например, в обеих книгах упоминается А. Грамши); то и другое в разных пропорциях используется едва ли не всеми рассматриваемыми нами авторами.

Книга американского социалингвиста Дж. Эдвардса в основном посвящена вопросам двуязычия и многоязычия, весьма активно сейчас разрабатываемым на Западе: сравнительно недавно появилось несколько

серьезных книг на эту тему [Skutnabb-Kangas 1983; Laponce 1987]. В то же время она затрагивает и некоторые более общие проблемы. В частности, в ней содержится полемика со многими направлениями лингвистики XX в., стремившимися "очистить" науку о языке от социальных проблем. Приводя слова Н. Хомского о том, что социалингвистические исследования могут быть полезны для образовательных программ, но банальны с теоретической точки зрения, Дж. Эдвардс замечает, что хомскианцы под "теорией" понимают изучение компетенции и глубинных структур, что позволяет все сводить к строгим правилам, отвлекаясь от социально обусловленного хаоса (с. XI). Но и хаос надо изучать.

Отмечает Дж. Эдвардс и односторонность свойственного практически всей лингвистике XX в. полного отказа от прескриптивного, нормативного подхода к языку. Он понимает, что подобный отказ имел свои основания, в том числе и стремление к научности, поскольку прескриптивизм всегда имеет лежащие за пределами науки основания (с. 172). Однако тем самым лингвисты полностью отстранились от проблем языковой нормы и языковой политики, хотя они могут выполнять полезную роль арбитров (с. 164). Последнее замечание не вполне верно, например, в отношении нашей страны: хорошо известны, например, участие ученых-лингвистов России и СССР в разра-

ботке орфографических норм русского языка и огромная лингвистическая работа по "языковому строительству" в СССР в 20–30-е гг. Но сам Дж. Эдвардс подчеркивает, что критикуемая им точка зрения больше всего свойственна англоязычным странам, где издавна в отличие, например, от Франции (добавим от себя, и от России) отрицательно относились к каким-либо официальным языковым нормам, не создавали учреждений типа Французской академии и не писали академические грамматики и словари.

В связи с этим Дж. Эдвардс цитирует ироническое замечание У. Мак-Кея "языки равны только перед Богом и лингвистом" (с. 102). С любой иной точки зрения не может быть равенства между английским языком и вымирающим языком индейского племени. Дж. Эдвардс выделяет две полярные точки зрения: о полном невмешательстве в языковое развитие и о возможности полного им управления; первая точка зрения свойственна ученым-лингвистам, вторая – дилетантам; обе точки зрения непродуктивны и надо искать оптимум (с. 205).

Такое же стремление найти "золотую середину" свойственно и другим тезисам Дж. Эдвардса. Он довольно подробно рассматривает существующие точки зрения на двуязычие и одноязычие, отмечая ненаучные основы большинства из них; в частности, он пишет, что обсуждение проблем так называемого полуязычия обычно имеет политические и идеологические обертоны (с. 58). В США, где даже изучение иностранных языков в школе затруднено из-за отсутствия у учащихся стимула к их освоению (с. 192), в общественном сознании господствует идея о связи одноязычия с успехом и высокой культурой, а двуязычия – с бедностью и отсталостью (этим идеям уделяется много внимания и во второй из рецензируемых нами книг). Существуют даже экспериментальные "подтверждения" связи двуязычия с умственной отсталостью. Дж. Эдвардс рассматривает всю совокупность разноречивых исследований данного вопроса и приходит к выводу, что никаких доказательств такой связи (как и обратного соотношения) не существует (с. 71). Отметим, что столь же низкий научный уровень и зависимость от политических и идеологических факторов показали и дискуссии о пользе или вреде двуязычия, проходившие в СССР в годы перестройки, в частности, в журнале "Дружба народов" [Айдар 1988; Хинт 1988].

Автор книги подчеркивает, что двуязычие и многоязычие – не отклонение от

нормы, а естественное явление, свойственное большинству населения мира (с. 1). Одноязычное большинство населения США (добавим, и так называемые русскоязычные в СССР и России) – скорее исключение, чем правило. Дж. Эдвардс исследует различные типы многоязычия, подчеркивая, что практически равного владения языками не бывает: у каждого человека какой-то язык первый, какой-то второй и т.д. (с. 3). В книге рассматриваются ситуации в различных странах, где проблема двуязычия и многоязычия в той или иной степени актуальна: США, Канаде, Ирландии, Франции, Сингапуре и т.д. Отметим, что СССР и Россия (как и другие постсоветские государства) упоминаются в книге лишь эпизодически, а то и совсем не упоминаются (например, о позиции В.И. Ленина в языковом вопросе на с. 137), показывает малую осведомленность автора. Впрочем, это свойственно большинству западных социолингвистов, специально не занимающихся славистикой или тюркологией; об ирландских или индийских проблемах знают намного лучше.

Дж. Эдвардс подчеркивает, что взаимодействие языков – динамический процесс, связанный с социальной напряженностью: "Языки в контакте легко делаются языками в конфликте" (с. 89). Точнее, конечно, идет борьба не языков, а групп интересов (с. 205–206). Помимо несовпадения однотипных интересов разных групп могут быть интересы разного типа. Как и во многих других работах, в книге разграничиваются инструментальные и сентиментальные функции языка: первые связаны с его эффективным использованием как средства коммуникации, вторые – с этническими чувствами того или иного народа. Часто язык, потеряв реальную коммуникативную роль, сохраняет эмоциональное значение (с. 128).

С инструментальной точки зрения и прежде всего в связи с развитием общемировых экономических процессов выгодно использование немногих (в идеале – одного) крупных языков и вытеснение малых и средних. Упомянуто, что на английском языке издается более половины научных журналов мира, ведется более 75% переписки, хранится более 80% компьютерной информации (с. 41). Однако этому противостоят сентиментальные функции многих языков. Дж. Эдвардс пытается вывести некоторые общие законы происходящих процессов, например, чем больше языков находятся в контакте, тем быстрее деградируют все из них, кроме

того, который приобретает роль лингва франка (с. 115); такие обобщения, безусловно, нуждаются в проверке. В то же время подчеркивается общность мировых процессов (хотя и протекающих с разной скоростью) везде, в том числе, что специально оговорено (с. 196), в капиталистических и коммунистических странах. Это касается не только вытеснения малых языков большими, но и противоположного процесса защиты сентиментальных функций языка: приводятся высказывания И. Гердера, В. фон Гумбольдта, А. Доде, ирландских и азербайджанских националистов (с. 131–135), которые оказываются очень похожи друг на друга.

Как и по вопросам о сознательной языковой политике и роли двуязычия, Дж. Эдвардс старается найти оптимум и при обсуждении перспектив развития конкурирующих тенденций. Он в равной степени отказывается как от безоговорочного признания прогрессивности вытеснения малых языков большими (такое вытеснение приводит ко многим конфликтам), так и от стремления спасти вымирающие языки любой ценой; в связи с этим он весьма скептически относится к концепциям языковой экологии (с. 142–144). Он спрашивает защитников исчезающих языков: учитывают ли они при этом желания самих носителей языков? (с. 208). Здесь же он указывает на неудачи ряда подобных попыток и на разочарование некоторых лингвоэкологов в своей деятельности (с. 208). Во всяком случае для спасения погибающего языка или расширения функции более "благополучного" языка меньшинства необходим весь комплекс мер, прежде всего социально-экономических; вырванные из контекста отдельные стороны, например, развитие школьного обучения, неэффективны (с. 188). Для многих малых народов существует неизбежная дилемма: либо продолжать жить отсталой сельской жизнью, либо отказаться от своего языка (с. 107). И такой отказ идет: в Великобритании в 1974 г. умер последний носитель мэнского языка, а в Турции в 1985 – последний носитель убыхского (с. 21).

Вторая рецензируемая работа – сборник статей социолингвистов и преподавателей языка из США, Великобритании и Австралии, изданный под редакцией Дж. У. Толлефсона. Если Дж. Эдвардс придерживается умеренно-"центристской" позиции, то авторы сборника – специалисты четко выраженной левой ориентации, в основном марксисты (хотя идеи М. Вебера также ими используются широко). Однако их марксизм

в ряде вопросов отличается от марксизма XIX в. (и тем более от ленинизма): один из авторов, А. Пенникок критикует классический марксизм за недооценку языка и культуры и прямолинейное выведение культуры из экономики (с. 47). Это так называемый неомарксизм, основанный помимо идей К. Маркса и Ф. Энгельса, на концепциях А. Грамши, Г. Маркузе и др. Но сохраняется понимание современного западного общества как капиталистического, где социальные противоречия смягчены по сравнению с XIX в., но не устранены и где одним из орудий власти является язык. Здесь авторы в основном разделяют концепцию английского социолингвиста-марксиста Н. Ферклу, автора сравнительно недавно вышедшей книги [Fairclough 1989], неоднократно цитируемой в данном сборнике. Из библиографий к статьям видно, что социологическая и социолингвистическая литература подобной направленности в США и Великобритании достаточно многочисленна. Наряду с ней в сборнике, как и в книге Н. Ферклу, упоминается и книга В. Н. Волошинова–М. М. Бахтина (см. с. 21–22 сборника), которая современными западными левыми (в отличие от наших современных интерпретаторов) однозначно оценивается как марксистская. Другие советские работы 20–30-х гг. с попытками построить марксистскую лингвистику не учитываются прежде всего из-за отсутствия их переводов на английский язык.

Сборник состоит из предисловия Дж. У. Толлефсона, кратко описывающего его содержание, и девяти глав (фактически – статей). Статьи, основанные на анализе разного материала, объединены как общим подходом, так и общностью проблематики: языковые конфликты в многоязычных странах, неравенство языков, двуязычное обучение, прежде всего как средство компенсации лингвистического неравенства.

Статья Э. Р. Ауэрбах "Политика в классной комнате, где обучают английскому языку как второму: проблема власти в педагогическом выборе" исследует процесс обучения в школах английского языка для взрослых иммигрантов в США (автор – преподавательница в одной из таких школ). Э. Р. Ауэрбах подчеркивает, что в таких школах помимо чисто языкового ведется и идеологическое обучение: учеников учат "американскому образу жизни", причем в последнее время произошел некоторый сдвиг: раньше в учебных программах на первом плане было обучение демократическим ценностям, теперь – приобретение навыков жизни в потребительском

обществе. В некоторых программах прямо речь идет о необходимости смиряться со своим положением, подчиняться боссу и пр. Ученикам внушается идея необходимости скорейшего отказа от родного языка как необходимого условия для адаптации в США (некоторые учителя даже требуют от учеников платить по 25 центов за каждое высказывание на родном языке). Все это автор статьи рассматривает как использование языка и обучения в качестве средства идеологической власти; сама традиционная классно-урочная система рассматривается ею как вид неравенства, господство учителя над учениками. Выход из положения видится в расширении прав учеников, предоставлении им возможности самим подбирать приемлемые для них учебные тексты, а также в ломке традиционной классно-урочной системы и обучении через неофициальный разговор учителя с учеником.

Наиболее теоретична в сборнике статья А. Пенникок "Английский язык в мире / Мир в английском языке", посвященная мировой роли данного языка. Автор активно спорит с господствующей точкой зрения (в целом разделяемой и в книге Дж. Эдвардса) о нейтральности процесса расширения функций английского языка, ведется полемика с индийским социолингвистом Б. Качру. Тем более выражается несогласие с идеями о естественности и благотворности данного процесса. "Нейтральностская" точка зрения связывается А. Пенникок с позитивизмом и структурализмом. В противовес этому подчеркивается роль английского языка в господстве богатых, прежде всего англоязычных стран над бедными и в установлении неравенства между англоязычным и неанглоязычным населением в самих англоязычных странах. Некоторые языки вроде чаморро на принадлежащем США о-ве Гуам исчезают под давлением английского, но еще больше это давление заметно в его распространении в качестве второго языка: международная роль всех остальных языков резко уменьшается. В связи с последним процессом упомянуты события 80–90-х гг. в Восточной Европе. Правда, в конце статьи упомянуто, что социальная роль английского языка может быть различной: например, в ЮАР и ряде других африканских стран именно на английском языке шла борьба с колониализмом. Однако хотя с английским языком могут связываться разные курсы, требующие разной оценки, в целом главная задача – борьба за ограничение его роли.

Соглашаясь с автором статьи в том, что языков, полностью нейтральных в социальном отношении не бывает, нельзя не отметить, что все-таки степень нейтральности языков различна и, в частности, английский язык может оказаться если не абсолютно, то относительно нейтральным. Не случайно, что главным оппонентом А. Пенникок оказывается именно индийский автор: в многоязычной Индии, где всякая попытка поднять роль одного из местных языков, прежде всего хинди, вызывает резкий протест у носителей других языков, английский язык, оказывается наиболее нейтральным: он "ничей" и в то же время достаточно известен, а воспоминания колониального периода через полвека уже перестали быть актуальны. Тем более нет оснований отрицать естественность процесса экспансии английского языка, хотя вполне естественна и ответная отрицательная реакция многих на этот процесс, и попытки ему сопротивляться.

В статье Д.У. Герео и К.Э. Уотсон-Герео "Язык понимания и власть на Соломоновых островах" описывается школьная система на этих островах после достижения в 1978 г. независимости. Все школьное обучение ведется здесь на английском языке, хотя им владеет не более 10–15% населения. Хотя количество школ, в том числе сельских, довольно велико, уровень обучения очень низок. Учителя, присылаемые из других районов, обычно не знают родной язык детей и плохо владеют английским, а дети не видят стимула для освоения английского языка. В результате обучение принимает характер ритуала, язык не выучивается и лишь усиливается разрыв между городом и деревней.

Более оптимистичную картину по сравнению со статьями Э.Р. Ауэрбах и супругов Герео рисует статья М. Мартин-Джонс и М. Саксена "Поддержка или сдерживание двуязычия?", основанная на опыте школ для детей иммигрантов, прежде всего индийцев, в Северо-Западной Англии. В условиях полного отсутствия квалифицированных двуязычных педагогов эффективной оказалась система, при которой обучение ведут два человека: профессиональный педагог, знающий только английский язык, и его ассистент (вернее, ассистентка) из индийцев, владеющих английским языком. Функции такой ассистентки разнообразны: от перевода слов учителя до самостоятельного рассказа или показа, на ее долю также падает общение с родителями детей. Она выполняет двойную роль: младшего учителя

и "тетушки". В результате дети осваивают английский язык, не теряя родного.

Пожалуй, наиболее интересна для нас статья С.К. Соннтаг "Состязания элит и движения за официальный язык", где анализируется опыт языковых движений XX в. на материале четырех стран: языковой борьбы фламандцев и валлонов в Бельгии между мировыми войнами, попыток сделать хинди (первоначально — хиндустани) основным государственным языком Индии, движения за объявление английского языка государственным в США в 80-е гг. и деятельности Народных фронтов в республиках СССР в период перестройки. Во всех случаях, по мнению автора, культурно-языковые проблемы не играли самодовлеющей роли: за ними стояли политические и экономические интересы не стоявших у власти и нередко, особенно поначалу, маргинальных элит. Эти элиты старались занять то или иное место во власти и использовали языковые лозунги (в той или иной степени отражавшие реально существующее языковое неравенство) как средство сплочения масс. Подчеркиваются некоторые различия данных движений: в США движение чисто консервативно, в других странах в них участвовали левые и правые. Но С.К. Соннтаг прежде всего старается показать общность процессов в странах разных систем и культур.

Раздел, посвященный СССР, занимает у С.К. Соннтаг лишь две страницы (105–107) и основан только на англоязычных источниках. Тем не менее ее оценки заслуживают внимания. Она констатирует языковую дискриминацию нерусского населения в СССР начиная со сталинского времени, но суть проблемы видит в конфликте "центр—периферия". Главный процесс, по мнению автора статьи, борьба между тремя элитами: центральной советской, региональными партийными элитами, конфликтовавшими с центром еще до перестройки, и поначалу маргинальными национальными некоммунистическими элитами. Борьба центральной и местной власти, лишь в малой степени имевшая языковую окраску, с началом гласности сменилась борьбой центра с бывшими маргиналами, тогда как местная власть как слишком "промосковская" обычно была оттеснена на задний план или объединилась с центром. На этом этапе средством консолидации масс вокруг некоммунистической национальной элиты стала (особенно в Прибалтике и Молдавии) проблема языка, активно поднимавшаяся активистами Народных фронтов. С выдвиганием на

первый план более радикальной идеи национальной независимости языковые проблемы вновь ушли в тень.

Лишь попутно затронутый у С.К. Соннтаг вопрос о консервативно-языковом движении в США специально стал темой статьи Т.С. Донахью "Американская языковая политика и компенсаторное мнение" (рассмотрен этот вопрос и у Дж. Эдвардса). В законах США никогда не было пункта о государственном языке, может быть потому, что долго у этого языка в стране не было реальных конкурентов. Положение несколько изменилось в 60–70-е гг. в связи с либеральным движением за гражданские права, в результате которого появились школы на языках меньшинств, прежде всего на испанском, в ряде штатов было введено многоязычное голосование. Все это вызвало обратную реакцию у консерваторов. В 1981 г. сенатор С. Хаякава (японец по происхождению) внес законопроект о конституционном признании английского языка государственным. Несмотря на сочувственное отношение президента Р. Рейгана, проект на федеральном уровне не прошел, но в 12 штатах после референдумов соответствующие законы были приняты; в основном это традиционно консервативные штаты Юга, но также Иллинойс и Калифорния. В результате всякая возможность использовать какого-либо языка, кроме английского, в государственной сфере была в этих штатах исключена, что вызвало протесты и заявления о дискриминации. В статье подробно изложена фактическая сторона дела.

Все же вряд ли права С.К. Соннтаг, приравнивающая данное, несомненно, консервативное движение к движениям против языковой дискриминации в Прибалтике или Фландрии. Позициям английского языка независимо от его формального статуса в США реально ничего не угрожает, речь может идти лишь о самом минимальном сокращении его функций. Гораздо хуже в США положение всех прочих языков, опять-таки независимо от законодательства. Об этом идет речь в статье О. Гарсия "Испанский язык, потерянный как определитель дохода среди латиноамериканцев в США". Как в ней сказано, в США господствует представление о нежелании многих испано-американцев интегрироваться в "американский образ жизни", в частности, перейти на английский язык как главной причине их бедности и тяжелой по американским меркам жизни. Автор старается разоблачить этот, по ее

мнению, миф и проводит статистическое исследование о соотношении между уровнем владения английским языком и уровнем доходов у испано-американцев разных категорий. В целом прямая корреляция этих параметров, однако, подтверждается за одним исключением: это кубинские эмигранты. Их уровень доходов – наивысший среди прочих американцев латиноамериканского происхождения, но степень владения английским языком несмотря на сравнительно высокий образовательный уровень – ниже средней.

Б.М. Балливерт в статье "Идеологические влияния на языковые и культурные возможности: австралийский пример" описывает особенности культурно-языковой политики в Австралии. Здесь начиная с 1973 г., когда у власти находились лейбористы, перешли от традиционной для англоязычных стран политики государственной поддержки английского языка к крайне либеральной политике всеобщего двуязычного обучения. В соответствии с ней каждый гражданин Австралии должен владеть двумя языками: родным и английским, если он иммигрант или абориген, английским и иностранным, если он – носитель английского языка. В статье описываются этапы данной политики. Показано, что проекты с трудом соответствуют реальности, введение двуязычного обучения шло тяжело и заняло больше времени, чем предполагалось, но все же постепенно стал устанавливаться необходимый компромисс между планами и жизнью.

В последней статье Н.Х. Хорнбергер "Пять гласных или три? Наука и политика в языковом планировании кечуа в Перу" показано, как даже вопрос о составе гласных фонем может стать политическим. В 80-х гг. в Перу решили изменить орфографию кечуа по строго фонемному принципу, в том числе из алфавита изъяли буквы *e* и *o*, поскольку соответствующие звуки – лишь аллофоны *i* и *u*. Сразу обозначился конфликт между осуществившей реформу столичной испаноязычной элитой Лимы и национальной элитой кечуа, сосредоточенной в г. Куско, центре культуры этого народа. Элита кечуа выступила за традиционную, уже привычную орфографию, и началась "орфографическая война", не закончившаяся до сих пор.

Можно по-разному относиться к теоретическим идеям рассматриваемых книг, но они представляют несомненный интерес как с точки зрения представленных фактов, так и в связи с содержащимися в них наблюдениями и оценками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айдар Халим* 1988 – Язык мой – друг мой // Дружба народов. 1988. № 6.
Хинт М. 1988 – Двуязычие и национализм // Дружба народов. 1988. № 5.
Fairclough N. 1989 – Language and power. L.; N.Y., 1989.
Laponce J.A. 1987 – Languages and their territories. Toronto; Buffalo; London, 1987.
Skutnabb-Kangas T. 1983 – Bilingualism or not. The education of minorities. Clevedon, 1983.

В.М. Алпатов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

4–11 августа 1996 г. в Абердине (Шотландия) состоялся XIX Международный конгресс ономастических наук, на который собралось 300 делегатов от 40 стран. Было проведено четыре пленарных заседания с докладами: Дж. Барроу (Шотландия) "Топонимы и история Шотландии"; М. Геллинг (Англия) "Топонимы и ландшафты"; А. Дорон (Канада) "Свободны ли топонимы от политики?"; Г. Кос (Германия) "Имя в процессе обучения". Секционные заседания, проводившиеся в 4–5 потоках, были посвящены многочисленным вопросам, касающимся объема, перспектив и методов ономастических исследований. Конгресс проводился Абердинским университетом и Международным советом по ономастическим наукам во главе с проф. Абердинского университета В.Ф.Х. Николайсе-ном.

Во время Конгресса было проведено несколько заседаний Международного совета по ономастическим наукам (ICOS), пришедшего на смену Международному комитету ономастических наук. На одном из заседаний ставился вопрос о целях и задачах преобразованного органа (ICOS) – журнала "Onoma". До преобразования ICOS основным направлением журнала "Onoma" было библиографическое. В настоящее время во многих странах имеются свои специальные ономастические журналы. Кроме того, до 200 журналов во всем мире печатают статьи по ономастике. Во Французской Канаде ономастические публикации ведутся уже столет, а активная ономастическая работа началась с середины XIX в. Ономастическая комиссия существует с 1912 г. В Германии имена собственные считают важной составной частью лексики, а работы, игнорирующие собственные имена, считают неполными. Дж. Барроу подчеркнул, что топонимы – это лексические единицы, указывающие на этническую и культурную последовательность расселения людей. Поэтому их значение для изучения ранней истории человечества трудно переоценить.

Важное теоретическое значение имеет доклад Т. Веннеманна (Германия) "Доиндоевропейские топонимы в Центральной и Западной Европе". Он условно разделил эти топонимы на басконские и атлантические. Он считает, что индоевропейцы пришли в Европу с юго-востока. Басконские народы занимали территорию севернее Альп, атлантические – на западе Европы и Африки. Подтверждение своей гипотезе он находит в гидронимах на *is-leisl*: *Isar, Isère, Eisenbach* и, возможно, *Thames*, ср. сохранившееся в баском языке *iz*- 'вода'. К той же группе относятся названия на *ur-*, *auer-*: *Auerbach, Urfe*, баск. *ur-*, *hur-* 'вода'. Многочисленные названия с компонентом *Bischof* 'епископ' он считает переделкой баск. *bizkar* 'спина' как обозначение горного хребта. В названиях на *bid-/bed-* отражено баск. *bide* 'дорога'. Атлантические топонимы связывают Европу с Западной Африкой. К ним относятся гидронимы типа *Tajo/Tejo*, ср. хауса *tagus* 'река' и шотл. *Tay*; связь Иберии и Шотландии подтверждается многочисленными топонимами с начальным *pit-* – рефлексом евро-афразийского 'земля, территория'.

М. Геллинг в докладе "Топонимы и ландшафты" отметила, что в древнеанглийском языке был богатый набор слов, обозначающих различные детали ландшафта, а современный английский беден ими. Полевая работа по сбору топонимов с последующей расшифровкой их древних написаний позволяет с достаточной точностью этимологизировать древние названия. Топографические обозначения свидетельствуют о статусе и экономическом положении древнего поселения, служат ориентиром, отражают физико-географические особенности объекта. Такое отношение к объектам при их номинации было типично для древнегерманских племен, пришедших в Британию, и обнаруживается на всей территории, что позволяет хронологизировать

названия и заселение острова и его отдельных частей.

Например, др. англ. *dūn* 'холм, гора' в топонимии обозначает небольшую возвышенность со сглаженной вершиной, удобную для постройки населенных мест, современное *down*: *Billington* < *Bullendon* 'холм Билла'; *hōh* в топографии – холм, полого поднимающийся с одной стороны и резко обрывающийся с другой: *Ivinghoe* < *Evingehou* 'холм людей Ифа'; *denu* – протяженная долина, обычно изогнутая, по которой проходит дорога: *Assendon* < *Assundene* 'долина ассов'.

П. Халларокер (Норвегия) в докладе "Имена и этническая принадлежность" говорил об отношении выходцев из Норвегии, поселившихся в Америке, к своим фамилиям и географическим названиям. Наиболее старые диалектные формы норвежских имен связаны с устной традицией и старой норвежской культурой. Прибывавшие позднее образованные люди связаны с литературной традицией, с датско-норвежским языком (с датской орфографией) и ново-норвежской культурой. Английский язык приобщал переселенцев к американской культуре. Таким образом, истоки их имен имеют тройкий характер. При регистрации американского гражданства и покупке земель имеет место адаптация имен к английскому языку посредством буквального перевода: *Bjørkehaugen* – *Birchhill* 'березовый холм', *Knappen* – *Button* 'пуговица', посредством изменения орфографии: *Strøm* – *Strom*, *Gaarder* – *Gorder*.

Несколько докладов было посвящено проблеме "свое – чужое" в антропонимии и топонимии. Так, Э. Брюлла (Швеция) отметила, что в Швеции регистрируются фамилии, непременно согласующиеся с нормами шведского языка и орфографии. В частности, фамилии эмигрантов из Либерии и других приморских стран просто заменяются на *strandman* Э.-М. Кристоф (Германия) говорил об интеграции в современную немецкую среду этнических немцев, около двухсот лет проживших в

России. Чтобы чувствовать себя полноправными членами общества, они должны получить имена и фамилии, согласующиеся с нормами немецкого языка. Если *Иван* однозначно меняется на *Johannes*, то *Любовь* меняется на *Karina*, *Владимир* – на *Waldemar*, *Вячеслав* – на *Victor*. Немецкая фамилия, имеющая в русских документах форму *Гибнер*, возводится к своей исторической немецкой форме *Hübner*.

В связи с разработкой нефтяных и газовых месторождений в Северном море перед норвежцами стоит вопрос о наименовании невидимых объектов. Лучшим источником для них признана скандинавская мифология и саги, о чем говорилось в докладе Э.-И. Эллингсве (Норвегия).

От России в Конгрессе приняли участие: А.В. Суперанская с докладом "Протяженность имени во времени и пространстве", Р.А. Агеева "Принципы составления этнонимических словарей", З.В. Рубцова "Русский ономастикон. Методы составления", М.Л. Алёхина (Санкт-Петербург) "Грамматика собственных имен в современном норвежском языке".

В хорошо ономастически развитых странах создаются ономастические словари, атласы, осуществляются различные классификации имен. У западных славян ономастический материал более или менее собран, у южных и восточных – нет. Нужны атласы гидронимов и микротопонимов, работы по хрестоматиям, названиям коллективов и учреждений, названиям домов, улиц, гостиниц.

Обращает на себя внимание активное отношение жителей многих стран к своим именам, желание их осмыслить и большая научная и практическая работа по ономастике, унификация орфографии исторически одних и тех же имен, адаптация иноязычных названий, замена названий, вызывающих неприятные ассоциации на территориях с разноязычным населением, – всё это на фоне серьезного изучения топонимов и антропонимов с момента их первой фиксации.

А.В. Суперанская (Москва)

27–30 августа 1996 г. в Волгограде состоялся международный семинар "Состояние и перспективы изучения словообразования славянских языков", организованный кафедрой истории русского языка и стилистики Волгоградского государственного университета и Комиссией по словообразованию при Международном комитете славистов.

В программу семинара было включено около 20 докладов, темы которых были представлены учеными университетов, педагогических институтов, академических учреждений Армении, Белоруссии, Казахстана, России, Австрии, Болгарии, Германии, Польши и Франции. К сожалению, по разным причинам не все докладчики смогли приехать.

Научный семинар кратким вступительным словом открыла председатель оргкомитета С.П. Л о п у ш а н с к а я (Волгоград). Подчеркнув актуальность темы семинара, она обратила внимание на недостаточность исследований в области диахронного словообразования, на различное понимание сущности синхронно-диахронического метода описания словообразовательных единиц, на отсутствие единой терминологии.

Участников международного научного семинара приветствовал ректор Волгоградского государственного университета академик О.В. Иншаков.

На семинаре, проходившем в форме активного диалога между докладчиками и слушателями, были прослушаны доклады, построенные на материале разных славянских языков, однако чаще всего различные принципы и методы синхронного и диахронического описания словообразовательной системы иллюстрировались данными русского языка. На обсуждение были вынесены следующие проблемы: синхрония и диахрония в словообразовании; принципы диахронического описания словообразования славянских языков; принципы синхронного описания словообразования; словообразование в его отношении к другим уровням языка (словообразование и лексика, словообразование и синтаксис, словообразование и морфология); единицы словообразовательной системы и их лексическая реализация; закономерности сочетаемости морфем.

В докладе председателя Комиссии по словообразованию И.С. У л у х а н о в а "О состоянии и перспективах развития словообразования русского языка" отмечалось, что историческое словообразование русского языка, как и других славянских языков, изучено явно недостаточно, несмотря на большое количество конкретных исследований и прогресс в сфере исторической и этимологической лексикографии славянских языков. Это отражается, в частности, в том, что словообразование либо вообще не входит в исторические грамматики и вузовские курсы по истории славянских языков, либо дается в них кратко и поверхностно. По мнению И.С. Улуханова, нельзя говорить и о исчерпанности теории синхронного словообразования. Так, в современной русистике, как и в чешском и польском словообразовании, используется аналитический системно-структурный подход к описанию словообразовательной системы. С иных позиций словообразование не описывалось. Докладчик указал на возможность — представление этой системы как органи-

зованной совокупности реализованных и потенциальных единиц, т.е. совокупности возможностей ("клеток"), одни из которых реализованы, а другие не реализованы. При описании динамики словообразовательных процессов на материале окказионализмов докладчик избирает именно этот путь. В результате И.С. Улухановым было выявлено 79 чистых и смешанных способов образования слов.

Оживленный интерес вызвал доклад И. О н х а й з е р (Австрия) на тему "Производные слова в составе русских и немецких фразеологизмов". В докладе были проанализированы различные типы фразеологизмов с точки зрения словообразовательной структуры входящих в них компонентов. Анализу была подвергнута, в частности, словообразовательная структура имен существительных и прилагательных в составе фразеологизмов. В результате выявлен удельный вес производных, производных простых и сложных существительных и прилагательных в составе русских фразеологизмов в сопоставлении с немецкими, определена тематическая принадлежность проанализированных производных и производных существительных. Установлено, что в составе фразеологических сочетаний преобладают производные существительные и прилагательные, во фразеологических сочетаниях — производные имена.

В докладе Т.В. П о п о в о й (Екатеринбург) рассматривался вопрос о деривационно-семантическом пространстве русского глагола в свете лексикализованной грамматики. Максимально лексичны, по мнению докладчика, лексико-семантические группы лексемно-центрического и деривационно-гнездового типа, представленные производными глаголами. Максимально грамматичны лексико-семантические группы деривационно-структурного типа, в которых преобладают производные глаголы с модификационными словообразовательными значениями — количественными, временными, субъектно-объектными, квантитивно- и фоно-предикативными.

Актуальный вопрос о методике определения границ недискретных аффиксальных формантов и их морфемного состава был поднят в докладе Э.П. К а д ь к а л о в о й (Саратов) на тему "Гнездо — формант — морфема". Автор считает, что при неединственной мотивированности производных слов "вычисление" словообразовательных формантов далеко выходит за компетенцию гнезда и требует обращения к исследованию словообразовательных рядов

и словообразовательных категорий в их исторической динамике, словопроизводства в живой речи и т.д. Гнездо может стать самостоятельным источником суждений только о морфемном составе производного слова

Грамматическому аспекту белорусского синхронного словообразования посвящался доклад А.А. Лукашанца (Минск), в котором устанавливалось, как именно влияют грамматические характеристики мотивирующего и мотивированного слов на функционирование словообразовательных формантов и реализацию их значений. Были проанализированы типы словообразовательных значений с точки зрения соотношения с родовой маркировкой мотивированных и мотивирующих слов в рамках модификационного словообразования существительных в белорусском языке

В докладе Ю.Г. Кадькалова речь шла о соотношении словообразовательных типов внутри одной словообразовательной категории (материалом исследования явились имена существительные со значением отвлеченного признака). По мнению докладчика, представление о словообразовательной системе русского языка не может быть полным без изучения сходств и различий словообразовательных типов однокорневых но разносуффиксальных дериватов, близких по своим лексическим значениям и принадлежащих к одной словообразовательной категории

На необходимость использования понятия "семантико-словообразовательная категория" как при синхронном, так и при диахроническом описании указывала в своем докладе Е.И. Коряковцева (Москва). К одной семантико-словообразовательной категории относятся производные (мотивированные) слова, имеющие производящие (мотивирующие) разных час-

тей речи. Семантико-словообразовательные категории отождествляют ряды производных, семантически достаточно четко и определенно противопоставленные другим рядам производных, целиком покрывая словообразовательный участок того или иного номинационного поля. Актуально сопоставление свойств словообразовательных категорий, образующих центр семантико-словообразовательной категории, и категорий, находящихся на ее периферии

С интересом был встречен доклад М.Гиро-Вебер (Франция) о комбинаторике префиксов в двупроставочных русских глаголах. В нем рассматривались такие проблемы, как разграничение синхронно и диахронно двупроставочных глаголов (ср. *по-вы-ходить* и *по-забыть*), выделение вторичных приставок, наиболее продуктивных в современном русском языке, и определение их формально-семантических и функциональных особенностей, выявление семантических закономерностей сочетаемости глагольных префиксов

С.П. Лопушанская посвятила свое выступление роли семантических изменений производящих (мотивирующих) слов при образовании глаголов движения в древнерусском, болгарском и современном русском языках. Ею был выявлен целый ряд закономерностей семантической модуляции при глагольном словопроизводстве

Международный научный семинар прошел активно и плодотворно. Подведены итоги его работы. Решено в 1997 г. опубликовать отдельной книгой все доклады. Участники семинара выразили благодарность его организаторам и ректорату Волгоградского государственного университета за внимание и поддержку

Е.И. Коряковцева (Москва)

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ,
ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»**

- БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук (Росс АН)
АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в начальной школе
РЯШ – Русский язык в школе
СБНУ – Сборник за народни умотворения
СТ – Советская тюркология
ФН – Доклады высшей школы Филологические науки
ADAW – Abhandl der Deutschen (Berliner) Akad der Wissenschaften Klasse fur Sprachen, Literatur und Kunst
AfsIph – Archiv fur slavische Philologie
AGI – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl der Konigl Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv for nordick filologi
AO – Archiv orientalm
APAW – Abhandl der Preussischen Akad der Wissenschaften Philosoph-hist Klasse
BCLC – Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Biulétyn Polskiego towarzystwa jezykoznawczego
BSLP – Bulletin de la Société de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the school of Oriental studies
BzNf – Beitrage zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic journal
CFS – Cahiers F de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatrica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu – Journ de la Société finno-ougrienne
JФ – Јужнословенски филолог
KZ – Zeitschrift fur vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LM – Les langues modernes
MM – Maal og minne

MSFOu – Mémoires de la Société finno-ougrienne
 MSLP – Mémoires de la Société de linguistique de Paris
 MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
 NSS – Nysvenska studier
 NTS – Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
 PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
 PMLA – Publications of the Modern language association of America
 RES – The Review of English studies
 RÉG – Revue des études grecques
 RÉSI – Revue des études slaves
 RF – Romanische Forschungen
 RKJL – Rozprawy Komisji językowej Łódź t-wa naukowego
 RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk t-wa naukowego
 RLR – Revue de linguistique romane
 RO – Rocznik orientalistyczny
 RP – Revista de Portugal Serie A Lingua portuguesa
 RS – Rocznik slawistyczny
 SaS – Slovo a slovesnost
 SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad der Wissenschaften, Phil-hist Klasse für Sprachen
 Literatur und Kunst
 SFL – Studi di filologia italiana
 SMS – Sborník matice slovenskej pre jazykozpyt narodopies a literarnu historiu
 SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akad er Wissenschaften
 StO – Studia orientalia
 SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad der Wissenschaften
 TA – Traduction automatique
 TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
 TCLP – Travaux du Cercle linguistique de Prague
 TIL – Travaux de l'Institut de linguistique
 TPhS – Transactions of the Philological society
 UAJb – Ural-Altäische Jahrbucher
 UJB – Ungarische Jahrbucher
 VR – Vox Romanica
 WW – Wirkendes Wort
 ZAS – Zentralasiatische Studien
 ZCPh – Zeitschrift für celtische Philologie
 ZDA – Zeitschrift für Deutsches Altertum
 ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenlandischen Gesellschaft
 ZDPh – Zeitschrift für deutsche Philologie
 ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
 ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
 ZRPPh – Zeitschrift für romanische Philologie
 ZSL – Zeitschrift für Slavistik
 ZSIPh – Zeitschrift für slavische Philologie

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1 Рукописи представляются в двух экземплярах, текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке или на компьютере через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2 Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой) а значения их в кавычках.

3 Библиография в журнале оформляется следующим образом:

3.1 Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

– Код работы (фамилия и инициалы авторов, год выхода цитируемой работы), тип, название работы. В случае если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражения типа и др. или et al.

– Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например: *Успенский Б. А.* 1994 – Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) М. 1994.

– Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Грубецкой Н. С. 1990 – Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ 1990 № 2–3.

– Если это сборник или иное аналогичное издание, то кодом является одно из двух: а) фамилия и инициалы редактора (или редакторов, допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу см. выше) с указанием ред. (для других языков – ed. h/sg и т.п.) и год,

б) сокращенное название и год.

В обоих последних случаях вслед за ключом после тире указывается полное название работы, а после точки – место, запятая, год издания, например:

Gleason J. G. ed. 1978 – Universals of human language V. 1. Method and theory. Stanford (California) 1978.

Universals 1978 – Universals of human language V. 1. Method and theory. Stanford (California) 1978.

3.2 В тексте ссылки на литературу даются в квадратных скобках: фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например: [В. В. Иванов 1992: 34] [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа [W. James 1890a]. Под этим же кодом упоминается данная работа в списке литературы.

3.3 Подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.

4 Непринятые рукописи возвращаются по просьбе авторов.

5 Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

6 Авторам публикуемых статей направляется копия наборного экземпляра, который является окончательным вариантом сдаваемого в набор материала. Корректура авторам не высылается.

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

CONTENTS

M V N i k i t i n (St-Petersburg) The limits of semiotics, R R a t m a y r (Vienna) Functional and cultural-comparative aspects of pragmatic cliches (founded on the materials of Russian and German)
T K A b d i e v (St-Petersburg) Constructions with causative verbs in Kirghiz, M G G a l c e n k o
A N Y a c e n k o (Moscow) Paleographic and orthographic features of the Lestvits of 1421 and 1424 written in Constantinople and in Athos by the Russian monk Euseuius Ephraim (the second South Slavonic influence), A L S e m e n a s (Moscow) On lexical loans in Chinese, E I Š u t o v a (Moscow) Composition of meaningful monosyllables as a grammatical means of contemporary Chinese (based on the materials of nominal polysyllables) M M M a k o v s k i j (Moscow) Language – myth – culture Symbols of life and life of symbols, **From the history of science:** L V K n o r i n a Linguistic aspects of the Jewish tradition of commentary **Reviews:** V V D e m e n t e v (Saratov) The study of speech genres A survey of works in contemporary rusistics T Z Č e r d a n c e v a (Moscow) *TS Aristova ML Kovšova EA Ryseva VN Teha IN Cerkasova* Dictionary of figures of speech in Russian, V M M o k i e n k o (St-Petersburg) *J Petermann R Hansen Kokorus T Bill* Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch, V M A l p a t o v (Moscow) J Edwards Multilingualism **Scientific life**

Технический редактор *Н С Евсеева*

Сдано в набор 28 10 96 Подписано к печати 29 11 96 Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать Усл печ л 11 7 Усл кр отт 20 9 тыс Уч изд л 14 1 Бум л 4 5
Тираж 1730 экз Зак 836

Адрес редакции 121019 Москва Г 19 ул Волхонка 18/2 Институт русского языка
телефон 201 74 42

Московская типография № 2 РАН 121099 Москва Г 99 Шубинский пер 6

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Российская академия наук с 1997 года меняет условия подписки на академические журналы. Это связано с необходимостью уменьшить убытки от выпуска периодики Академии, в связи с чем будут подняты подписные цены. Повышение цен будет проходить в два этапа.

На первом этапе (I полугодие 1997 года) объявленные в каталоге подписные цены будут доступны всем категориям научных работников, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, всем государственным и научным библиотекам, а также научным и вузовским организациям.

На втором этапе (II полугодие 1997 года) численность специалистов и количество организаций, имеющих право пользования льготной подпиской, будет существенно сокращено. Воспользоваться этими льготами можно будет только при подписке в издательстве "Наука", в редакции журнала и в других местах, которые будут указаны дополнительно. Каталожная цена на академические журналы и, следовательно, стоимость подписки в отделениях связи будет значительно повышена.

Подписные цены на академические научно-популярные журналы не претерпят существенных изменений